

К. Снежинская

ПОДЧИНИ ВОЛНУ

Полюби меня, если сможешь

Их нет. Он упорно ищет «свою» пулю, она просто существует. И для того чтобы научиться жить и найти в себе силы отпустить призраков, им нужно быть рядом. Это сложно — гораздо сложнее, чем может показаться. Но жизнь того стоит. Поверьте, они точно знают. Внимание! В тексте содержится ненормативная лексика: ругательства (не мат), жаргонизмы, сленг. Осторожно! Клише. ЧЕРНОВИК (текст не вычитан).

Пролог

Уважаемые читатели!

Не ищите в этой книге аналогий с реальным миром. К сожалению, такие понятия как «война», «геноцид» и «жестокость» появились задолго до нас. Но я действительно верю, что заезженные и избитые «любовь», «дружба», «справедливость» справятся с грязью во все времена и во всех мирах.

Автор

«Ты серьезно думаешь, что тут бал дебютанток? Мол, возьмемся за ручки и томно глянем в глазки? Это война, детка! Хватай за ширинку и тащи в темный угол. Если времени хватит...»

Совет от бывалого сержанта медслужбы

Пролог

Ветер ненавидел.

Он ненавидел этот город, утыканный гвоздями небоскребов так плотно, что его порывы между ними слабели, путаясь в углах, выступах и арках человеческого муравейника, заставляя терять голос, переходя с рева на жалобное поскуливание. Ненавидел ущелья улиц, забитые воняющими железом, горелой проводкой и расплавленным пластиком монстрами, над которыми он был не властен. Ненавидел крысиные ходы переулков...

О да! Их он ненавидел особенно сильно! Стоило только случайно задеть кирпичные стены, покрытые склизкими, лишайными пятнами; коснуться комка бумаги с догнивающим куском гамбургера; тронуть прелое тряпье, прикрывающее пару дней как сдохшего за переполненными мусорными баками бродягу — и ветер переставал быть собой. Он становился грязным и липким, как эти стены. Вонял, словно гнилая котлета. В нем не оставалось ничего, словно он сам становился трупом — бессмысленность, бесцельность. Пус-то-та.

Но больше всего он ненавидел людей. Потому что им было наплевать на него. Ветер сотни лет убеждал себя, что ему нет дела до насекомых, ползающих по ущельям, сидящих в вонючих коробках, прячущихся в своих игольчатых домах. Люди не обращали на него внимания, а ему плевать на них — в ответ. Почти убедил.

Но те, кто осмеливались не замечать его в небе, принадлежащем только ему, приводили ветер в ярость. Вот, например, эти семеро, расположившиеся на крыше самого высокого муравейника как у себя дома, какое право имели быть здесь? Тут была его территория и они — чужаки, хамы! — вломились на нее с наглостью насильника.

Ветер, бесясь, рвал им волосы, словно действительно мог содрать скальп. Пытался стащить с плеч негнушующую, черную одежду. Хлестал по лицам мокрыми полотенцами дождя. Гнал над головами сизые, рваные тучи.

Без толку.

Один из чужаков присел на корточки за бетонным коробом, поднял воротник куртки, прикрывая от ветра трепещущий язычок зажигалки, и выпустил тонкую струйку остро пахнущего дыма. Порыв тут же изодрал пелену в клочья. Но наглец этого даже не заметил — помахал перед лицом ладонью, словно дым все еще весел у него под носом. Поднял голову, глядя на того, кто стоял рядом с ним — хмурого, сложившего руки на груди, глядящего тяжело, исподлобья.

— Тир, может...

— Отвали, — коротко гавкнул мрачный.

Еще один, с татуировкой, покрывающей колючим узором висок, скулу и щеку, выматерился, сплюнув под ноги, закинул короткий, словно обгрызенный, автомат на плечо. И побрел куда-то вдоль ограждения, попинывая осколок бетона. Ему до ветра тоже дела не было. Хотя тот и старался, пытаясь сорвать клоч волос, торчащий на бритой башке как хвост на конской заднице.

Остальные молчали, искоса поглядывая на застывшую с краю крыши фигуру. Этот, замерший на самой грани, так, что тупые носки его высоких ботинок висели над бездной, казалось, не замечал вообще ничего. Будто вокруг него пустота была, вакуум.

Полы расстёгнутого пальто тяжело хлопали за спиной, как провисшая мокрая парусина. Мелкий колкий дождь сек лицо, но и на это ему было плевать. Парень, не моргая, смотрел на город под своими ногами кукольными, остекленевшими глазами. Верхняя губа его подергивалась, как будто он едва сдерживался, чтобы не оскалиться. Только этот тик и остался у него от живого человека.

Мрачный шевельнул плечами, скрипнув кожей куртки, с силой провел пальцами по коротким, темным волосам, будто прочесав их, шагнул вперед и негромко, словно боясь спугнуть, позвал:

— Дем...

Стоявший на краю не отозвался. Даже не шевельнулся. Не отреагировал он и тогда, когда тяжелая ладонь легла ему на плечо.

— Дем, пора. Пойдем.

Пальцы в коротких перчатках сжались резко, рывком, словно через руку парня ток пустили.

— Ненавижу! — прошипел он. Губа задралась, сморщилась, обнажив стиснутые зубы. — Как же я все это, мать вашу, ненавижу!

— Пойдем.

— На кой хрен?! Командир, на кой хрен это все нужно?! Кому?!

— Брат...

— Да пошел ты!

Парень развернулся, скидывая ладонь с плеча. И качнулся назад — в пустоту. Тир сграбастал его за лацканы пальто, рванув на себя, волоком стаскивая с парапета. Дем, дико скалясь, обеими руками саданул по его предплечьям, пытаясь вырваться. Командир не дал — притянул к себе, обхватив за плечи.

Дем откинул голову, как будто собираясь врезать лбом по кривой переносице. Но... обмяк, осел, ткнулся головой в капитана. И завыл — тихо, глухо, едва слышно. Страшно. Словно через силу проталкивая воздух сквозь до хруста сжатые зубы.

Черные фигуры за ними не шевелились, застыв чернильными абрисами на фоне

свинцовых туч — плоские, нарисованные тушью. И казалось, что за их спинами к крыше тянется мрак.

Не было никакого мрака. Просто наступил тот короткий миг, когда солнце, невидимое за грязной портьерой неба, село. Его рассеянный, сумрачный свет уже пропал, а фальшивое зарево ночного города еще не разгорелось.

И когда внизу, в ущельях улиц, вспыхнули фонари, помаргивая ореолами радужных рекламных огней, крыша была пуста. Люди исчезли, оставив ветру его небо.

Порыв взвился вверх, закрутив вихрем мелкий мусор. Подхватил растоптанный окурок, вычищая свою территорию, радуясь, что, наконец-то, остался один. Хотя в чем-то со своими незванными гостями он был согласен.

Ветер тоже ненавидел этот город.

Глава первая

Глава первая

Вейр остановилась возле своей машины, перекинув сумку на живот, чтобы достать ключи. И замерла, вцепившись в кожаный ремень, разглядывая синий, глянецовый бок «Гламор-Экстра», словно видела его впервые.

С ней такое случалось. Ни с того, ни с сего она зависала, как перегруженный компьютер, уставившись на что-нибудь блестящее или светящееся. Нет, она не выпадала из жизни. И сознание, слава Богу, оставалось при ней. Но чтобы стряхнуть с себя ступор требовались усилия.

К счастью, «зависала» она все реже.

Ветер шлепнул ее по щеке, провезя чем-то липко-мерзким. Доктор вздрогнула, отшатываясь. Низкий, практичный каблук попал в выбоину на асфальте и Вейр едва на задницу не села. Пришлось балансировать, нелепо расставив руки в стороны, размахивая сумочкой. Сердце колотилось в горле, виски ломило. Кровь от страха прилила к черепу, заставляя видеть тени там, где их не было.

Проморгавшись, прижимая руку к груди в лучших традициях мелодрам, Ли убедилась, что на нее напал обрывок газеты, которой ветер играл, как кот с бантиком. Мазнув Вейр по лицу, порыв погнал смятый комок вперед, пнув его о разгорающийся в предвечерних сумерках фонарь.

Доктор сглотнула, пытаясь смыть во рту кисловатый приступ страха. Ладонью вытерла со лба холодную испарину. Пальцы заметно подрагивали. Неврастения, что тут скажешь? Застарелая, знакомая, такая же неотъемлемая часть ее самой, как привычка грызть щеку.

Телефон в кармане грохнул, будто взорвавшаяся бомба, затопив пустую улицу веселеньким, жизнерадостным маршем. И заставив Вейр подскочить на месте.

— Да что ж это такое-то?!

Она дернула из кармана пластиковое тельце, выворачивая подкладку. И, злясь на весь мир, а больше всего на себя саму, рывкнула, не глядя на номер:

— Доктор Вейр слушает!

— Ты опять пропустила сеанс у психолога, — вместо приветствия, констатировала мать.

Зря она на номер не посмотрела. Умные люди для того и придумали определитель, чтобы можно было сделать вид, что не слышала звонка. Или забыла телефон в машине. Или

случайно спустила его в унитаз.

— Мама, я только что вышла от нее, — напомнив себе в тысячный раз, что терпение есть великая добродетель, отозвалась Вейр. Ровный тон давался с трудом. Желудок мелко подрагивал, как холодец. — И собираюсь сесть в машину, чтобы ехать домой.

Доктор вспомнила, что действительно собиралась сесть в машину. Только ключи достать не успела. Из сумки достать, точно!

Она закрутила головой, пытаясь определить, где эта самая сумка. Не сразу сообразив, что сжимает ее ремешок в собственном кулаке. А само творение от Дер Кусо тушкой лежит на грязном асфальте.

— Ты меня не обманываешь? — выдержав театральную паузу, осведомилась мать.

Она никогда просто не говорила. Госпожа Снер осведомлялась, констатировала, сообщала — все, что угодно, но не говорила как все нормальные люди. Наверное, это было нелегко.

— Мама! Мне тридцать лет! — вызверилась Вейр, разом забыв про все добродетели на свете. — Даже если я тебя обманываю, то кому какое дело? Тебе не кажется странным, что ты звонишь мне, чтобы проверить, не пропустила ли я сеанс у психолога?

— Тебе двадцать девять, насколько я помню. А тридцать исполнится только через четыре месяца, — чему бы стоило поучиться у этой женщины, так это выдержке. — И ничего странного в создавшейся ситуации я не вижу. Ты мой единственный ребенок. Вполне естественно, что я о тебе забочусь...

Да, это просто забота. Всего лишь проявление материнской опеки. Не «держись, дочка», не «милая, я всегда рядом», не «все пройдет». Нет, ничего подобного и никогда. «Ты не пропустила сеанс?». Но, в конце концов, каждый понимает заботу по-своему. И родителей не выбирают. Ей, между прочим, еще не самые плохие достались.

— Мам, прости, но мне нужно ехать. У меня еще вечерний прием назначен, — перебила ровный, как будто расчесанный и приглаженный, поток слов Вейр. — Я тебе перезвоню, хорошо?

— Нет, не перезвонишь. Сегодня вечером Ари пригласила меня на суаре[1]. И я надеялась, что ты будешь меня сопровождать. Но, видимо, надеялась я зря. Ты предпочитаешь оставаться эгоисткой и демонстративно упиваться своими сложностями.

И на этой жизнерадостной ноте мать, не прощаясь, отключилась. Доктор задумчиво провела ребром телефона по щеке. Его пластиковый бочок был теплым, нагретым в ладони.

Спасти собственную шкуру от жертвоприношения разгневанной богине можно было двумя способами. Немедленно позвонить, долго извиняться и пойти... Куда бы там не было, пойти с матерью. Или несколько дней каяться, посыпая голову пеплом и признавая собственное несовершенство. Зато начать можно завтра... Сложный выбор. Настоящая дилемма.

Ветер распахнул полы не застёгнутого жакета, игриво забрался под юбку, лизнув холодным языком ноги. Вейр поежилась. И одним пальцем набрала на телефоне команду, отправляя машину к офису.

Ее «девочка», кокетливо подмигнув фарами, деликатно рыкнула. И двинулась вперед, слегка подкидывая изящный зад на выбоинах асфальта. Доктор застегнула жакет, решительно забрасывая ремешок сумочки на плечо.

Конечно, вечерняя прогулка по этому району была не самой гениальной идеей.

Психолога она выбрала так, чтобы при его посещении не столкнуться ни с кем из знакомых. Чем, конечно, разочаровала свою мать, считавшая, что если уж существует необходимость посещать столь... неудобного врача, то стоит, по крайней мере, выбрать специалиста с именем.

Но сейчас Вейр, не смотря на свои невроты и многочисленные фобии, решила пройтись. Нервы были перетянуты, как будто кто-то держал их в кулаке, медленно наматывая на руку. В таком состоянии домой отправляться бессмысленно. Все равно не уснула бы, прокрутившись на постели волчком половину ночи.

Да и в собственный офис стоило бы зайти. Хотя, конечно, никакого вечернего приема у нее назначено не было. Но лучше поработать, чем, бродя из комнаты в комнату, тратить время на неубедительные попытки уговорить себя, что все в полном порядке. А отсюда до ее кабинета пройти можно было минут за двадцать. Если поспешить.

А поспешить хотелось. Вейр снова поежилась, поправляя ремешок сумки. И горячо жалея, что отправила машину. Для того чтобы ее вернуть, достаточно было достать телефон из кармана. Но вместо этого доктор пошагала вперед по самому краю тротуара, стараясь огибать темнеющие неосвещенными провалами подворотни.

Пуля злобно цвиркнула, выбив край плитки над головой, засыпав щеку мелким крошечком. Уроды палили не прицельно, но легче от этого не становилось. Стрелять в бетонном мешке, утыканном колоннами, как расческа зубчиками, да еще и облицованным искусственным камнем — идея выше всяких похвал. Но выбор им предложить забыли.

— Надо убираться отсюда, — буркнул Пал, вбивая ладонью в ствол новую обойму.

— Ни хрена, — процедил Дем, вжимаясь спиной в колонну, как будто хотел с ней слиться. — Я пройду.

— Бахнулся, брат? — оскалил удлиненные клыки Вар — ему было весело. — Их там пятеро.

— Да и нашумели мы. Сейчас полиция заявится, — подал голос Из, прищурившись, следя за тенями на стенах.

Теней было много, слишком много. Лампы горели только на выходе с платформы, да и то через одну. Но станцию как будто специально декорировали для съемок какого-нибудь третьесортного сериала, вроде «Пламенеющих сердец».

С потолка свешивались кишки кабелей, выпущенных открытыми люками. Сквозняк из туннелей трепал изодранные края рекламных плакатов. Неработающие торговые автоматы, разукрашенные граффити так, что нереально было даже предположить, чем они торговали, добавляли на бетонный пол длинных, изломанных углами, химер. Которые, почему-то, тоже шевелились, как живые.

— Все высказались? — сплюнул Дем. — А теперь можете валить в задницу. Я его достану.

— Из штанов достань, — огрызнулся Пал, кривя перепаханную шрамами физиономию. — Полегчает.

Лейтенант ничего не ответил, только зыркнул злобно. Его желтые глаза поблескивали в полумраке, как у зверя, будто отражая свет.

— Дем, не дури... — воззвал к пустоте, заменяющую людям разум, Из.

Зря взывал. Лейтенант его даже дослушивать не стал. Резко выдохнул, как перед прыжком в воду, и метнулся в сторону, перемахнув через край платформы. Черный полы его

пальто мазнули по воздуху. Кажется, для тех, засевших на другом краю перрона, только этого сигнала и не хватало. От пальбы заложило уши. Эхо металось между бетонных стен, отдаваясь высверливающим мозг визгом где-то в корнях зубов.

Дем, пригнувшись и сложившись почти пополам, держась под платформой, где место для него, даже скрючившегося в три погибели, было явно мало, рванул прямо под выстрелы.

— Придурок! — не вовремя разбуженным медведем взревел Пал и грациозно, ласточкой, нырнул за Демом.

Пожалуй, это выглядело даже красиво. Что-то в этом движении было от оборотня. Эдакого гризли, в прыжке перекидывающегося в пантеру. Огромное и неуклюжее тело неожиданно приобрело грацию на грани законов физики, а, заодно, и анатомии. Вот только отборный мат, перекрывающий даже истеричный визг свинцовых ос, портил впечатление.

— Ток! — заорал Из.

— Думаешь, не вырубил? — абсолютно спокойно поинтересовался Вар, вскидывая к плечу короткоствольный автомат. — Хотя, может, и не вырубил. Дальше-то по ветке станции действуют. Прикрой! — неожиданно рывкнул он, выныривая из-за колонны.

Вар тряхнул головой, лоя хвост волос, одиноко торчащий из лысой макушки, зубами. И даже с какой-то лентой пошел вперед, держа автомат низко, у бедра. Голое, перевитое вздувшимися венами и вязью татуировок предплечье, едва заметно подергивала отдача.

Наверное, это тоже было красиво.

— Вашу мать! — выдохнул сквозь зубы Из, красоты в происходящем, видимо, не наблюдавший.

Он краем глаза видел, как Пал догнал Дема, сбив его на землю. Тускло блестящие в полумраке рельсы накрыло черным плащом. И две фигуры слились в один клубок, растворились во мраке под платформой — тень в тенях. Но парню сейчас было не до их разборок.

Вар вдруг споткнулся, его мотануло вперед, ствол автомата опустился к полу, выпустив в бетон одиночную пулю. И лейтенант, как будто раздумывая, стоит ли ему упасть или еще постоять, плавно опустился на пол, обернувшись вокруг собственной оси.

— Твою мать! — выдал Из и в неожиданно рухнувшей, как плита, тишине, его вопль прокатился по залу каменным ядром.

Но ад, оказывается, взял передышку только для того, чтобы поглубже вздохнуть, и показать, что это была только прелюдия. Крик Иза будто сдернул чеку с гранаты. И заброшенная станция метро с ее кабелями и изодранными баннерами взорвалась такой динамикой, которой не видела и в лучшие свои времена.

На другом конце зала что-то грохнуло так, что с потолка дождем посыпался мусор и каменное крошево. По выщербленному полу проворно поползли пряди грязно-желтого, липкого даже на вид, тумана. Горло немедленно продрало, как теркой, из глаз сами собой хлынули слезы. Из, утираясь рукавом, только и смог разглядеть две темные фигуры. В колыпании ядовитого марева они показались ему просто гигантскими.

Та, что появилась из тумана чуть позднее, рванула вперед, как будто обнимая со спины идущего перед ним. Объятия, по всей видимости, были действительно горячими. Потому что оба рухнули, откатившись за колонну. Изу были видны только ноги в тяжелых ботинках, колотящих по бетону как в эпилептическом припадке. Покрывало тянущей щупальца дымки перетекло через них волной, укрывая под собой.

Вместе с грохотом неожиданно ожил вроде бы подстреленный Вар. Он как жук,

перевернулся на спину, коротко огрызаясь одиночными выстрелами прямо с пола.

А Пал отлетел к стене за рельсами, врезавшись в кафель, и сбивая крепким затылком облезшую, но до сих пор подмигивающую позолотой, букву «м» в названии станции. Она словно вздрогнула и проворно перекувырнулась, превращая слово «Мирный» в «Вирный». В этом было что-то пошрое, граничащее с порнографией.

Пал задрал голову, глядя на покачивающуюся букву, и с места, не вставая, прыгнул вперед, уцепившись за край платформы. Но он уже не успевал. Дем опередил его. Не намного, на пару шагов, но опередил.

Лейтенант снова сторбился, пригнувшись к полу. Пистолет он держал низко, опущенным в напряженно выпрямленных руках. Разметавшиеся в движении полы его пальто скрывали ноги. И от этого казалось, что он не бежит, а скользит вперед, как какой-нибудь гребанный герой боевика. Вот только бешеный оскал на его физиономии герою никак не соответствовал.

Остановился он резко. Была бы тут пыль, она бы, наверное, веером брызнула из-под его подошв. Но пришлось обойтись без спецэффектов, о чем Из почти пожалел. Почти, потому что картинка и без того выглядела классно. Дем, выпрямившись, палил куда-то в темноту — хоть сейчас на плакаты. Жаль только, что насладиться зрелищем мешал проклятый дым, выжимающий из легких последний кислород.

Из-за него лейтенант и не уловил момента, когда боевик перешел к вполне закономерному трагическому финалу. Просто Дем начал падать, заваливаясь на спину, широко раскинув руки крестом. Но, почему-то, кадр восприятия сфокусировался не на нем. А на черной «пушке», которая крутясь, скользила по бетонному полу, разрывая щупальца дыма. Скользила, пока не перелетела через край платформы, канув в темноте.

— Чтоб вас всех... — проорал кто-то хриплым, как будто сорванным голосом.

И вот тут Иза накрыло осознание полного и необратимого конца — будто он со всего размаха прыгнул в черную, без единого проблеска света, воду. И непонятно, что разумнее: выныривать или послать весь мир к чертовой матери и тихонько опуститься на дно.

Приглушенный свет ночников, включенных в приемной, через стеклянные двери пушистыми пятнами ложился на крыльцо. В этом было что-то очень уютное и родное, как будто офис улыбался Вейр. Пожалуй, он был рад ее видеть даже сейчас, когда всем приличным людям уже полагалось одеть мягкий домашний костюм, толстые шерстяные носки и устроиться на диване перед телевизором с бокальчиком вина.

Она тоже была рада вернуться. Ее кабинет, пожалуй, был единственным местом, в котором Ли могла оставить свою неврастению за порогом. Набирая на панели код безопасности, доктор подмигнула ослику, радостно скалившему с вывески белые, здоровые зубы.

Сигнализация пискнула, соглашаясь и двери дрогнули, как будто ослабнув в пазах. Из приемной моргнули красные огоньки видеокамер, нацелившихся на дверь. Напоминая, что все находится под контролем. Под ее, Вейр, контролем.

Доктор подняла руку, приложив ее к сенсорной панели замка. Стеклянные створки с сухим, приятным шорохом раздвинулись, выпустив на крыльцо теплый воздух, пахнувший чистотой и молотым кофе. Ли шагнула и... Ее как будто кто-то в плечо подтолкнул — не сильно, но настойчиво, заставив пробежать вперед, чтобы не упасть.

Доктор, обеими руками вцепившись в стойку регистрации, обернулась. И ничего не

поняла. Ей показалось, что светло-бежевую приемную затопила темнота. На фоне которой плоскими блинами белели чьи-то лица. Мужские лица. И их было много, целый хоровод.

Вейр разглядела почти упершийся ей в грудь ствол пистолета, тоже черного, наверное, вылепленного все из той же тьмы, яснее ситуация не стала. Перед глазами маячила какая-то абстракция, ничего общего не имеющая не только с обычной жизнью, но и просто с предметами, которые можно было бы назвать привычными.

И только когда взгляд — сначала скользнув мимо, а потом вернувшийся — зацепился за жутко шрамированное, будто сшитое из неподходящих друг другу лоскутов лицо, доктор стала что-то соображать. Хотя и медленно, со скрипом. Но эти шрамы стали крючком, подцепившим реальность и начавшим связывать детали, набирая их, как петли.

Тьма вовсе не была тьмой. Просто несколько весьма габаритных мужчин, одетых в темное, как в униформу, почему-то оказались в ее приемной. Их было не так уж и много — человек пять или шесть. Но они действительно казались очень большими. А светлое помещение по сравнению с ними — маленьким.

И вот тут доктор поняла, что дырка, упирающаяся куда-то в район живота, вовсе не нора в ад. А дуло самого настоящего, хоть и очень большого, пистолета. Или как там эта штука называлась?

— Где я могу найти доктора Вейра? — спросил кто-то из громил.

Фраза, произнесенная абсолютно бандитским, хриплым, сорванным голосом, казалась такой нелепой, что доктор хихикнула. И, как будто испугавшись, сама себе зажала рот ладонью.

— Ну? — поторопили ее.

Опустить руку, а, заодно, и выпрямиться, переставая цепляться за стойку, было невероятно тяжело. Как будто все ее тело целиком, вместе с мышцами и сухожилиями, превратилось в сталактит. Вроде мягкое, но распрямить не проще, чем железный штырь. Но доктор справилась, встала ровно. Только вот на черное дуло перестать коситься одним глазом, как коза, не смогла. Зато сумела ответить.

— Я доктор Вейр, — голос ее хрипел и сипел ничуть не хуже, чем у спрашивающего. — Доктор Ли Вейр.

— Она ж баба, — Ли опять не поняла, кто из них это сказал. И не только сказал, но еще и сплюнул. — На кой нам баба?

— Заткнись, — коротко посоветовал тот, кто стоял впереди всех, наставив «пушку» в ее собственный — докторский — живот. Оказывается именно он и обладал тем дивным, «вороньим» голосом. — Других врачей тут нет?

— Это кабинет частной практики. Кроме меня тут никого нет, — спокойно ответила Вейр, поражаясь сама на себя.

Ни истерики, ни паники не наблюдалось. Только это самое окостенение. Ну, может быть, еще некоторую заторможенность. Вероятно, как раз все это и попадало под понятие шока. Собственно, это состояние ее вполне устраивало. По крайней мере, в падучей она пока не билась.

— А ваш муж?

— Мой муж погиб. Но и тогда он был не врачом, а адвокатом.

— Простите, я не знал, — Вейр подумала, что если этот громила сейчас галантно поклонится, то она не выдержит и начнет ржать. — Тогда придётся просить об услуге вас.

Он кивнул куда-то в сторону. И в голове улеглась еще одна деталь-картинка. Двое из

этих черных придерживали третьего. Который, кажется, был без сознания. Ну, или пьяным. У нормальных людей голова до груди обычно не свешивается.

Левая его рука, перекинутая через невероятно широкое, обтянутое чем-то черным, плечо, была странно багровой. Как будто он пальцы в банку с краской окунул. И эта краснота оставляла на куртке подпирающего мужчины густые, маслянистые мазки.

— Он ранен? — тупо спросила доктор.

На риторические вопросы ребята в черном отвечать, видимо, были не настроены. Вейр потеряла лоб, как будто это могло стимулировать мозги. Мысли то стопорились, будто ржавыми шестеренками цепляясь друг за друга, то проскальзывали в холостую.

— А теперь скажите, что это шутка, — попросила она у каркающего, который у них, видимо, был за главного. — Я — стоматолог, педиатр. Детский врач. Я даже не детский хирург! Что вы от меня хотите? Чтобы я ему зубки посмотрела?!

Вейр хихикнула и сжала кулаки, понимая, что утверждение об отсутствии истерики было преждевременным.

— Тир... — подал кто-то голос из темной толпы.

— Заткнись, — ассортимент команд у этого начальника не блистал разнообразием. — Госпожа Вейр, вы врач. И от вас требуется только обработать парня так, чтобы он дотянул до наших спецов. Ничего невозможного, верно?

— Не верно! — доктор оперлась на стойку за своей спиной обеими руками, как будто она ей устойчивости могла добавить. — У меня даже инструментов нет! А если у него шок? Чем я его купировать буду? Аспирином?

— Но ведь вы постараетесь? Госпожа Вейр, мы не воюем с человеческими женщинами. И я бы очень не хотел угрожать вам, но...

Действительно, смысла угрожать не было никакого. Если бы ей дали хотя бы минуточку на то, чтобы подумать спокойно, Ли и без чужой помощи нафантазировала все, что нужно. Что не нужно представила бы тоже.

В башке почему то всплыло невесть когда и где подхваченное знание. Собачьей своре нельзя показывать свой страх. Иначе они точно набросятся. Если сделать вид, что ты полностью уверен в своих силах, то можно попытаться с ними разминуться.

— Я вижу, как вы с женщинами не воюете! — нервно хмыкнула доктор, закусывая щеку. — Несите вашего... парня в смотровую.

— Ну, видите как все просто? — порадовал ее командир, еще одним кивком отдав распоряжение.

По крайней мере, Вейр это движение головой восприняла именно как приказ. Потому что «темные» не то чтобы забегали, но как-то рассредоточились по офису, переставая изображать собой толпу.

— Все совсем не просто. И никаких гарантий я вам дать не могу, — она сунула стиснутые кулаки в карманы жакета.

И задрала голову, потому что только в таком положении могла заглянуть в лицо каркающему. Доктор никогда не обладала модельным ростом. Да еще и этот человек действительно отличался внушительными габаритами. Не секвойя, конечно. Но дуб точно.

Только вот о внешности его Вейр все равно ничего сказать не могла. Она просто не видела черт его лица. То есть, нос, рот, два глаза — все было на месте. Но «смотреть» и «видеть» — вещи разные. Все же, действительно, ее состояние было слишком далеко от спокойствия.

— А я у вас их и не прошу. Сделайте то, что в ваших силах, — он как-то задумчиво, словно что-то прикидывая, рассматривал ее. При этом слегка похлопывая себя по ноге опущенным, наконец-то, пистолетом. Это похлопывание Вейр нервировало даже больше, чем наставленный на нее ствол. — Вы же будете давать ему какие-то лекарства, верно?

— Не знаю, по обстоятельствам. Тяжесть состояния больного я не оценивала. Да и еще раз повторяю, никаких особых препаратов я в своем офисе не храню. Если только что-то в пробниках есть и...

— Он — акшара[2], - спокойно заявил Каркун.

— Хорошо, я учту... — по инерции согласилась Вейр, направляясь в смотровую. И застыла на месте. — Кто?

— Акшара, — не менее спокойно подтвердил командир.

И вот тут доктору все стало предельно ясно. На тот свет ее проводят не просто террористы, а самые натуральные психи. Впрочем, почему бы людям, пытающимся добиться каких-то там завиральных целей с помощью размахивания оружием и подрыва поездов, не быть сумасшедшими? Скорее вопрос стоял по-другому: разве они могут быть нормальными? Кто-то считает себя воплощением Бога. Кто-то, более скромный, объявляет себя божественным войском. А эти вот, пожалуйста — акшары.

— Так, хорошо, — кивнула Вейр, — акшара так акшара. Спасибо, что предупредили.

Каркун как-то нехорошо усмехнулся, огляделся, словно искал что-то и, потеснив доктора с дороги, шагнул вперед. Его заинтересовала вешалка для верхней одежды. Когда-то Вейр оценила эту конструкцию именно за ее монументальность — толстую стальную трубу на литом основании сшибить было непросто. А ее пациенты частенько отличались грацией слонят. И примерно их же способностью сносить все на своем пути.

Вот эту вешалку и взял командир, предварительно аккуратно сняв и положив в кресло халат секретарши, одиноко болтавшийся на стальном роге. Взял он ее так, словно стойка вообще ничего не весила. Внимательно оглядел, хмыкнул... и завязал узлом. Про завязывание узлом кочерги Вейр слышала. Про такой же фокус, сделанный с трубой толщиной с ее запястье — нет.

— Акшара, — повторил Каркун, протягивая вешалку доктору.

В ответ она только головой покачала, отказываясь от подарка. И судорожно пытаясь припомнить все, что когда-нибудь об акшара слышала.

— Игры с генетикой, дорогие мои, весьма опасные игры, — вещал седенький профессор, возбуждено посверкивая очками.

Впрочем, в аудитории он был единственным возбужденным. Общую теорию генетики преподавали едва ли не факультативно. И не получить по ней зачет мог только очень, ну очень ленивый студент. А смысл изучать предмет углубленно, если все исследования в этом направлении закрыты добрых полвека назад? И даже к термину «генетические заболевания» относятся с такой осторожностью, что вслух его не каждый рискнет произнести.

Собственно, из всех «генетических заболеваний» в отечественной медицине один синдром Дауна и остался. Все же остальные патологии кокетливо называли «наследственными». То есть, вроде как, к генам отношения не имеющими. Мало ли как они там по наследству передаются? Может, с помощью магии крови?

— Задумайтесь! Всего каких-нибудь три века назад был настоящий бум генной инженерии. Ученые пытались перекроить геном не только растений и животных, но и

человека. И вдруг, буквально в один прекрасный день, в большинстве государств на них наложили вето. Почему, кто мне ответит?

— Эксперименты с генетикой не отвечают общепринятым этическим нормам, — подала голос староста группы.

Не потому, что ее интересовала генетика, а потому что она всегда и везде отвечала.

— А каким именно нормам они не отвечают? — прищурился профессор.

— Ну... Нельзя вмешиваться в природу человека, — растерялась девица.

— Вот как? Значит, пластическая хирургия неэтична? Собственно, удаление воспаленного аппендикса тоже с такой точки зрения недопустимо. Это ведь процесс, который вписывается в «природу человека». Молчите? Вот тот же! Не задумываетесь вы, молодые, над такими проблемами.

Профессор навалился грудью на кафедру, как будто стараясь дотянуться до аудитории.

— Основные этические вопросы, касающиеся генномодифицированных людей, в отсутствии однозначных определений. Человек это или уже не человек? Гражданин государства или нет? А знаете, откуда растут ноги у данной дилеммы? Акшара!

Преподаватель поднял палец вверх, акцентируя внимание на этом термине. Впрочем, в акценте необходимости не было. Аудитория проснулась и с готовностью ему внимала. Сказки любят все дети. Особенно, если сказка страшная. Первокурсники от этой любви еще не успели избавиться. И, в принципе, с одинаковым удовольствием послушали бы и про акшара, и про человека-паука. И тот и другой — плод генетических изменений. И тот, и другой — герои комиксов. Разница только в том, что акшара на самом деле существовали. Вроде бы. Когда-то. Давно. Хотя, кто сказал, что человека-паука никогда не было?

— А скажите-ка мне, кто больше всего был заинтересован в экспериментах с человеческим геномом? — плутовато прищелкнул пальцами преподаватель.

— Военные! — уверенно выкрикнул кто-то с места.

— Конечно, военные! Идея эдакого «универсального солдата» мучила милитаризованные умы, наверное, с тех пор, как появилось само понятие «воин». Магические декокты, эликсиры, увеличивающие силу. Амулеты, дающие суперспособности. Впрочем, о таких артефактах вы можете рассказать куда больше моего. Но все сводится к одному. Точнее, к четырем, превосходящим нормы, характеристикам: сила, выносливость, скорость и регенерация. То есть, цели, для генной инженерии вполне достижимые.

— Подождите, профессор, — в третьем ряду поднялся студент, явно принадлежащий к категории, изменяющей со временем свое название, но не меняющей сути — «ботан». — Вы говорите о временах, когда отдельная боевая единица, а тем более человек, солдат, потеряла свое значение. Упор делался на развитие техники и дистанционное поражение.

— Безусловно, мальчик мой, безусловно! — пребывая почти в экстазе, всплеснул руками профессор. — Конечно, мы говорим сейчас не об армии супер-солдат — она и вправду никому не была нужна. Речь идет, скорее, о спецподразделениях. Разведчики, диверсанты, снайпера, прочие узкоспециализированные профессии. Где-то больше силы, где-то больше ловкости. И везде, заметьте, везде нужны именно человеческие мозги. С ними ни один компьютер сравниться не может. Так что, можно сказать, что человечество было обречено на появление акшара.

Преподаватель откашлялся и залпом выпил стакан воды. Аудитория молчала, терпеливо дожидаясь продолжения сказки.

— Геном акшара шлифовался почти двести лет. На это потребовались колоссальные

усилия и средства. И результат — очень хороший и показательный результат — был достигнут. Более того, начались проводиться эксперименты по наследованию данного генома. То есть, мужчина и женщина акшара должны были автоматически, без вмешательства генетиков, родить ребенка, подобного себе. Но...

Профессор взял паузу, хитровато прищурившись, обводя студентов взглядом.

— Но акшара все еще оставались людьми. И у них стали возникать вполне закономерные вопросы. Главными из которых стали два. Первый: почему мы обязаны служить? Почему мы не можем выбирать свою судьбу? И второй: если я лучше человека, то почему он мной правит, а не я им? Я уже упоминал, что идея создать универсального солдата стара, как мир. И в эту мечту закладывается еще один принцип — безусловное подчинение. Но его, увы, генетически вывести невозможно.

— Но возможно воспитать! — выкрикнул кто-то с места.

— Конечно, возможно, — кивнул седой головой профессор. — И, поверьте, акшаров так и воспитывали. Более того, рискну предположить, что в данном вопросе можно говорить не только о воспитании, но и психокодировке. Но любые блоки можно обойти — дело в мотивации. И, надо думать, желание иметь право на самоопределение плюс, вполне обоснованные, амбиции и не совсем обоснованное чувство превосходства может послужить великолепной мотивацией. К счастью, до открытой войны дело не дошло. Бунт подавили в зародыше.

— Профессор, — поднял руку все тот же дотошный пацан. — Я понимаю, эксперименты запретили. Но что сделали с уже живущими акшара?

— А вот тут мы подходим к той самой морально-этической проблеме, о которой я говорил. До того, как гнойник недовольства геномодифицированных людей созрел, они считались такими же гражданами, как и все. Заговорщиков и зачинщиков, естественно, покарали по закону. Но где гарантии, что поймали всех? Где гарантии, что те акшара, которые не участвовали в бунте, никогда не устроят новый заговор? Куда девать оставшихся? Понятно, что к силовым структурам их допускать нельзя даже близко! А для иной деятельности они, в полном смысле этого слова, не созданы. И что делать? Всех убить? Изолировать? Но ведь это самый натуральный геноцид!

— И что же предприняли власти? — не отставал «ботан».

— Кто знает, что было сделано на самом деле, — развел руками профессор. — Считается, что каждый акшара в течение всей своей жизни находился под наблюдением. Их более или менее успешно социализировали. А потомства они иметь не могли — эксперименты-то, посвященные наследственности, были в зачаточном состоянии. Но, так или иначе, а акшара служат нам постоянным напоминанием о том, насколько опасны и неоправданы попытки взять на себя роль Бога!

Вейр, открыв дверь смотровой, обернулась к Каркуну.

— Я ничего не знаю о физиологии акшара. Я понятия не имею, чем и как вы отличаетесь от людей...

— Зашибись! — отзывался «темный», стоящий с боку от нее. — Сколько времени прошло, а мы все «нелюди».

— Простите, — вполне искренне извинилась доктор, действительно не собирающаяся никого унижать, — я имела в виду, геномодифицированные люди...

Один из мужчин, занесший раненного внутрь, заглянул ей через плечо, нависнув сверху,

как скальный выступ. И медленно, как показалось доктору, нарочито медленно, отправил в пасть пару подушечек жвачки. Говорил он также медленно:

— Детка, иногда лучше жевать, чем говорить...

— Оставьте ее в покое, — прокаркал хриплый, — дамочка, сделайте все, что можете. И — Дева Непорочная! — хватит тянуть время. Мое терпение не резинка... — он кашлянул, будто смутившись, — не резиновое оно.

И вот только тут Вейр стало страшно. Не до потери сознания и дрожащих рук. Но под ложечкой противно и тоненько засосало. Она осознала, что сам процесс перехода от жизни к смерти ее не пугает. Против него доктор ничего не имела. А вот ждать, когда это дело будет запущено — страшно. И еще до нее дошло, что ожидание может стать и болезненным. Вот этот самый громила, старательно пытающийся быть вежливым, может сделать его очень болезненным.

Доктор вытерла о юбку взмокшие ладони и шагнула в смотровую, старательно глядя перед собой. Как и всякий нормальный человек, ожидание она приятным не считала. Как и боль.

Проектировщики кресла, хоть и современного, с контролируемыми размерами, все-таки, рассчитывали на детей, а не на здоровенных мужиков, сравнимых ростом с баскетболистами. И раненый свешивался с него, как осьминог со стола шеф-повара — все конечности в стороны. Впрочем, пожалуй, ему было все равно. Когда находишься без сознания, не до удобства.

А вот тот факт, что он не приходил в себя даже тогда, когда его таскали, настораживал. Первое правило оказания экстренной помощи: осмотри тех, кто молчит. Если у пострадавшего хватает сил орать, то, скорее всего, ничего серьезного с ним не случилось. А вот если он лежит в «отключке» — дело плохо.

Раздеть парня, конечно, никто не удосужился. Пришлось Вейр самой и кресло в кушетку раскладывать, и инструменты из автоклава доставать. Пальто на пациенте она просто распахнула. Потому что сшито оно была из материала, здорово смахивающего на натуральную кожу — ножницы его не брали. А вот водолазку под ним доктор просто разрезала. Ткань была мокрая насквозь. Видимо, кровил раненый изрядно.

Стянув к бокам лоскуты, Вейр цокнула языком. Интуиция, имеющаяся у каждого хорошего врача, с самого начала приговаривала, что ничего хорошего она не увидит. Но реальность превзошла все ее ожидание. Одна пуля сидела у парня в плече — оттуда кровь и натекла в рукав. А две — в животе, пониже ребер. И вот это было совсем плохо.

— Все, что я могу — это перевязать. Приостановить кровотечение, обезболить пожалуй найду чем. Но ему надо к хирургу и срочно, — врач подняла голову, глядя прямо на командира и пытаюсь всем своим видом убедить, что она говорит правду, только правду и ничего кроме правды. — Могу помочь при транспортировке. У меня есть закись азота. Я, конечно, не анестезиолог, но, думаю, с дозировкой справлюсь.

— Что такое закись азота? — прокаркал хрипун.

— Наркоз. Мы его используем для хирургической стоматологии... — Вейр потерла лоб, — веселящий газ.

— Действуйте, — кивнул головой командир.

Пистолет он свой так и не убрал, продолжая похлопывать им по бедру. И доктору казалось, что именно от этого навязчивого движения у нее начинает мерзко, тошнотворно ломить висок.

Но кое-как с работой она справились. Конечно, пациент не применил осложнить ей жизнь. Когда она заливала пластырем последний тампон, парень вдруг резко, как манекен, открыл глаза, вздохнул судорожно, толчками пропихивая в горло воздух. И схватил Вейр за руку.

— Не уходи, — даже не сказал, а потребовал он. Абсолютно ясным и четким голосом. Словно это не в нем три дырки было. — Не уйдешь?

Доктор молчала, ненавязчиво пытаясь освободить запястье, которое сжало, будто тисками. Как успокаивать умирающих террористов, у нее опыта не было.

— Я тебя не вижу.

Парень с силой, которой Вейр от него не ожидала, потянул доктора на себя. Ей пришлось опереться рукой на край кресла, чтобы не упасть на раненного.

— Бес... Не уйдешь? — снова потребовал он.

Глаза у него были желтые — нечто среднее между темным медом и янтарем — не слишком человеческий цвет. На правом нижнем веке синела колючая вязь татуировки. Напряженно хмурящиеся брови зажали на лбу складочку. А вот губы с запекшейся корочкой, очерченные четко, как у модели, были, почему-то, расслаблены.

— Н-нет, — пролепетала доктор и, спохватившись, добавила увереннее. — Я никуда не денусь.

— Хорошо, — вздохнул парень и отключился, забыв выпустить ее руку.

Пришлось разжимать его пальцы самостоятельно.

Упаковав в сумку ампулы и баллон с газом, доктор, похвалив себя за предусмотрительность, прихватила с собой и кислородную подушку, которую держала в кабинете на всякий случай. Жаль, что ее предусмотрительность не распространилась на носилки. А все простыни у нее были бумажные. Вес такого бугая они бы не выдержали.

— Док, вообще-то, вы можете остаться, — кашлянул Каркун. — Нам не надо, чтобы у вас неприятности были. Так, конечно, безопаснее. Но если хотите, то...

Вейр кивнула, а потом решительно помотала головой, вешая на плечо свою сумочку и подхватывая импровизированную укладку. Чувствуя себя при этом полной и окончательной идиоткой.

Утешаться приходилось только мыслью о том, что она, как врач, обязана помочь пациенту. Ну, еще тем, что под «остаться» бугай вполне мог подразумевать ее хладный труп с аккуратной дырочкой во лбу.

И только шагнув за порог смотровой, доктор вдруг вспомнила:

— Камеры...

Все-таки, смешны выверты человеческого сознания. Вроде бы, приготовилась к смерти и даже сама вызвалась сопровождать громил. А вот камеры ее напугали. Точнее, напугало то, что запись может свидетельствовать о ее добровольной помощи преступникам. А за пособничество террористам по головке не гладят. Хотя в данном случае стоило думать отнюдь не о законе.

— Какие камеры, детка? — насмешливо ответит парень с татуировкой на пол лица, ненавязчиво подпихивая ее вперед. — Нет тут никаких камер, и не было никогда.

Вейр снова кивнула, постаравшись перебирать ногами быстрее. За широкими шагами этих дылд поспеть было совсем не просто.

И только выйдя из здания, доктор оглянулась. Залитая теплым светом приемная скрывалась за закрывающимися тонированными стеклянными дверьми, словно уплывая от

нее. И только веселый ослик на вывеске продолжал улыбаться. Ему и дело до Вейр не было.

Но долго любоваться ей не дали. Бесцеремонно нагнув голову, хрипун впихнул Ли на заднее сиденье потрепанной, будто только что вытащенной со свалки машины.

И на этом нормальная, обыденная и привычно-тоскливая жизнь ее закончилась.

[1] Суаре — званный неформальный вечер.

[2] Акшара (санскрит) — нетленный, неразрушимый. Возможный перевод — «неумирающий».

Глава вторая

Глава вторая

Скука справлялась с нервозностью куда лучше психологов и всех новейших препаратов вместе взятых. Это дома Вейр могла повертеться ночь напролет, да так и не заснуть. А в холодном, узком, с низкими потолками коридоре, больше напоминающем бункер, чем больницу, почти задремала.

В этом «госпитале» не было ничего, напоминающего стандартную клинику. Отсутствовали журнальные столики с научно-популярными журналами. На стенах не висели агитационно-разъяснительные панели о вреде курения. А в углах было пусто без торговых и кофейных автоматов.

Собственно, обстановка вообще не баловала деталями: несколько пластиковых кресел, словно спертых с платформы метро. Да стены, выкрашенные до половины тошнотворной зеленой краской. Ну, еще лампы на потолке. Даже сестринский пост отсутствовал. Коридор, стены и двери, в которые унесли «ее» пациента, а больше ничего.

И сидела она под этими дверьми уже несколько часов. По крайней мере, ей так казалось. Возможность определить время точнее отсутствовала. Телефон у врача отобрали еще в машине. Интересной такой машине, с абсолютно непрозрачными переборкой между водительским и пассажирскими креслами и отключенными окнами.

Единственное, что Вейр могла утверждать — больница находилась под землей. Автомобиль спускался долго, кружил и петлял, словно по горному серпантину. Да и потом, сопровождая пациента, на лифте они ехали вниз, а не вверх.

Но вот в какой район ее доставили, Ли даже предположить бы не рискнула. Добирались сюда они действительно долго. И раненый пару раз почти попытался смыться на тот свет. Конечно, она ему даже вещички собрать не дала. Но не будь с ними врача, легким испугом «парни» в черном не обошлись бы.

Только вот никакой благодарности с их стороны не наблюдалось. Проводили они ее в этот коридор, сгрузили раненного на руки медикам и ушли. Такое впечатление, что про врача вообще забыли. И что в такой ситуации прикажете делать? «Ау!» кричать?

Оставалось только упереться затылком в холодную, будто замороженную стену, закрыть глазки и дать времени делать свое дело — идти потихоньку.

— От кофе не откажешься?

Воронье карканье, отдаленно напоминающее человеческий голос, выдрало Вейр из мутной полудремы.

Врач выпрямилась, поспешно натягивая подол задравшейся юбки на колени. Стоило бы, наверное, и прическу поправить. Но суетиться перед Каркуном не хотелось. Она только украдкой провела тыльной стороной ладони по губам, проверяя, не пустила ли во сне слюни.

На этого громилу и стоя-то смотреть было неудобно. А уж сидя приходилось так голову задирать, что шею начинало ломить.

— Может, вы присядете? — выдвинула предложения Вейр, беря протянутую чашку. Обычную, фаянсовую чашку, белую — никаких тебе термостаканчиков. — А то у меня от вашего роста голова кружится.

Мужик хмыкнул что-то неопределенное, но сел в соседнее кресло, вытянув ноги едва не до противоположной стены.

Прихлебывая кофе, кстати, неплохой — крепкий, горячий и с ложечкой сахара — Вейр, никого не стесняясь, откровенно рассматривала террориста. Благо сейчас, когда адреналин схлынул, зрение ей не отказывало.

Ну, во-первых, он действительно был огромен. Из племени шкафов с антресолями. И разворот плеч не мог быть намного меньше, чем рост. Во-вторых, лицо у него было такое... Ну, какая физиономия может быть у подобного громилы? Крючковатый, загнутый к верхней губе нос еще и свернут на сторону. Причем ринопластику парню явно делали не раз. Потому что хрящ не только покосился, как старый забор, но еще и горбился на переносице. Губы узкие и сухие, поджатые. Глаза под тяжелыми бровями сидят глубоко, как у кабана. Скулы — острые, щеки впалые, подбородок — гранитной плитой.

И шрамы, конечно же шрамы! Ожог на левом виске, пробором разделяющий коротко подстриженные темные с проседью волосы. Аккуратненький след от чего-то острого змеился через горбатую переносицу к правому виску. И такой же — от уголка глаза к подбородку. Ничего уродующего или деформирующего, так, тонкие белые линии. Но брутально, конечно, ничего не скажешь. Хотя красавцем его при всем желании никто бы не назвал. Даже без учета того, что мужик был лет на десять, если не больше, старше самой Вейр. В клинике он показался гораздо моложе.

— Нравлюсь? — хмыкнул громила.

— Нет, — честно ответила Ли, глядя на него поверх чашки. — Может, вы все же представитесь? А то как-то... не слишком удобно.

Хрипун помялся, но, все-таки, ответил. Правда, крайне неохотно.

— Можешь звать меня Тир.

— Это не от «тиран» случайно? — поинтересовалась врач.

— Откуда... — густые брови мужика шевельнулись. Не приподнялись, а именно шевельнулись — чуть сдвинулись друг к другу двумя волосатыми гусеницами и разошлись. Видимо, он так свое удивление демонстрировал. — Урою сволочей. Разболтались!

— А я что, угадала? — изумилась Вейр. — Честно говоря, ткнула пальцем в небо. Просто, какое прозвище у вас может быть? Тирекс — слишком претенциозно. Тир, где стреляют, — она изобразила пальцем, как, по ее мнению, стреляют, — слишком просто. Остается Тиран.

— А «тире» или, например, «тираж» тебе в голову не приходили? — неожиданно развеселился Каркун.

— Эти — нет. Но могу предложить тироцид[1], тиреоглобулин[2], тиреотоксический[3]

...

— Я понял, — воспитания на то, чтобы не перебивать даму, у него не хватало. — Остановимся на Тиране. Только это не прозвище, а имя.

— Мама с папой дали? — усомнилась Вейр.

— У нас свои заморочки, — двинул могучими плечами тот, который не тирекс. — Я бы

своего ребенка тоже Ли не назвал. По мне — так не имя, а собачья кличка.

На этот раз пожимать плечами пришлось врачу. Повода спорить она не видела. В каждой избушке свои погремушки. Тиран так Тиран. Собственно, ей-то какая разница?

— Чего ерзаешь? Холодно, что ли?

- Ну, вообще-то, тут не слишком жарко, — призналась Вейр.

Никаких галантных жестов Ли от него на самом деле не ожидала. Но когда он стянул свою куртку и набросил ей на плечи, отказываться не стала, поблагодарила только. Правда, в ее неуверенном «спасибо» удивления было гораздо больше благодарности. Он и это оставил без комментариев. Уселся на свое место, опять вытянул ножищи и даже глаза прикрыл, красноречиво демонстрируя, что разговор поддерживать не намерен. Доктор и не напрашивалась.

Время тянулось, как резиновое. Вейр, пригревшись под тяжелой курткой, словно в подкладку были свинцовые пластины вшиты, опять едва не задремала. Точнее не задремала — спать рядом с этим шкафом, по уши напичканном анаболиками[4], было страшновато. Но клевать носом начала — пришлось сесть ровнее. Куртка съехала, и врач поправила ее двумя руками, задев локтем что-то твердое. Автоматически она сунула руку во внутренний карман и вытащила... обойму. Полную. Повертела ее со всех сторон — и сунула обратно.

— Это не мое, — прохрипел Тир, хотя врач могла поклясться, что глаза он даже и не открывал. — Выложить забыл.

— А у вас таких игрушек нет? Вы ромашками отбиваетесь?

Наверное, хамить не стоило. Но на Вейр неожиданно, как-то в один момент, навалилась дикая усталость. В глаза будто песка насыпали. И ноги начали гудеть. И шея заныла. Больше всего на свете ей хотелось оказаться под горячим душем, а потом в постели. И пусть с ней делают что угодно — хоть на куски режут. Только после семи часов полноценного сна.

— Кактусами, — ухмыльнулся хрипун, демонстрируя, что ничто человеческое ему не чуждо. — А ты спокойно себя ведешь. Это что? Недостаток фантазии, профессиональный перекосяк или избыток храбрости?

— Если я вас так раздражаю, то свистните своих парней. Пусть они меня куда-нибудь... посадят, — огрызнулась Вейр.

Тир завозился, как медведь в валежнике. Врачу даже показалось, что под ним в кресле что-то хрустнуло. Сел прямо, упершись локтями в колени, и с силой потер лицо.

— Да нет, не раздражаешь. Прости. Просто день сегодня... непростой.

— Ну да. Засады, погони, драки. Стреляют вот.

— Ты не ответила на вопрос, — прохрипел Тир, уставившись в пол.

Вейр тоже посмотрела и ничего интересно там не обнаружила. Зеленовато-желтый, не слишком чистый линолеум с порядком вытертым рисунком.

— На какой? — соображала она и впрямь не слишком хорошо. Мозг требовал отдыха и активно посылал хозяйку по всем известному адресу. — А... Да нет, это, скорее, жизненный перекосяк. С фантазией у меня все в порядке.

— Да. Ты же говорила, что муж погиб.

Она равнодушно кивнула, натянув куртку едва ли не на голову. Вейр опять начало знобить.

— Психолог говорит, что это посттравматический синдром. Со временем пройдет.

— Это типа «жить — насрать» и «когда же я сдохну»?

— Типа того.

— У нас это называется «синдром самоубийцы». Самому башку в петлю сунуть яйца зажимает. Зато под пули лезть — запросто.

— Вам виднее, — опять пожала плечами Вейр. Вместе с усталостью навалилась еще и апатия. — Только чего вы на меня-то так злитесь? Я сама никуда не лезла и вам проблем не создавала.

Он выпрямился, резко откинувшись на спинку и сложив руки на груди. Теперь врачу не показалось — кресло действительно натужно скрипнуло, хотя каркас у него был литой.

— Я не на тебя, прости. А проблемы... Проблем с тобой и впрямь куча.

— Да какие со мной проблемы? — поморщилась Вейр. — Что вы все усложняете-то? По-вашему, я «слишком много знаю»? Да ничего я не знаю. Ваши фотороботы в полиции наверняка есть. Вместе с полным досье. Где этот бункер находится — я понятия не имею. Окна в машине вы включить, наверное, забыли. Что еще? Имя? Туда же, куда и фотороботы. Да и не побегу я в полицию — зачем? У меня уровень гражданской ответственности занижен. В конце концов, без моей помощи ваш парень точно бы умер пока ехали. Или что? У вас подход к проблеме классический? Пуля в лоб — и нет больше никаких проблем?

— Зачем пули тратить? Они денег стоят. Закопаем, — равнодушно отозвался Тир.

Доктор помолчала, пытаясь переварить услышанное. Переваривалось с трудом.

— Это... шутка такая?

— Что-то вроде, — хмыкнул Каркун.

— Странное у вас чувство юмора!

Вейр отвернулась, потому что от вдруг нахлынувшего страха действительно начало пощипывать кончик языка.

— Я тебя не критиковал. И, между прочим, сразу было сказано, что ты можешь остаться, где была. Отпускать я не хочу, не потому что ты «слишком много знаешь». А потому что тебя же в оборот сразу и возьмут.

— Так вы благородные разбойники! — всплеснула руками Вейр. Правда, жест получился не очень убедительный, смазанный. Потому что пришлось ловить куртку, которая под собственным весом поползла вниз. — Вы меня спасаете от произвола полиции! Не произвола, нет? А от чего? Слишком жестких методов допроса?

Тир молчал, не собираясь ни опровергать, ни подтверждать ее слова. И на этот раз глубокомысленно изучая потолок.

— Слушайте, у вас закурить есть? — устало спросила доктор.

Вспышка раздражения погасла также быстро, как и появилась. Вернулась усталость и укутала плечи ватным одеялом, давя мягкой тяжестью поверх куртки, заставляя горбиться.

— Ты не похожа на курящих женщин. Скорее бы сказал, что ты из тех, кто любит лекции о вреде курения почитать, — хмыкнул Тир.

Но, скрипнув креслом, полез в один из многочисленных карманов, наклепленных на черные штанины, как заплатки. Достал помятую пачку и прикурил две сигареты разом, протянув одну врачу.

Вейр могла бы прочитать лекцию не только о вреде курения, но и о гигиене полости рта. А, заодно, и о «пользе» обсасывания фильтра, побывавшего в чужих губах. Но не стала. Просто приняла сигарету и затянулась. Голова от крепкого табака немедленно закружилась, под черепом ментально стало пусто и звонко.

— Это точно просто табак?

Каркун подозрительно посмотрел на свою сигарету и уверенно кивнул головой.

— Точно.

— Ну и очень хорошо.

Доктор откинулась на спинку кресла, упершись затылком о стену. В данный момент она ничего не имела против головокружения и легкости. В принципе, предложи ей, Ли бы и от стопки водки сейчас бы не отказалась. Хотя к спиртному не притрагивалась уже полгода. Как раз с тех пор, как оно стало напоминать ее личную Большую Проблему.

— Ладно, коль скоро вы мне не собираетесь излагать свою мотивацию, то скажите хотя бы, почему вы именно в мой кабинет вломились? — попросила Вейр, щурясь от пахучего дыма, пощипывавшего и без того раздраженные глаза.

— Да просто Пал подрулил к первому зданию, на котором было написано «врач», — неохотно ответил Тир.

— Пал... Это, как я понимаю, Палач, что ли? Или Палладин?

— Палач, — буркнул Каркун.

— За что же вас так родители-то не любят? — задумчиво протянула Вейр, крутя сигарету, словно описывая ее горящим кончиком круги, и заставляя дымок виться спиралью. — И этот ваш Пал читать не умеет? Не разглядел, что кроме «врачебный кабинет» там написано еще и «стоматолог-педиатр»?

— Он не знает ни слова «стоматолог», ни «педиатр», — еще неохотнее отозвался Хрипун. При этом голос у него понизился на пару октав. — Честно говоря, нам было насрать, что там написано. Врач есть врач. Главное было, что бы Дем дотянул...

— Дем... м-м-м... Демон? Прелесть какая! — восхитилась Вейр.

На это Тир ничего не сказал. Видимо, интерес к разговору он утратил окончательно.

Пришлось признать, что врач в очередной раз ошиблась. Настрой поболтать Хрипун не потерял. Просто, видимо, обдумывал что-то. Не успела Вейр поставить чашку, которую она использовала вместо пепельницы, на пол, как он снова сел прямо, гипнотизируя линолеум.

— Ты знаешь, кто такие ракшасы[5]?

Вейр вяло поковыряла пальчиком в собственной памяти. Мозг медленно, но неумолимо затягивало туманом, как сигаретным дымом. Но слово даже никаких ассоциаций не вызвало. Поэтому она даже и напрягаться нужным не считала.

— Нет, — честно ответила Ли, стиснув зубы, чтобы не зевнуть.

— Так назывался один из первых проектов в рамках программы «Акшара». Я не очень силен в механике, но там речь шла о повышенной выработке катехоламинов. Знаешь, что это такое?

— Просветите меня! — милостиво махнула рукой Вейр.

— Н-да... Прошу прощения, забыл, что ты врач, — смутился Тир, — В общем, мысль-то была недурной. Зашкаливающие адреналин, норадреналин, дофамин — куча плюсов.

— Дальше можете не продолжать, — улыбнулась врач, тоже садясь прямо. — Повышенная физическая сила и выносливость, регулируемое давление и работа сердечно-сосудистой... Что еще? Заниженный болевой порог? Ах, да! Как это будет на вашем языке? Повышенная «отмороженность» вплоть до отключения мозгов? И как следствие — неуправляемые монстры с яростным огнем в глазах, которые готовы крошить все живое? Люди потеряли над ними контроль, они вырвались из лабораторий, кроша на салат всех встречных-поперечных. А акшары благородно, но тайно, спасают от этих монстров

человечество. Я все правильно изложила?

— Не совсем, — Каркун смотрел на нее как-то странно, исподлобья.

— Но близко, да? — веселилась Вейр. — Знаете, мой дорогой Тир, я хоть и крайне редко, но смотрю кабельное.

— И там рассказывают про нейромедиаторы?

— Там рассказывают про жутких монстров, которые безумные ученые вырастили на погибель всему человечеству. И про героев, которые это человечество спасают. Кстати, обычно это так и звучит: «Один из первых проектов, проводимых в рамках программы «Альфа» назывался...», — зловеще понизив голос, протянула врач. И добавила, правда уже нормальным тоном. — После этого вы должны мне сообщить, что я избранная и обязана спасти мир.

— Ты... ненормальная? — поинтересовался Каркун.

— Я-то как раз нормальная. Только не понимаю, почему вы меня за дуру держите? Ладно, обсмотрелись «Завтрак с мертвецами» — ваше дело. Мне эту лапшу зачем на уши вешать?

— Лапшу? — почти прошептал Тир и повторил еще тише, — Лапшу?!

Что там случилось дальше, Вейр не слишком хорошо поняла. Просто Хрипун не то чтобы пропал, но его фигура смазалась, как будто у нее самой зрение на миг расфокусировалось. А потом как-то разом она ощутила, что висит в воздухе. И вполне способна поболтать ногами. Правда, ее одолевало желание не ногами болтать, а описаться. Потому что бугай, ничуть не напрягаясь, держал ее, сжав своими ручищами плечи врача. Хотя у самой Вейр было такое чувство, что ее не человеческие пальцы сжимают, а... Ну, например, манипуляторы. Такие, как у экскаваторов, разбирающих железный хлам на свалках.

И еще близко-близко оказались глаза, живо напоминающие дуло, которое этот самый Тир не так давно упирал в ее собственный живот. Два таких же огромных, черных, бесконечных тоннеля. И дыхание, чуть сипловатое, на своем лице она чувствовала. Пахнущее табаком и — да, яростью.

— Лапшу?! — снова прошипел он. — Да что ты знаешь, сучка лощенная? Хочешь посмотреть фильмы? Про то как, например, детей на ленты режут? Или как парни свои зады под пули подставляют? Не хочешь? А может поучаствовать желаешь? Так я организую. Ракшасы такому подарочку будут рады! А потом мы с тобой поговорим... о лапше. Правда, я не слышал, чтобы трахнутый во все дыры, а потом порубленный на фарш кусок мяса мог разговаривать. Но вдруг тебе повезет?

Он тряхнул ее, как куклу. Голова Вейр мотнулась на безвольно-младенческой шее, только зубы клацнули.

— Ты знаешь, что такое жить загнанной крысой? Десятилетиями жить, поколениями! Когда ты просто, мать твою, жить хочешь! Воздухом этим сраным дышать! А тебя с одной стороны люди давят, а с другой — эти ублюдки. Ты знаешь, что такое хотеть жить, мразь?!

— Зна-ю, — проквакала Вейр, как будто он ее душил, а не плечи стискивал. — Сейчас... хочу.

Он таращился на нее своими зрачками-дулами, дыша тяжело, будто после забега. Врач считала, что понятие «скрежетать зубами» — это такая красивая фраза, используемая для передачи высоких чувств героев. Она, как стоматолог, могла авторитетно утверждать, что это процесс неудобный и довольно болезненный. Только вот этот бешенный акшара сейчас

вполне реально скрежетал зубами.

Ей казалось, что прошла вечность, прежде чем бугай аккуратно, предельно осторожно, поставил ее на пол. Правда, его предосторожности оказались излишними. Колени Вейр подломились сами собой, будто их подсекли. И не будь за ней кресла — плюхнулась бы врач на задницу.

Каркун отвернулся и, выламывая колесико зажигалки, закурил. Кажется, руки у него тряслись.

— Я опять должен извиниться... — прохрипел он, когда прошла еще одна вечность.

— А вы не делайте то, за что приходится извиняться, — голосок Вейр, в крови которой расцветал коктейль тех самых катехоламинов, звучал ничуть не нежнее.

Тир промолчал, усиленно дымя сигаретой так, что над ним мгновенно зависло сизое облачко.

— Ладно, — глубоко вздохнула врач, пытаясь унять буйство адреналина, допамина и их производных. А, заодно, и успокоить собравшееся выпрыгнуть из груди сердце. — Это вы меня извините. Мне не стоило так... в таком тоне говорить.

— Ты бы все-таки определилась, что ты хочешь, — отозвался Каркун.

— Не поняла, — честно призналась врач.

— Говорю, определиться тебе надо, чего ты хочешь. Жить или к супружнику отправиться. А то ведь я и помочь могу.

— Та-ак, — Вейр потерла лоб и обнаружила, что он мокрый и липкий, как будто у нее внезапно температура поднялась. — Речь сейчас не о моих психозах, а о... — «о ваших» она все-таки проглотила, — ... о том, что вокруг творится. Я поняла — ошибалась. Эти... как их?.. Ракшары действительно существуют, и вы с ними... воюете. С людьми тоже воюете. Какой вывод из этого всего я должна сделать?

— Ракшасы. Мы — акшара, они — ракшасы. И мы не воюем ни с кем. Просто пытаемся выжить.

Тир прикурил новую сигарету от окурка, засунув его в пустую кофейную чашку, и снова тяжело сел в кресло, уставившись в линолеум. Вейр его не торопила. Пожалуй, теперь Ли опасалась вообще рот открывать. По крайней мере, до тех пор, пока она действительно не определится с тем, чего ей больше хочется.

Но, кажется, на этот раз Хрипун обиделся на нее всерьез и надолго. Он даже и вторую сигарету до фильтра выкурил, но рта так и не открыл. Вейр вздохнула, забралась в кресло с ногами и накрылась сверху его курткой, как палаткой. Вздохнула еще раз. Не то, чтобы она хотела знать, как и что там у них на самом деле происходит.

Но ведь разговор-то начался с ее собственной судьбы. И иметь представление, что по этому поводу думает Каркун, доктор бы не отказалась. С одной стороны, он уже не раз повторил, что она могла оставаться в офисе. Но при этом употреблял только прошедшее время. Может, он действительно о ней заботился, и дело в этих зомби-монстрах было?

Правда, здравый смысл подсказывал, что вся проблема заключалась в крайней ее — Вейр — наивности, глупости и неожиданном желании найти приключений на собственное седалище. Хотя почему неожиданном? Мысль о том, что неплохо было бы покончить со всем разом, всплывала все чаще, особенно по ночам. Только вот думать об этом не хотелось.

Пусть это будет просто тяга к авантюрам, ладно?

— Послушайте, Тир, я так поняла, что этих ракшасов использовали против вас. Ну,

тогда, когда... -

Плечи уже наливались тяжелой, свинцовой болью. И смотреть не надо чтобы понять: синяки будут шикарными. Да и отделаться от ощущения, что она не разговаривает с ним, а по минному полю прогуливается, Вейр не могла. Одно неосторожное движение — и привет, взрыв. Вот как обозначить это самое «тогда, когда»? Бунтом назвать? Революцией? Может, у них совсем другая точка зрения на историю?

— Натравили, — глухо ответил он, криво усмехнувшись. — Натравили их на нас. Как там ваша пропаганда такое называет? Заговор? Вот после этого заговора и натравили.

Вейр мысленно погладила себя по голове, назвав умницей. У акшара явно был другой взгляд на историю.

— Если бы они бойцов перебили и успокоились — было бы полбеды. Но они же всех вырезают. Всех, понимаешь? Им хоть женщина, хоть ребенок — все едино. Гражданский, военный — всех на мясо.

— Гражданские? — врач попыталась удержать ползущие к затылку брови на месте. — Дети?

— Ну да, ни гражданских, ни детей у нас быть, конечно, не может, — он опять ухмыльнулся — еще кривее. — «Ударный кулак армии», ага! А мы вот просто такие. Народ, раса — как хочешь. Только жить нам нравится не меньше вашего!

— Это я поняла, — тщательно контролируя голос, согласилась Вейр. — Наверное, я не сильно ошибусь, если предположу, что правительство прекрасно знает и о вашем существовании, и о ракшасах. Так? И их вполне бы устроило, если бы ни от вас, ни от них следа бы не осталось. Но вместо этого вам позволяют бегать по улицам и палить друг в друга. Как-то это все... не слишком логично.

— Я не разбираюсь ни в логике, ни в политике, — незажжённая сигарета, которую он крутил в пальцах, вдруг треснула пополам. Вполне может быть, что этот громила действительно не разобрался ни в логике, ни в политике. Но уж точно задумывался, что выглядит все странновато. — Я только знаю, как оно все есть на самом деле. Мы патрулируем наши территории. Воспитываем бойцов. Пытаемся защитить мирных. Иногда, как сегодня... — он осекся, раздраженно пихая обломки сигарет в чашку. — Бегаем от полиции — и мы, и они. Правила игры такие.

— Хреновая ж у вас игра, — констатировала Вейр, переходя на местный сленг.

— Какая есть, — повел плечами Тир, — другой никто не предлагал.

— Ну да. А жить мирно, сделав вид, что никаких акшара в природе никогда не существовало — это не спортивно? Или не согласуется с гордостью рассы? Ну, вот представьте: не ловить брюхом пули, не палить друг в друга, поезда не взрывать...

— Какие поезда? — покосился на нее бугай. — Ты нас за кого принимаешь? За «Красные кулаки» или «Воинов правды»? Нам огласка ни к чему. И в политику мы не лезем. Еще раз повторяю: мы просто хотим выжить. Мы ни с кем не воюем! Мы просто. Пытаемся. Выжить!

— А с ракшасами у вас только дружеские стычки на почве идеологического недопонимания? — Вейр прекрасно осознавала, что «заводится» она зря. Но уж слишком царапало ее это «мы просто...». — Или нет! Я поняла, наконец-то! Просто лучшая защита — это нападение! Как ты там сказал? Вы, как загнанные крысы, да? С одной стороны люди давят, а с другой — эти ваши ракшасы. Поэтому давайте проредим и тех, и других. Так?

— Я уже говорил тебе, что с бабами мы не воюем! — рывкнул он.

— А я это уже слышала, представляешь? И не только от тебя! «Мы не воюем с мирным населением! Мы просто хотим отстоять принципы справедливости! И кровь этих людей не на наших руках, а на руках правительства, которое не желает идти на переговоры с нами!» Заметь, опять «мы просто» и опять «мы не воюем»! Ничего не напоминает?!

Она осеклась, осознав, что Тир молчит, только хмуро, исподлобья, смотрит на нее — и молчит. Даже не пытаюсь возражать. Зато она орет в голос, с визгом, с подвыванием. Истерика, которую Вейр месяцами давила, заваливала повседневностью, как кирпичами, скалилась, разевая пасть, воняющую свежевырытой могилой.

— Не только муж? — спросил он тяжело, словно камень в воду уронил.

— Дочь. Они... вместе там...

Вейр чувствовала, что начинает задыхаться. Дыхание было слишком быстрым, поверхностным. Горло сдавило, она не могла протолкнуть воздух, как бы не раздувала ноздри. Гипервентиляция — это малоприятно. Здравствуй, истерика!

Врач сжала кулаки, прикусив щеку — не помогло.

— Сколько ей было?

— Четыре... четыре года.

«Мамочка, мне страшно...»

Вейр запрокинула голову. Потолок начал медленно поворачиваться вокруг своей оси, которая стержнем упиралась ей в макушку. Трещины на побелке ухмылялись — мерзко, гаденько, с издевкой и полной уверенностью в собственной силе. Голова тоже кружилась, но, почему-то в другую сторону. И пол выскользнул из-под ног.

Оказалось, это не пол выскользнул. Просто Тир взял ее на руки, снова завернул в свою куртку и укачивал, как маленькую. А ее нос уткнулся в мягкую, пахнущую табаком и еще чем-то знакомым, но неуловимым, водолазку. Щекой она чувствовала, что под тканью размеренно, медленно двигаются мышцы. И тепло кожи, чересчур горячей, как будто у акшара температура поднялась, тоже чувствовала. Пожалуй, это-то тепло и позволило ей снова дышать.

— Это не мы, девочка. Клянусь — это не мы.

Его голос гудел сразу с двух сторон — сверху и откуда-то изнутри, из-под мышц. Гудел и хрипел. Кажется, с легкими у него тоже было не все в порядке. Может быть, ранение? Скорее всего. С его-то образом жизни...

— Да какая разница? Методы-то все равно одни и те же...

Она провела рукой по лицу — сухое. Слава Богу, хоть не разревелась. Хотя, наверное, даже рыдания такой спектакль хуже бы не сделали. И так выступила во всей своей красе.

— Ладно, как знаешь. Сама разбирайся, такие же или нет, — прогудел Тир. — Только рядом с твоей клиникой мы наследили. Тебя не полиция ищет, а ракшасы. Это ты им про фотороботы заливать будешь. Только черным это не интересно. Они тебя сначала выпотрошат, а потом поверят, что ты ничего не знаешь.

— И что мне теперь, всю жизнь тут... — усмехнулась Вейр.

— Думай. Побудь пару дней, разберись, что к чему. А там если решишь, что сама справишься, я тебя до дома доведу.

— Вы меня действительно отпустите, если я захочу?

Врач выпрямилась и сообразила, что все это время у него на коленях сидела. Да уж, комплекс привязки жертвы к агрессору в действии. Просто иллюстрация к учебнику.

Тир на ее вопрос ничего не ответил. Видимо, действительно был умным мужиком.

Начни он клясться, кто бы ему поверил? С другой стороны, если ее собирались пристрелить, то кто ж об этом заранее сообщает? Повезет домой, а отвезет на свалку. И всех дел.

[1] Тироцит — эпителиальная клетка стенок фолликулов щитовидной железы.

[2] Тиреоглобулин — комплекс одного из гормонов щитовидной.

[3] Тиреотоксический — интоксикация, развивающаяся вследствие патологии щитовидной железы.

[4] Анаболики — вещества, ускоряющие образование и обновление структурных частей клеток, тканей и мышечных структур. Принимаются культуристами для наращивания мышечной массы.

[5] Ракшасы (санскрит) — демоны-людоеды.

Глава третья

Глава третья

Дем решил, что его похоронили. Дикая тяжесть давила на грудь и живот, а ног своих вовсе не чувствовал. И дышать он не мог, потому что горло забило песком. Зато голова была огромной и неправдоподобно легкой, как туго накачанный мяч. И какой-то умник превратил кости в стекло. Стеклянная голова, в которой плавают мысли-рыбки.

С этим что-то надо было делать. Потому что когда его откопают, то все увидят, о чем он думает. А вот это совсем лишнее. Глядишь, так капитан Дема снова сам нафиг зароет. Предварительно повесив его собственные яйца ему же на уши.

Время от времени он как будто всплывал к самой поверхности земли. И от света его отделял только тонкий слой все того же песка. Дем даже видел этот самый свет и слышал голоса. Но потом он опускался куда-то вниз, в темноту. Ощущение странноватое — вроде бы земле полагалось быть твердой. Вероятно, его закопали в зыбучих песках. И теперь они поднимают и опускают его, как волны. Версия выглядела вполне правдоподобной.

Изучить эту мысль со всех сторон он не успел — опять его утянуло вниз. Зато потом Дема вверх подняла не волна, а чей-то сердитый голос: «Э, нет! Ты куда это собрался? А ну, дыши!». Кажется, говорила женщина. Точно, женщина. У мужиков таких тонких пальцев не бывает.

Только лейтенант так и не понял, на кой хрен она этими самыми пальцами хватает его за шею. Вроде, душить не собиралась. Или просто не умела? Да и зачем его душить, если у него в горле и так один песок? Но, все равно, приятного было мало. Пальцы девки оказались холодными и жесткими, как стальные поручни.

В следующее свое «всплытие» Дем сообразил, что ни фига его не закопали! Снова эта баба с холодными руками талдычила что-то о дозах. А рядом с ней гудел мужской голос...

...ля! Да он опять обдолбался этой варовской дури! На кой ляд? Ведь зарекался же! По крайней мере, стало понятно, откуда у него такие «приходы». Нет, вы как хотите, а травку он больше не потребляет. От водки и башка трещит меньше, и такой мрак не глючится!

Новая пришедшая за темнотой волна подняла его почти на самый верх. Почти-почти, совсем немного осталось. Даже не земля, а тонкая пленочка. Свет резанул по глазам, как бритвой. И в этом было даже что-то приятное. Зато какой-то урод додумался высыпать на его живот пепельницу с непотушенными окурками. Которые, кажется, всерьез решили посмотреть, что у него в кишках творится.

И над головой опять гудели голоса. Даже не гудели, а гремели, грохотали. И от этого

угли разгорались только сильнее. Дем открыл рот, собираясь поинтересоваться, что за смертник решил устроить ему такой кайф, а, заодно, потребовать, чтобы эти долбанные окурки убрали. Но гиганты над ним громыхали так, что его не слышали. Зато он их слышал слишком отчетливо. Так отчетливо, что руки сами потянулись куда-то уменьшить громкость.

«... некому. В Крысином квартале большая заваруха была. Все сестры зашиваются!». Этот голос был довольно низким, но визгливым. Наверное, так будет гудеть колокол, если по нему вдарить прикладом.

«Чего ты предлагаешь, док? Из парней кого-нибудь к нему приставить?». А вот это был натуральный чугуун. Такой чугуунный чугуун, что все мысли-рыбки пулей метнулись на дно головы-аквариума и окопались в иле.

«Да мне по барабану! Хоть из парней, хоть из девок. В конце концов, судно из-под него выносить не надо! Только следить за мониторами и разыскать меня, если этот соберётся-таки тапки мылить!». Нет, все-таки, на колокол этот голос не похож. Скорее, на пластиковую упаковку. Здоровый, дырявый кусок толстой пленки. Если ее пнуть, то она не шелестит, а шуршаще воет с пенопластовым привизгиванием.

«Док, если этот парень сдохнет, то я лично тебя...». Вот этот гораздо приятнее. Хотя от него и становилось страшновато. Да что там страшновато? Охренеть, как страшно! Хотелось свернуться в себя и нырнуть вслед за рыбками. И в тоже время этот чугуун делал как-то так, что земля становилась все тверже, а песок, насыпанный сверху, все тоньше.

«Я с ним посижу. В конце концов, моей квалификации хватит, чтобы за мониторами следить. И, коллега, вам не кажется, что ваш пациент просыпается?». Этот голос был чем-то новеньким. Он тоже гудел так, что уши ромбиком вставали. Но при этом умудрялся оставаться мягоньким, мохнатым. Как мех. И пахло чем-то таким, булочным. Корицей, что ли?

Стоять! Голос пахнет? Все, братья, приплыли. Утопить Вара вместе с его отравой в унитазе!..

Волна опять потянула его вниз, в темноту. Дем дернулся. Вниз ему не хотелось совершенно. Тут, конечно, были не самые сладкие глюки. Но свет лучше, чем темнота. По определению.

«Да этих гранатой не угробишь!». Нет, пластиковый голос ему определенно не нравился. И, может, нырнуть было не самой дурацкой идеей?

«Сейчас я тебе гранату в задницу засуну! Посмотрим, можно тебя угробить или нет!». От чугуна, бьющего по вискам, хотелось разулыбаться, как идиоту. Непонятно только почему.

«А ну пошли отсюда оба! В коридоре разбирайтесь, кто, кому, что и куда сунет!». Ого, а под мехом-то оказывается сталь. Забавно, если...

Что будет «если», он додумать опять не успел. Темнота, все-таки, затянула.

Зато в следующий раз он никуда не всплывал, а сразу вынырнул на поверхность и без всяких глюков. Просто открыл глаза. Мигом сообразив, что пялится в больничный потолок. Только палаты были отделаны такими пористыми плитами. Да и писк приборов не был ему незнаком. Скорее, в них слышалось что-то приветственное: «Здорово, парень. Давненько к нам не заглядывал! Недели три, да?».

К сожалению, вместе с осознанием реальности припомнилась и вчерашняя свалка. И... его собственное геройство тоже всплыло в памяти во всей своей красе. Дем скривился, представив, какого подвиги оценит Тир. Собственно, командир, помнится, уже в машине

обещал ему многое. Конечно, кое-что выполнить физически невозможно. Но Дем был уверен, что кэп попытается. От такой уверенности становилось, мягко говоря, неудобно.

Впрочем, сейчас обещания Тира его волновали не слишком сильно. Гораздо больше занимал пожар в собственных кишках. Угли, оказывается, ему не примерещились. Да какие там, на хрен, угли? Лава, расплавленный металл — вот так будет вернее. Ощущения были еще те. Очень хотелось сжаться в комок. А еще лучше напихать в пузо льда. Много-много льда. Холодного и влажного.

Кстати, жажда его когтила ничуть не меньше, чем пожар в брюхе.

Видимо, он все-таки мявкнул. Потому что свет от него загородила чья-то физиономия. Зато к губам прижалось что-то мокрое и холодное. Он замычал и попытался вцепиться в это чудо зубами. Но оно куда-то делось.

— Вам можно только смочить губы. Понимаете? Пить еще рано.

Говорившего он не видел. Картинка плыла, как после хорошего удара по башке. Но голос успокаивал. Даже пожар, кажется, приутих. А когда на лоб легла чья-то ладонь, стало почти хорошо. Дем смутно помнил эти пальцы. Только почему-то раньше они казались ему неприятными. Какие, на фиг, неприятные? Прохладная, мягкая рука, которая буквально высасывала огонь из тела, была лучшим, что с ним случилось за последние сутки. Или сколько там прошло?

Он напрягся, пытаясь сфокусировать взгляд, и фигура над ним стала чуть четче. Но деталей было все равно не разобрать. Только глаза, которые что-то смутно напоминали. Где-то он уже видел эти глаза. Серые и как будто прозрачные. Будто вода в серебряной чашке.

— Спице, — приказал ему меховой голос. Он попытался было поспорить, но призрак добавил, — Как проснетесь, я, пожалуй, дам вам немного попить.

Ну, такой аргумент крыть было нечем. Оставалось только послушно закрыть глаза и вести себя как гребанный хороший мальчик.

В палате горел только ночник. И полумрак казался о-фи-ги-тель-ным! Потому что глаза драдо, словно по ним кто-то добрый наждаком проехался. Для Дема это была стандартная реакция на обезболивающие. Только кому от этого легче становилось? Не ему — точно. Хотя, в общем и целом, чувствовал себя лейтенант вполне живым. Пожалуй, прошвырнуться по девочкам желание еще не появлялось. Но и немедленно убиться головой об стену тоже не хотелось. Пожар в животе потушили, оставив вполне терпимый костерок. Зато заломило плечо и глаза жгло. Да еще пить хотелось, как заправскому верблюду.

Дем потянулся к кнопке вызова и выматерился под нос. Потому что раненую руку прострелило от самого долбанного плеча до кончиков пальцев.

Рядом с его бедром что-то шевельнулось. И бравый лейтенант шестой роты чуть с визгом не вывалился из койки. Он на самом деле едва сдержался, чтобы не заорать. А дернулся так, что в брюхе вновь ожил вполне себе действующий вулканчик.

Чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, Дем таранился на девку, преспокойно дрыхнущую на его кровати. То есть, не совсем на кровати. На койку-то она только руки положила, а уже на них уютненько пристроила свою чертову голову. Только это не отменяло того факта, что, во-первых, дамочка оказалась слишком близко. А, во-вторых, баб, допущенных до такой близости, он предпочитал сам выбирать. Эту точно не выбирал. Ну а в-третьих, она его банально разозлила. За то, что напугала.

— Эй, ты!.. — позвал он, но, почему-то шепотом.

С чего это он начал шептать, Дем так и не понял. И, естественно, эта чертова девка проснуться не соизволила. Только сладко повернула голову, пристроившись на другой щеке. И уровень злости резко съехал вниз. Лицо у нее было усталое, под глазами синяки. Видимо, дежурила она тут давно.

Да и девкой бы ее Дем не назвал — не тянула. Лет тридцать, не меньше. Не пойми какого цвета волосы стянуты в уродский пучок. То, что мордочку можно с помощью косметики сделать и посимпатичнее, ей мама в детстве рассказать, видимо, забыла. Да и полновата. Против мяса в определенных местах лейтенант ничего не имел. И предпочитал именно мясо, а не мышцы. Но этой реально не мешало бы скинуть килограмм так пять.

В общем, ни на цыпочек, которых он обычно снимал, ни на «сестренок», выпрыгивающих из халатиков, чтобы нырнуть в койку к выздоравливающим, дамочка не смахивала. Но вот желание на нее рычать пропало начисто. Какой-то мягкой она ему показалась, что ли? Не в смысле, что характер мягкий. Откуда он знать мог, какой там у нее характер? А так... Ну, мягкая — и все. Как вон подушка. Или плюшевая игрушка, мать вашу за ногу.

Пока лейтенант ей любовался, сиделка открыла глаза. Это было так неожиданно, что он опять дернулся, словно его за задницу хватили. Так они и таращились друг на друга — он на нее, а она — на него. Р-р-романтика, блин. Но вот, глаза у нее были красивые, тут не поспоришь. Цвет Дем не разглядел — светлые какие-то. Но большие и ресницы длинные. Хотя, какое ему дело до ее глаз?

— Похож, — оценила она, вдоволь намолчавшись.

— На кого? — спросил Дем на полном автомате.

— На Демона, — голос у нее тоже мягкий какой-то был. И пахло от нее приятно — чем-то уютным, сладким, но не приторным. — Взгляд у вас такой... демонический. Пить хотите?

— Чего? — переход был резковат, так что Дем не сразу и въехал, о чем она его спрашивает. — А... Да, хочу.

Деваха встала, повела плечами, которые, видимо, затекли пока она на его кровати дрыхла. При этом ее белый халат спереди натянулся и лейтенант вдруг понял, что не просто хочет пить — в горле у него пересохло так, что там, кажется, даже что-то шуршало. И от этого опять накатило раздражение. Нет, грудь у нее по всем статьям была выдающаяся. Но и ему не шестнадцать лет стукнуло, чтобы при виде пары сисек слюни пускать! Пусть даже они и офигеть какие классные.

— Вам помочь или вы сами справитесь?

Оказывается, дамочка стояла над ним, протягивая стакан с трубочкой. И даже слегка хмурилась. Видать, стояла она так уже довольно долго.

— Сам.

— Давайте помогу. Вам же неудобно с одной рукой.

— Отвали, ясно? — рыкнул Дем, выдирая у нее этот гребанный стакан и едва снова не сковырнувшись с койки.

Оказывается, равновесие можно даже сидя потерять, если очень постараться.

— Как скажете, — она, кажется, даже и не обиделась. Спокойненько так отошла к своим пищащим ящикам, что-то там рассматривая. И ее спокойствие тоже почему-то раздражало. — Я не знаю, когда придет доктор. Но если боли или дискомфорт усиливаются, то я могу поискать врача. К сожалению, без его назначения я ничего делать права не имею.

— Да пошла ты вместе со своими обезболивающими! — выверился Дем.

И сам себе удивился. Нет, спокойным и уравновешенным его никто не называл. Но и так психовать на пустом месте ему тоже было несвойственно. Все же, обычно для «завода» повод требовался. Кажется, вел он себя как полный придурок.

— Хорошо, — пожалала плечами эта стерва.

И действительно куда-то пошла. В смысле, не куда-то, а к двери палаты.

— Стой! — скомандовал лейтенант.

Дем был уверен, что ни хрена она, конечно, не остановится. И тогда можно будет с полным на то правом швырнуть стакан в стену. Но эта баба спокойненько встала и медленно так обернулась к нему, сунув руки в карманы своего халата.

— Вы что-то хотели?

И лицо при этом — само спокойствие. Глазки ясные-ясные. Ни обиды тебе, ни злости. Само терпение. Дем осознал, что он не придурок. Он кретин полный. Потому что ответит ему нечего. Чего он от нее хотел? «Дамочка, я тут взбесился маленько. Так ты уж найди повод, почему меня клинит, лады?». Дурдом на выгуле.

— Найди врача, — буркнул он. — Сколько мне еще тут торчать? Скажи, что у меня все в норме. Пусть он свои ящики отключает, и я пойду.

— Простите, а по какой специализации вы получили диплом, коллега? — поинтересовалась эта стерва.

— В смысле?

— В смысле, пока вы сами не станете хирургом, решать как, что и когда делать будет ваш лечащий врач. До этого светлого момента вы — пациент. Можете хамить, орать, капризничать. Я прекрасно понимаю, что вам некомфортно и больно. Поэтому такие реакции вполне обоснованы. Но вот решения тут принимает доктор. У вас еще есть просьбы?

— Капризничать? — неожиданно севшим голосом переспросил Дем.

— Видимо, нет. Тогда я пошла. Отдыхайте.

И она действительно вышла, прикрыв за собой дверь. Тут уж лейтенант не сдержался — запустил-таки стаканом в стену. Не учтя одного момента — посуда в больничке была пластиковой. Так что стакан даже и не подумал разбиться.

Вейр едва сдержалась, чтобы не шарахнуть дверью изо всех сил. К капризным пациентам, точнее, к их родителям, потому что сами пациенты, как правило, вели себя вполне адекватно, она привыкла. Но этот парень ее допек. Наверное, после общения с Тиром у нее успел сложиться определенный стереотип акшара, в который это желтоглазое чудовище определенно не вписывалось. Она ожидала несколько иного.

Врач нервно хмыкнула и поймала себя на том, что едва не похлопала по карманам в поисках сигарет, хотя курить бросила еще в университете. Кажется, именно сейчас пришла пора снова браться за старые привычки. Если уж она этого Тирана воспринимала как образчик спокойствия и выдержки, тот тут впору не только курить начать. Интересно, у них есть психотерапевты?

«Знаете, доктор, когда этот парень смотрел на меня так удивленно-удивленно, мне почему-то захотелось потрогать его волосы. Он такой растерянный был... И — да-да! — раскоченные мышцы я тоже оценила. Так что я бы не отказалась его не только по голове погладить. И меня это волнует. Давайте поговорим об этом? Кстати, его глаза меня тоже взволновали. Знаете, они такие желтые и светятся. Ну, вот как у кошек. Честно-честно, галлюцинациями я пока не страдаю. Они, правда, светились, когда он злился...».

Вейр тихонечко зарычала сквозь зубы и постучалась затылком в стену — не сильно, но чувствительно. Кто бы сказал, что же это такое творится-то? Переполошиться из-за какого-то хама, которой еще и явно ее моложе. Называется «сильная женщина и профессиональный врач»! Кошка мартовская...

И Вэл... При мысли о муже ее затошнило. Да так, что пришлось прижать ко рту ладонь, чтобы не вывернуть желчь из пустого желудка на вытертый линолеум. Показалась, что вся дрянь, которая бултыхалась внутри, неожиданно решила посмотреть на белый свет. Так мерзко ей давненько не было. Захотелось прочистить желудок. Вантузом. И отдраить ершиком с санитарным порошком. Может быть, тогда бы она не чувствовала себя... Шлюхой она себя чувствовала, вот и все.

— С вами все в порядке?

Врач, оперировавший «ее» пациента, смотрел на Вейр поверх старомодных очков. Видимо, хирургическую коррекцию зрения они тут не практиковали. С другой стороны, почему «они»? Этот мужик со здоровенными мешками под глазами выглядел как нормальный, только вконец замученный, человек. Интересно, как можно отличить акшара «на глазок»?

— Просто спазм, — ответила она. — Вам нужна моя помощь?

— Мне говорили, что вы педиатр? — спросил врач, неприязненно пожевав губами.

— Да, у меня диплом педиатра и специализация по стоматологии, — спокойно ответила Вейр, сжимая кулаки в карманах, чтобы не начать на него орать.

Этот «чудо-доктор», пичкающий своих пациентов антибиотиками, которыми нормальные медики перестали пользоваться еще в каменном веке, у нее тоже симпатии не вызывал. Да и его подход к пациентам нервировал. «Их гранатой не убьёшь!». Кретин.

— Меня ваш диплом не интересует. Я оперирую без всяких бумажек.

— Почему-то я не удивлена, — съязвила Вейр.

— С радостью бы обсудил с вами проблемы акшара при поступлении в человеческие университеты, да времени нет, — яд с зубов этого «врача» просто капал. — У меня на столе ребёнок. И он не дает себя осмотреть. Вы можете его успокоить?

«С этого и надо было начинать, придурок!» — чуть не рывкнула Вейр. Куда она попала? Мужики, у которых тестостерон напололам с адреналином из ушей течет. Хирургисамоучки. И все идиоты, как один. Может, она все-таки умерла и сама этого не заметила? Наверное, это была ее личная версия ада.

— Так вы проводите меня к ребенку? — чувствуя, что от злости ее начало потряхивать, прошипела Вейр.

— Проходите, — неохотно отозвался хирург, открывая дверь с таким видом, как будто делает ей великое одолжение.

Дверь, кстати говоря, была самой обычной — пластиковой. О санитарных завесах они тоже наверняка ничего не слышали. Какой же у них процент послеоперационных осложнений? Она бы поставила на то, что сепсисом заканчивается десять из десяти.

На волне цветком распустившегося бешенства Вейр пролетела «предбанник», оценив синие лампы под потолком и обычный, даже в каких-то желтых потеках умывальник. И остановилась, как будто налетела на стеклянную стену. Хотя до перегородки, которая отделяла операционную она не дошла добрых пяти шагов.

Мальчик действительно сидел на операционном столе. Сколько ему лет было, врач с разгона определить не смогла. Судя по худенькому, с выпирающими ребрами, тельцу — лет

семь. По внешности же... А по внешности это определить было невозможно. Лицо у ребенка отсутствовало. Вместо него — сплошная, вспухшая лилово-багряным, подушка гематомы. У паренька даже нос почти скрылся в отеках! Под ключицей белела марлевая нащепка, с круглым пятнышком крови. И царапина поперек всего впалого живота. Не царапина даже, а самая натуральная рана, которую стоило бы зашить.

— Вы так и будете тут стоять с квадратными глазами? Или, все-таки, поможете мне? — скрипуче поинтересовался хирург.

Вейр тяжело сглотнула. Слюна скатилась по горлу, как комок смятой бумаги.

— Что с ним... — хотела еще добавить «случилось», но не выговорилось.

Собственно, голос съехал в сип еще на «с ним».

— Ракшасы, — довольно равнодушно ответил врач.

— У вас дети воют?!

Ей нестерпимо захотелось себя ущипнуть. Или с разбега врезаться головой в стену. Или... В общем, сделать что-нибудь такое, чтобы проснуться. Немедленно. Реальностью это не могло быть никак.

— У вас с головой проблемы? — проскрипел вежливый хирург. — Он вообще из мирных. На его семью напали.

«О, мать моя! Не буду спрашивать, что с ними случилось. Не буду — и все. Не хочу знать!».

Но хирург как будто прочитал ее мысли. Хотя, скорее всего, они были написаны у нее на лбу большими буквами. Так или иначе, но рожа врача треснула пополам в кривой ухмылке.

— Старший брат его вышвырнул в окно. Упал на какой-то мусор. Потерял сознание, потому и выжил, — подчеркнуто вежливо оповестил он. — Вам принести нашатырь? Простите, но нюхательные соли закончились.

Вейр глянула на него, надеясь, что взгляд, которым она умирляла особо чувствительных мамаш и собственный персонал, подействует и на этого остолопа. И шагнула через порог.

Мальчишку трясло в ознобе. То ли его организм так на препараты реагировал, то ли он просто был напуган. А, скорее всего, и то, и другое. Он то и дело вздрагивал, осматриваясь, как затравленный зверек, вжимая голову в плечи. Что он мог видеть сквозь такие отеки, врач не понимала. Но что-то видел. Потому что стоило им появиться на пороге, как парень попытался сползти со стола, неловко елозя тощим задом по клеенке.

— Послушай, — начала Вейр так, как привыкла общаться со своими пациентами. С детьми главное не сюсюкать, разговаривать как с равными. И тогда никаких проблем не будет. — Нам надо тебя осмотреть и как можно быстрее приступить к лечению. Я понимаю, что ты... — обычно тут следовало «напуган», но что-то ей подсказывало, что маленький акшара такого слова не оценит, — ... чувствуешь себя неудобно. Но если этим немедленно не заняться, то последствия могут оказаться очень серьезными. Например, твоя рука перестанет работать.

— Плевать, — просипел мальчишка. — Я их зубами порву.

В его словах не было ни тени детской бравады. Просто констатация факта — порвет. Если сумеет, конечно.

— А не проще ли взять себя в руки и дать нам вылечить тебя? Я думаю, пристрелить их будет гораздо более эффективным, чем зубами рвать. — «Господи, что я говорю? Это ведь ребенок! Чуть-чуть старше Кит...». — А стрелять, имея полный комплект конечностей,

удобнее.

Чувство ирреальности усиливалось. Ли была практически уверена, что спит. Только вот как проснуться, доктор сообразить не могла.

Когда Вейр выползла из операционной, она просто прислонилась к стене — и сползла по ней вниз, садясь на корточки. Ее мутило уже всерьез. Кровь распирала череп, как будто ей там место было мало, давила на глазницы изнутри. Она всерьез опасалась, что сейчас просто грохнется в обморок. Такого в ее практике еще не было. Но, наверное, подобным мог похвастаться и не каждый действующий хирург. Собственно, такие операции можно найти только в журнале «Вестник хирургии акшара». Если бы его, конечно, кто-нибудь удосужился издать.

Несквозное пулевое ранение у ребенка. Операция под местной — местной! — анестезией. Примитивными инструментами. Диагностика сосудов с помощью — мать моя! — глазок. То есть, вскрыть и посмотреть, не кровят ли, а то «давление низковато». И пациент, вцепившийся в нее, Вейр, как будто она единственное спасение. Его крики, когда этот садист из него пулю выковыривал, теперь станут ее любимым кошмаром. А ведь мальчишка сначала еще крепиться пытался...

Тень загородила от нее свет ламп в коридоре, которые она уже начинала тихо ненавидеть. Вейр подняла голову, снизу вверх глядя на Тира.

— Скажите, что я сплю, а? — тихо попросила она.

Хрипун молчал, буравя ее своими медвежьими глазками.

— Я не могу и не хочу оставаться тут. Я хочу обратно, — медленно, с расстановкой, прбормотала Вейр. — Честно, я никому ничего не скажу. Просто потому, что сама хочу, о-очень хочу, все это забыть. Считайте меня кем угодно. Но я хочу в свой мир. К ослику.

— Вполне понимаю твое желание, — отозвался Каркун. Кажется, он действительно даже не собирался ее осуждать. Понимающий какой! — Я уже говорил. Поступайте так, как считаешь нужным. Попроси — я отвезу вас домой. Но сначала тебя стоит выспаться. И поесть.

— Нет, спасибо, — помотала головой врач. — Есть я не буду. Мне бы помыться. И поспать, действительно.

— Бросай эту херню, Дем! — заорали за стеной. Вейр и раньше слышала бубнящие голоса, но не прислушивалась. Мало ли кто решил навестить «ее» пациента? — Я серьезно тебе говорю! Бросай! Меня достало твой зад спасти!

— Так не спасай! — видимо, на поправку раненый шел просто семимильными шагами. Обычно на следующие сутки после полостной операции больные так не орут. У них едва сил хватает тихонько пришептывать. — Мне ваша благотворительность на хер не нужна!

— Так вали отсюда и сдохни где-нибудь в другом месте! Потому что пока ты тут, тебе ни я, ни другие этого сделать не дадут! Не дам, ты понял?!

Кажется, совсем недавно Вейр уже где-то это слышала. Не то чтобы слово в слово. Но что-то похожее было. «Самому башку в петлю сунуть яйца зажимает. Зато под пули лезть — запросто...» — кажется, так оно звучало в оригинале?

Она снова глянула на Тира, который еще больше посмурнел. Хотя, казалось, дальше уж и некуда. Каркун рывком открыл дверь палаты и рывкнул так, что у врача уши заложило:

— Завалили хавальники. Оба!

Удивительно, но в палате наступила просто-таки мертвая тишина. Да что там, даже

Вейр медленно, придерживаясь стеночки, но поднялась на трясущихся ногах. Чужая истерика, прекращенная не самым нежным способом, напомнила, что ей концерты устраивать тоже не пристало.

Хрипун добавил еще что-то, но уже тихо и, как показалось Вейр, на другом языке.

— Пойдем, я покажу, где ты сможешь отдохнуть, — повернулся он к ней, осторожно прикрыв дверь в палату.

Желваки у него перекатывались так, словно он камней в рот набрал. Поэтому врач рискнула только кивнуть и поплелась следом за Тиром, с трудом переставляя ноги, которые казались чугунными. По сторонам она не смотрела. Да, собственно, там и смотреть не на что было. Просто одни коридоры сменялись другими. Кажется, на их пути попадались какие-то люди... В смысле, не люди, а акшара. Но ей было плевать.

И не только потому, что она смертельно устала. Мысли одолевали. А еще стыд. Не могла она отделаться от чувства, что ее нытье на тему «Хочу домой!» сильно смахивает на испуганный скулеж. Появилась такая благополучная барышня, сунула нос в щелку, брезгливо поморщилась — и смылась. Дальше страдать в своем жирненьком благополучии.

Хрипун, в которого она едва не врезалась, задумавшись, открыл дверь, приглашающе оставив ее распахнутой.

— Не слишком удобно, но на один день сойдет, — прокаркал Тир, как будто извиняясь. — Я зайду за тобой вечером, и мы решим, что с тобой делать дальше. Только не забывай про ракшасов. Я ведь серьезно говорил. Они тебя найдут. Так что подумай, где сможешь перекантоваться. Хоть какое-то время.

Вейр кивнула, даже не слишком вникая в смысл того, о чем он бормочет.

— Скажите, а у вас много детей?

— У меня лично, на Базе или вообще у акшаров? — кажется, вопрос его не слишком удивил.

— Наверное, здесь и... вообще, — врач потерла пальцами висок, в который изнутри долбил отбойный молоток.

— На Базе тридцать кадетов. А сколько вообще — я не знаю, статистикой не занимаюсь. Детей у нас мало. С этим есть... определенные проблемы.

— И врачей тоже мало?

Тир помолчал, глядя на нее из-под кустистых бровей. Вейр показалось, что он прекрасно понимает, к чему она задает эти вопросы. Понимает, но подсказывать ей не собирается.

— Врачи только тут, на Базе. Их двое. Оба хирурги. А к человеческим докторам мы не обращаемся. Любой анализ — и привет. Можно лавочку прикрывать. Никогда не задумывалась, почему у вас всем беременным до сих пор делают генетический скроллинг? Приходится обходиться собственными силами. Чтобы не светиться.

Кажется, на счет «не подсказывает» она лихо промахнулась. Не просто подсказывает, но еще и подталкивает. Вейр улыбнулась, хотя радоваться особенно было нечему. Просто этот медведь не был таким уж тупым громилой, которым хотел казаться.

— Я еще ничего не решила, — сказала она, ловя себя на том, что едва ли не кокетничает с ним.

— А я у тебя пока еще ответа и не спрашивал.

Тир не улыбался, но врачу показалось, что он почти на грани, еще чуть-чуть — и в нем проглянет что-то человеческое.

Ли положила ладонь на дверь, покачав ее и с преувеличенным вниманием рассматривая пол.

— И мне страшно, — призналась она, в конце концов.

— Догадываюсь, — прохрипел Каркун. — Но подумай еще вот о чем. Здесь ты никогда не будешь одна. Сама понимаешь, одиночество в таком месте — это почти чудо. Многие о нем годами мечтают.

Она помолчала, по-прежнему глядя вниз, кивнула и, не прощаясь, тихонечко закрыла за собой дверь.

Нет, ответить Вейр была еще не готова.

Глава четвертая

Глава четвертая

Басы перемешивали мозг, как миксером. Истеричные запылы гитары полировали извилины до полной гладкости. Музыка гремела так, что хотелось отвинтить голову и приставить себе другую — пустую. Или разнести орущие динамики на хрен. Но, собственно, в «Глоток» и приходили за тем, чтобы мысли из башки вытряхнуть.

На танцполе люди жались друг другу, как будто тут затеивалась оргия на полтораста душ. Собственно, визуально это тоже сильно смахивало на всеобщий трах. Росблески разноцветных лазерных лучей выхватывали из темноты изогнувшиеся тела, запрокинутые головы, чьи-то глаза с диким, едва ли не на всю радужку зрачком, кусок голой, покрытой бисером пота плоти. Ад крошечный и черти в нем.

Вар, спрятав косяк в ладони, сложенной лодочкой, следил за всем этим мракобесием, не отрываясь. Его глаза поблескивали в полумраке, подсвеченном огнями танцпола, как у притаившегося в засаде зверя. Татуировка на половину физиономии делала лицо хищным, первобытным, дикарским. Ноздри акшара подрагивали, чуть раздуваясь, жадно втягивая запахи клуба.

Пал его азарта не разделял. Его от местной вони с души воротило. Запахи пота, травки, пролитого пива, пыли смешивались в аромат «Ночная жизнь». Рекламный слоган: «Приди и оторвись, если жизнь полное дерьмо. С нами еще дерьмовее!». Цена — мозги, превращенные в кисель за ночь угара. В подкладке города, набитого дешевыми клубами, тату-салонами, крохотными парикмахерскими и кабаками «Стопка для неудачника», такой парфюм был товаром ходовым.

Уроды, которые с помощью дури, алкоголя и им же самим ненужного секса, пытались убедить себя, что с их жизнью все в порядке, Пала бесили. Возможно потому, что он сам был одним из них.

Зато Яр, казалось, просто дрых, раскинув руки на спинке дивана. Если бы он не прихлёбывал изредка из бутылки, зажатой в тонких, почти женских, пальцах, можно было бы предположить, что брат в полном отрубе.

Пал запрокинул в глотку стопку, наблюдая за блондинкой, виляющей бедрами явно по направлению к их столику. Кислятина, которую водка смыла с неба, немедленно вернулась на место. Лейтенант, старательно не глядя на девицу, отсигнализировал бармену, что не прочь повторить заказ. Нот, парень опытный, умный и обожающий чаевые, тут же кивнул и поймал за юбку замотанную официантку, водрузив на ее поднос аж две рюмки разом. Обе с двойной порцией и без льда. Любитель чаевых свои деньги отрабатывал честно.

— Не хотите узнать, что я умею, мальчики? — протянула подкавылявшая-таки блонда, опершись на столешницу так, чтобы все присутствующие могли оценить ее достоинства, едва уместающиеся в слишком тесном топе.

Пал отвернулся, снимая с подноса официантки обе рюмки разом. Впрочем, киска целилась не в него. Блонда маслялась в сторону Яра. Но как раз в этом ничего необычного не было.

Красава приоткрыл сонные глазки, оглядел девицу с вываленной на всеобщее обозрение груди до ног, прикрытых чем-то размером с салфетку. Лениво улыбнулся и мотнул головой, снова впав в летаргию. Вряд ли предложенный товар его не устроил. Девка полностью соответствовала его требованиям. Скорее лейтенанту было просто лениво вставать. А за трах в зале охрана гоняла. Не то что бы для акшара местные церберы были проблемой. Но клуб они этот присмотрели давно и лишних сложностей создавать не хотели. В конце концов, они просто отдыхали. Значит, и вести себя нужно, как пай-мальчикам.

— Как на счет меня, детка? — подался вперед Вар, всовывая свою татуированную рожу в пробившийся откуда-то сбоку сноп света.

— Ну-у, ты страшный, — промурлыкала блонда, надувая и без того чересчур пухлые губки.

Его это не смутило. Он широко улыбнулся, демонстрируя, что у него еще клыки удлинены, и постучал себя по скуле тремя пальцами.

— Но у тебя прикольный хвостик, — разулыбалась девица, вильнув задницей.

— На хрена он им платит? — буркнул Пал, провожая взглядом удаляющуюся в сторону сортиров парочку. — Да еще и три десятки? Полно тех, кто бесплатно залезет — только свистни.

— С профессионалками проще, — философски протянул Яр, поболтав полупустой бутылкой. — По крайней мере, знаешь, чего ждать.

— Ну, если ты так говоришь. Всемирного гуру траха стоит слушать, — проворчал Пал, как удав заглатывая еще одну порцию.

— Ты бы не слушал, а пользовался опытом.

— Иди в задницу.

— Если только к тебе, детка.

Пал продемонстрировал ему универсальный жест и намекнул бармену, что его снова мучит жажда.

— Нажраться решил? — лениво поинтересовался Яр.

— Есть предложения интереснее?

— А как же. Прекратить маяться херней, — Яр сел прямо, поставив бутылку на стол и крутанув ее за горлышко. — Такое до добра не доведет. Или тоже хочешь сдохнуть? Тебе не кажется, что одного придурка с заскоками нам хватает?

— Вот ему это и скажи, — огрызнулся Пал, возвращая не успевшей отойти официантке уже пустую рюмку. — Задолбало все.

— Ну, так расслабься.

— А вот это хороший совет, — кивнул лейтенант, поднимаясь. — Действительно, хороший.

— И куда ты собрался? — поинтересовался Яр, глядя на него снизу вверх.

— Расслабляться, — ухмыльнулся Пал, швырнув на стол несколько смятых купюр и направляясь к выходу.

Протискиваться через толпу ему не пришлось. Достаточно было задеть плечом тех, кто корячился с краю. Люди, конечно, оборачивались, горя желанием высказать уроду, все, что они о нем думают. Но при виде почти двухметрового громилы с харей, как будто сшитой из неподходящих друг другу лоскутов кожи, разговорчивость мгновенно проходила. И товарищи по собственной воле уступали дорогу. А дальше шла просто цепная реакция. Поэтому через танцпол лейтенант топал по такому себе коридору, как какой-нибудь долбаный король.

Яр помотал головой, скептически хмыкнул, наблюдая за не слишком уверенной походкой Пала. Обреченно вздохнул, выудив из кармана мобильник, набрал сообщение и вздохнул еще раз. Пиво допивал он уже стоя.

— Какого хрена? — прошипел появившийся из темноты Вар, недовольно кривя татуированную рожу.

— Пал ушел развлекаться.

— О, это дело! — рожа мгновенно перестала быть недовольной. — Кого ждем?

Яр поднял глаза к потолку, словно надеясь там увидеть ответ на сакраментальный вопрос: «За что мне все это дерьмо?». Но на потолке ничего, кроме крутящегося зеркального шара, брызжущего во все стороны колкими искрами, не обнаружилось.

— До меня только одно не доходит. Вам этой фигни на патрулях не хватает? — простонал красавчик, картинно, не хуже чем модель в рекламе какого-нибудь шампуня, откидывая волосы за спину и стягивая их резинкой.

— Ты просто тупой, — ласково ответил ему Вар, похлопав лейтенанта по обтянутому черной кожей плечу. — И слишком нежный, чтобы оценить мужские игрушки.

— Вали давай, недомерок, — хмыкнул Яр, подпихивая низкорослого акшара в плечо.

— Яйца не жмут? — поинтересовался Вар, облизывая острый клык.

— Бывает, поджимают. Большие они у меня, — признался красавчик, протискиваясь через потные тела — харизмой Пала он не обладал.

Точнее, его харизма действовала исключительно на традиционных девиц и нетрадиционных мужиков. Но ее еще и разглядеть нужно было в адском, пляшущем освещении.

— Мне долго тут в одиночку зад морозить? — проскрипел в наушнике недовольный голос Пала. — Или девочки решили обойтись без моей компании?

— Да идем мы, идем, — отозвался Яр, который с удовольствием бы остался на диване в компании пива.

Четкой границы между миром акшара и остальным городом никогда не было. Да, пожалуй, никто и не задумывался о ее существовании, кроме патрулей, сторожо, как крысы, шныряющих по темным, лишенным фонарей переулкам. Но граница существовала и по собственному желанию могла появиться перед избранными.

В этот вечер она решила принять облик журчащей, исходящей горячим парком, струйки мочи.

Пал прорычал что-то тихое и неразборчивое, но не слишком ласковое. Вар, зажимающий ему рот, перевел мычание как: «Урою мудака!». В принципе, лейтенант с Меченым был полностью согласен. Он бы и сам не отказался объяснить сержанту, выбравшему в качестве сортира именно эту щель, что справлять нужду на ветру нехорошо. И не потому, что писюн застудить рискуешь. А потому, что его могут оторвать.

Но приходилось молчать, старательно вжимаясь в крошащуюся кирпичную стену,

старательно изображая собой тени, просто тени. Ну и пытаться не угодить в лужу, которая как назло подтекала как раз под ботинки. Естественно, закуток, в который они занырнули, местные жители использовали, как помойку. Поэтому и простора для маневра было немного. Либо прижимайся к склизкой, покрытой какой-то липкой дрянью, стене дома. Либо обнимайся с сараем, который, казалось, был готов рухнуть от одного только взгляда. Либо подпирай гору гниющей пакости. Ну, или стой едва не на одной ноге. Кстати, воняло в этой щели, как в аду. Вар готов был поспорить, что если хорошенько порыться в мусоре, то парочку не самых свежих трупов можно было откопать запросто.

Ситуацию усложняло два нюанса. Во-первых, обида. Потому что прятаться приходилось от своих же. Страдающий энурезом сержант был взводным старины Деса. И уже поэтому заслуживал, чтобы ему начистили морду. Только проблема состояла в том, что «писающий мальчик» на границе оказался законно — патрулировал территорию. А вот троицы в эту ночь тут не могло быть в принципе. И даже отрихтуй они физиономию сержанта до полной гладкости, взыскания им было бы не избежать.

Во-вторых, Пал на свежем воздухе протрезвел. Не до того состояния, чтобы уверенно начать ориентироваться в пространстве. Но до точки: «Дайте мне кого-нибудь порвать, а то сами порватыми окажитесь!» он как раз дошел. И удерживать от необдуманных поступков брата было сложно. Очень сложно. Когда Пал обижался, успокоить его могла только железная балка, уроненная на чугунную башку. Или Тир. Но ни той, ни другого поблизости не наблюдалось.

В конце концов сержант облегченно вздохнул, прибрал причиндалы и утопал вслед за своей тройкой в переулочек. Пал рыпнулся было сильнее, но Яр, нежно удерживающий его предплечьем за могучее горло, лейтенанта только придавил. И правильно. Стоило ли ныкаться в этой дыре добрых пять минут только для того, чтобы рассказать вслед уходящим все, что о них думают? Наверное, нет.

— ...ля! Всю руку обслюнявил, — прошипел Вар.

Когда татуированный прислушивался, его уши реально шевелились. И выглядело это вовсе не смешно, а, скорее, жутковато. Еще и колечки, пробивающие хрящи от сглаженной мочки до деформированного, заостренного кончика, посверкивали. Хотя в закутке было темно, как в немой заднице.

— Пошли, — одними губами изобразил Яр, выпуская Меченного.

Пал зыркнул на них белыми, выпученными глазами, встряхнулся всем телом, как пес, и сгорбившись, опустив к земле повисшие плетьюми руки, будто нырнул в темноту.

— ...ец! — высказался Вар, покачав головой.

А ничего другого на ум и не приходило. Этот траханный рубильник в башке Пала явно сошел с отметки «Расслабиться», замерев рядом с «Все что вижу — ненавижу». И вернуть его хотя бы к «Я почти вменяем» будет непросто.

Яр пожал плечами и подпихнул татуированного кулаком в плечо, побуждая к действию. Действительно, лейтенанта стоило бы догнать до того, как он начнет крошить на фарш первого, кто ему попадётся на пути.

Наверное, Вар не зря регулярно молился. И не просто так парни говорили, что он у Девы в любимчиках ходит. Далеко Пал удрать не успел. Стоял посередине переулочка, стиснутого глухими, без окон и дверей, стенами домов. Хотя «стоял» — это громко сказано. Припал к земле, едва пальцами не опираясь на растрескавшийся, словно гнилые зубы, асфальт и щерился, скалился в темноту. А его чутью доверять стоило. Ракшасов он, кажется,

задницей чуял.

Собственно, они и не прятались, а будто поджидали, когда группа поддержки явится. Стояли двумя столбами — чуть темнее темноты. Двое против троих — расклад выходил дерьмовым.

— За пушки не хватаетесь, — негромко предупредил Яр, — патруль слишком близко. И в четырех кварталах — участок полицейский.

Вар только кивнув в ответ. А Пал никак не среагировал. Когда он заводился, то начисто забывал, что такая вещь как «оружие» вообще на свете существует.

Собственно, больше говорить было и не о чем. В реальности остался только дерьмовый расклад и одна единственная задача. Суперзадача, сверхзадача — уничтожить. На ее решение работал весь организм и все доступные чувства. Выжить, остаться целым — да, мать вашу так! — даже дышать — это все вторично. Сначала уничтожить, а потом посмотрим, что после этого останется.

Кажется, даже время поняло, что ему в переулке делать нечего, и удалилось. Какое время, какое пространство? Трехмерная координатная сетка, по которой двигается пять фигур. Гребанные 3D-шахматы.

Первым тайм-аут взял слон. Яр был гибким, словно у него даже в позвоночник дополнительные суставы насовали. Но уж слишком высокий и нежный. От быстрого — только чуть медленнее выпущенной пули — удара в голову он ушел. И даже подсек черного уroda низким, красивым, как в цирке, разворотом. Но уж лучше бы он поменьше трюкачил и побольше следил за собственным чугуном. Потому как огреб локтем в висок — и отправился отдыхать к стеночке. Оставив расклад совсем-совсем хреновым.

Палу-то что. Тура — она и есть тура. Пропустив боковой — между прочим, тоже в висок — один в челюсть и пару по корпусу, он, кажется, этого даже и не заметил. Ломил вперед, как танк, словно на него броню нацепили. Вот такой он, наш Пал. Ему бы у саперов щитом работать. Даром что у акшара саперов не водилось.

А вот Вару было невесело. Ни фига не весело. Ракшас, походя отправивший Яра в царство грез, кажется, успел продать душу дьяволу. Проворный и быстрый, как кот лейтенант, только и успевал уходить от пудового кулака, вертеться, словно рехнувшаяся юла. Ударов он не видел. Да к черту! Он вообще ничего не видел! Но каким-то чудом ракшас его еще ни разу серьезно не достал.

Не иначе как сама Дева решила в очередной раз прикрыть подолом своего любимчика. Это, конечно, не могло не радовать. Да вот только облегчения не приносило. Кажется, черный слился с темнотой, превратился в вихрь, внутри которого кувыркался Вар. Ублюдок даже не дрался — играл, как ветер бумажкой. И это бесило.

Рано или поздно, но у любого акшара возникал вопрос: какого хрена создатели не сделали их похожими на ракшасов? Не физически — насрать на модуляторы. Но хотя бы внешне? Акшары, в подавляющем большинстве, были похожи на кряжистые деревья. Здоровые, ширококостные — фиг свалишь. Это, конечно, неплохо. Особенно вкупе со способностью выжать от груди автомобиль вместе с водителем. Но вот ракшасов спроектировали умнее.

Эти ублюдки редко отличались высоким ростом. Да и героическими статями похвастаться не могли. Хотя их жилистые, сухие мускулы тоже были способны на многое. Но, главное — мать их пробирка! — ловкостью и гибкостью с ними разве что пантера какая-

нибудь сравниться могла. Да они, действительно, и смахивали на пантер. Черные, как уголь с головы до пят. Не такие, как уроженцы некоторых особо жарких стран. Их кожа как будто поглощавшая свет, была матовой и почти однотонной везде — черным были и пятки, и языки, и задницы. И волосы черные, жесткие, выскальзывающиеся из пальцев. Даже белки глаз не белые вовсе, а какие-то серо-синие. Стоило прикрыть глазки — и хрен ты их в темноте увидишь, пока не споткнёшься. Или, точнее, пока тебе глотку не вскроют.

Яр, убедив собственное сознание в том, что отдыхать время еще не пришло, черного не разглядел сначала. Он его и заметил только потому, что Вар, рыча и завывая, как заправский кот, висел у ракшаса на спине. Недомерок-акшара, захлестнув шею черного цепью и упираясь пятками в его же задницу, пытался придушить урода. Урод с таки исходом явно согласен не был. Он метался от стены к стене, как мячик, колотя по кирпичным стенам Варом. Не знал, бедолага, что лейтенант был очень упрямым. Если уж он во что-то вцепился, то фиг ты его отдерешь.

А у Пала все вообще было на мази. Он оседлал второго и с размеренностью отбойного молотка вколачивал его морду в асфальт. Правда, от морды там мало что осталось. Да и плечо ракшаса заливало что-то мокрое, глянцево поблескивающее в скупом свете Луны. И, кажется, под этим «чем-то» не хватало куска мяса. Это не удивляло. Как Вар, Меченный клыки не подпиливал. Но «рвать зубами» для него было вовсе не образным выражением. И в таком состоянии ему лучше под ногами не мешаться.

Яр сгреб под себя конечности, тихо матерясь. Не стоило ему плевать сегодня на собственное проклятье, совсем не стоило. Он постоянно делал вид, что никакой неполноценности не существует, что он такой же, как и все. И, конечно, реальность его тыкала в дерьмо носом именно тогда, когда этого требовалось меньше всего. В этом траханом переулке и так ничего видно не было. А уж когда периферийное зрение решило, что ему пора отдохнуть, стало совсем хорошо. Вот и схлопотал так, что теперь костыли разъезжались, как у кутенка.

На трясущихся, словно желе, коленях, Яр встал, придерживаясь за стену. Хорошо, что раствор между кирпичами выкрошился. Поднимать себя в горизонтальное положение было легко. Подтягиваешься и — опа! — ты почти что человек. Но хорошенько обдумать собственное совершенство Яр не успел. От самосозерцания его отвлек Вар, взывший дурниной. Какое на хрен «не стрелять!»? Смысла в этом, если татуированный воеет громче, чем любая полицейская сирена?

Но, собственно, повод повить у него был. Ракшас умудрился вырвать у него цепь, по ходу насрав на собственное порванное горло. В котором уже что-то булькало и пузырилось. Вар потере тоже не очень огорчился. Он обхватил урода ногами, как шлюха клиента. И пытался одновременно выдавить черному глаз и порвать ему пасть. Дело у него шло довольно прытко. Но, вообще-то, такие трюки безопасностью не отличались. Помнится, один так пальца лишился.

Яр еще раз выmaterился — для поднятия собственного боевого духа. И отлип от стены, ставшей для него почти родной. Один короткий удар — и кишки ракшаса, поливая ботинки лейтенанта кровью и дерьмом, настойчиво попросились наружу. Клинок скрежетнул по ребрам, вскрывая торс хорошим прожекторским разрезом — от брюха до грудины. Черный взвыл. Вар тоже. Причем с таким же разочарованием.

— Какого хрена? — ощерился татуированный, слетев с ракшаса, который все раздумывал — постоять ему еще или уже можно падать.

— Поцелуй меня в задницу и скажи спасибо, — устало посоветовал Яр, прислонившись к стене.

С глазами у него вообще полная беда началась. Переулок мерцал, то вовсе пропадая, то становясь черно-белым.

— Да пошел ты! — раздраженно посоветовал Вар, кажется, уложив-таки задумчивого урода на асфальт и заканчивая то, что уже начала цепь.

Видимо, вторая улыбка в данном случае служила профилактикой задумчивости.

— Еще и нож куда-то захреначил, — бубнил татуированный как старый дед, уронивший в чай печенючку. — Как я его в этой траханной темноте найду? Туда он, что ли отлетел?..

Яр ничего ему не ответил. Прикурил сигарету — огонек был не красным, а серо-пепельным. С кряхтением порылся в кармане на штанах, выудил фонарик и перебросил его Вару. Тот в ответ буркнул что-то неразборчивое, что с равным успехом можно было принять и за благодарность и за совет обслужить себя самостоятельно.

— Дай прикурить, — подал голос Пал, — моя сдохла...

Он еще раз впустую щелкнул зажигалкой, как будто надеясь, что у нее проснётся совесть. Не проснулась. Меченный раздражённо швырнул ее на дёргающегося, словно через него ток пускали, ракшаса.

— Вот ведь, твари живучие, — едва ли не с завистью протянул Яр, передавая зажигалку.

Правда, повод для зависти был сомнительный. У черного не только лицо отсутствовало, но и затылок стал странно плоским. С провалами. Да и вообще его голова напоминала сырые «ежики» — тефтельки из фарша с рисом. Тоже круглая, слепленная из мяса, с торчащими кусочками чего-то белого. Правда, этого «ежика» соусом уже полили.

В таком положении жить вряд ли захочется.

— Слышь, Яр, а как ты думаешь, чем любовь пахнет? — Пал, явно оберегая левый бок, уселся у стеночки прямо на асфальт и глубоко затянулся.

— В смысле? — спокойно отозвался красавчик.

Подобные вопросы у него удивления давно не вызывали. Любил Меченный после хорошего расслабона пофилософствовать о чем-нибудь странном.

— Ну... любовь, — Пал неопределенно повел рукой. — Не в смысле трах, а вообще.

— Не знаю, — Яр выдохнул дым через ноздри. След, прочерченный в темноте горящим кончиком сигареты Меченного был красным. — И чем?

— Яблоками, — уверенно отозвался Пал.

— Хреном немывтым она пахнет, — гавкнул неромантичный Вар. — Давай, звони Изу. Пусть тачку подгоняет.

— А может так? — с надеждой спросил Яр, которому совсем не улыбалось паковать трупы, а потом еще и тащиться в крематорий, умасливая старого Жила, чтобы он их тихонько оприходовал без регистрации. — Давай оттащим их... Ну вон хоть в щель эту, где мы торчали...

— Звони-звони, — отозвался татуированный, в котором совсем не вовремя проснулась ответственность. — И пусть он по базе пробьет, не живет ли тут кто поблизости.

Лейтенант выругался под нос, выуживая из кармана мобильник. Конечно, никакой мистики могло и не быть. Даже можно было поспорить с точки зрения чистой логики. Граница совсем рядом. И ракшасы могли с равной долей вероятности как идти на охоту, так и возвращаться с нее. Или просто ошиваться поблизости. Может, они тоже хотели расслабиться?

Ну, это если не учитывать тот факт, что у Вара был нюх не только на ублюдков. Но и на их жертв. И ошибался он крайне редко. На памяти Яра... никогда.

После долгих препирательств с Изом отправили Меченного. Пал окончательно скис, не смотря на все его уверения, что с ним полный порядок. Все-таки, черный урод его отделал знатно. И парню стоило отлежаться. Тем более что ночью ему в патруль идти надо было. И Тир вряд ли бы поверил, будто лейтенант упал с кровати, совершенно случайно сломав себе пару ребер. Лучше дать кэп шанс ничего не заметить.

Вар быстро пробежал глазами список адресов, присланных ему Изом, и убрал телефон, снова к чему-то прислушиваясь. Яр отвернулся, чтобы не видеть его подергивающихся ушей. На сугубо лейтенантский вкус это выглядело кошмарно. Нечто вроде того, как некоторые суставы выламывают. Круто, конечно, но... мерзко.

— Пошли, — скомандовал татуированный.

Красавчик безропотно двинул вслед за коротышкой. Пошли так пошли, ему виднее. Хотя идти хотелось как раз в обратном направлении. В этом ничего хорошего не предвиделось. Сколько раз уже видено, а кишки все равно вворачивает. И тошнотворнее всего чувство собственной беспомощности.

Как-то по пьяни Тир признался, что больше всего ненавидит в таких вот ситуациях то, что лично он ничего сделать не может. Тогда все сидящие за столом дружно промолчали. Видимо, не только капитана с Яром доставала беспомощность.

А что можно сделать? Только круша все на своем пути, нестись на улицы, чтобы отправить побольше уродов прямым экспрессом в ад. Но — засада! — мертвые от этого не возвращаются.

Дом был совершенно обычным человеческим муравейником, даже еще и получше своих соседей. Монолитная семиэтажка на шесть подъездов с подобием детской площадки и чахлыми, засыпанными неведь откуда взявшимися листьями, газончиками. Даже решетка вокруг этого чуда архитектуры имела. И калитка, запертая на замок, который не то, что гвоздем — пальцем можно было открыть не напрягаясь. Странно еще, что забор вместе с калиткой до сих пор был на месте. В таких кварталах тяга разрушения подобные ограждения сметает первыми. Хотя нет, вторыми. Первыми страдают как раз качели с каруселями.

Обойдя забор по периметру, и обнаружив-таки в нем дыру, в которую, не напрягаясь, въехал бы грузовик, они пересекли стоянку, забитую дешевыми машинами — преимущественно седанами с максимально вместительными багажниками, принаитованными детскими креслами и самой дерьмовой системой безопасности, которую можно купить за деньги. Видимо, местные жители считали, что запихать в машину как можно больше продуктов из супермаркета гораздо важнее, чем обеспечить сохранность собственных детей. Люди, что с них взять?

На фоне этого дерьмового глянцевого великолепия старенький «Ангел» выглядел как учительница пеня в толпе дешевых проституток. Яр подошел к нему, заглянув в салон, заслонившись ладонью, словно его солнце слепило. Хотя даже Луна уже успела скрыться за топорщащимися антеннами крышами домов. Просто не хотелось заглядывать внутрь. Не хотелось — и все.

Увидел он почти то, что и ожидал. Вот только детских кресел, подмигивающих зелеными индикаторами полных батарей, было три. Три детских креслица максимальной степени защищенности. Два голубых с белыми мишками и одно розовое — в бабочках.

— Я их помню, — буркнул за спиной лейтенанта Вар. — Им предлагали на Базу переселиться. Все-таки тройня.

— И чего они? — тупо переспросил Яр.

Как будто непонятно, «чего они». Все-таки, приходилось признать, что акшара иногда были не умнее людей. Хотя, конечно, дело не в мозгах. Просто некоторые из них слишком упорно стремились отгородиться от реалий собственной жизни. Будто если сам поверишь, что ты человек, и семья у тебя человеческая, и жизнь у тебя человеческая, то и все поверят. Странно, но ракшасы в это почему-то не верили.

— Пойдем, все-таки, глянем, что там, — почти попросил Яр.

Хотя и его интуиция, которой до чутья Вара было как раком до Луны, во всю глотку голосила, что никуда ходить не надо. Все и так уже понятно. Но татуированный кивнул и они — нога за ногу — потащились к бетонной коробке дома.

Кодовый замок на нужном им подъезде не был сломан. Только вот остановить он мог исключительно полного дегенерата. На пятый этаж они поднялись по отдельности. Вар — по лестнице, Яр — в лифте. В подобных ситуациях инструкции соблюдаются почему-то особенно тщательно. Просто-таки тянет тебя следовать всем этим дерьмовым предписаниям. Защитная реакция, что ли?

Дверь в квартиру была приоткрыта. И, как будто этого мало — на бетонную лестничную клетку, провонявшую пылью и застарелым табачным дымом, тянуло густым, тяжелым, маслянистым запахом крови. Внутри уже можно было и не заходить. Номер квартиры они перепутать не могли. И только ракшасы не убивали свою дичь, а буквально нарезали ее лентами. Особенно, если жертва не сопротивлялась. Му-дачь-е. Трахнутое на всю большую голову мудачье.

Не сговариваясь, оба акшара шагнули к окну между лестничными пролетами. На подоконнике стояла пепельница, а из стены торчала пластиковая коробочка вытяжки. Как не странно, целая. Вар щелкнул серебряным, пижонским портсигаром, задумчиво глянул на самокрутки, и сунул его обратно в карман. Вместо этого выудив сигарету из пачки Яра. Красавчик не спеша затянулся и потряс пустую упаковку, как будто она после этого могла магическим образом пополниться.

Отсутствие сигарет в такой ситуации — это тяжело. Торчать им тут еще долго, а курить будет хотеться зверски. Проверено на собственном опыте.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну что? — спросил Вар, с силой запихивая окурочек в переполненную пепельницу — словно точку ставил. — Сами или вызываем зачистку?

— Вызываем, — нехотя отозвался Яр, набирая сообщение. — Утро скоро. Вдвоем мы с тобой тут провозимся...

— Засыплемся, — равнодушно констатировал татуированный.

— Засыплемся, — так же равнодушно отозвался Яр.

Действительно, объяснение «мимо гуляли» или «зашли к подружке» выглядело малоубедительным.

Уши Вара дрогнули и как-то странно напряглись. Лейтенанту на миг показалось, что они даже сдвинулись к макушке.

— Что? — прошептал Яр неожиданно севшим голосом.

Татуированный вскинул ладонь: «Заткнись!». Но Яр уже и сам слышал... что-то. Как будто где-то щенок поскуливал. Тихонечко, тоненько.

С места они рванули синхронно, перелетев ступеньки и даже не заметив этого.

— Спроси у Иза, где повитуху найти... — прорычал Вар, вваливаясь в открытую дверь.

— На хрен повитуху! Док говорила, что она по детям.

Яр поскользнулся в луже крови, растекшийся под дверью, неловко перебрал ногами, словно на лед выскочил, и едва не грохнулся на задницу. Татуированный его, конечно, опередил, исчезнув в темной комнате, словно в пещере.

Глава пятая

Глава пятая

Проблема с тем, что делать дальше, встала перед Вейр сразу после того, как она приняла душ и заправила постель. Очень хотелось есть. И стоило бы найти Тира, чтобы поговорить с ним еще раз. Но для всего этого требовалось выйти из комнаты. А одежды, кроме той, что она, не снимая, носила почти двое суток, в наличии не имелось. Правда, был еще вполне пристойный халат, обнаруженный в душевой кабине. Но идея в таком виде разгуливать по коридором казалась не слишком разумной.

Поэтому Вейр, задумчиво грызя ноготь, добрых полчаса и стояла посередине комнаты, смахивающей на довольно дешевый гостиничный номер. Но, решение приняли за нее. В дверь коротко постучались и, не дожидаясь даже намека на ответ, на пороге появилась девица, чем-то неуловимо напоминавшая секретаршу Ли. Внешней схожести в них было немного. Скорее уж девушек роднила одинаковая манера улыбаться — как-то по детски-непосредственно. Подобная, ничем не обусловленная радость, неизбежно наводила на мысль, что хозяйка либо наивна без меры, либо страдает недостатком мозгов.

— Привет! Я — Най, — прощепетало дивное виденье. — Тир просил тебя разбудить, накормить, а потом проводить к нему. Я еще решила прихватить кое-что из одежды. Не Бог весть какие наряды, конечно. Но, по крайней мере, все чистое и абсолютно новое.

Она протянула Ли запакованный пакет с хирургическим комплектом. После этого врачу осталось только открыть дверь, приглашая посетительницу войти.

— Проходи. И спасибо, что позаботилась. Меня зовут доктор Вейр.

Най, моментально угнездившаяся в кресле и даже ножки под себя подогнувшая, глянула на нее быстро, тут же сделав вид, что ничего и не было. Но насмешка читалась слишком явно, чтобы ее не заметить.

— Ладно, я — Ли, — нехотя призналась врач. В конце концов, у всех свои правила. Не хотите соблюдать вежливость — переживем. — Сейчас, я только переоденусь...

В пакете нашлось именно то, что она и ожидала: безразмерное хлопковое белье вроде спортивного, зеленая пижама и белый халат. Действительно, не бог весть что, но гораздо лучше, чем мягкая юбка и пропитанный потом джемпер.

— Ты, наверное, есть хочешь? — спросила из комнаты девица.

— Не отказалась бы, — призналась врач, стягивая волосы, после душа больше смахивающие на мочалку, в хвост.

— Сейчас покормим, — жизнерадостно отозвалась Най. — Конечно, ужин еще не готов, но от обеда точно что-нибудь осталось...

Тут Вейр ощутила еще одну насущную необходимость — определить, который час. Неплохо было бы узнать и дату. Во времени она потерялась окончательно.

— А не подскажешь, сколько сейчас?

- Четыре почти.

Врач застыла перед зеркалом, держа резинку зубами. Что-то тут не сходилось.

— А четыре чего?

— Ночи, естественно, — недоуменно отозвалась девушка и тут же хихикнула. — Ой, прости! Я просто уже привыкла к местным порядкам, вот и живу по их часам. Тут дрыхнут днем, а работают ночью. Завтрак в пять-шесть вечера. Обед — в два ночи. Ужин — ближе к утру, но не раньше пяти. А ты проспала почти сутки.

— Понятно, — пробормотала Вейр, заканчивая сооружать «прическу». — А на солнце они горят и самое эффективное оружие против них — осиновый кол.

— Да нет, — вполне серьезно отозвалась Най. — Просто день — это время людей.

— А ночь — время безумцев и убийц, как сказал великий, — буркнула Вейр, выходя в комнату.

— Типа того, — кивнула девушка, выбираясь из кресла. — Сейчас мы с тобой в столовую. Ты дорогу запоминай, на всякий случай. Вдруг передумаешь, и останешься?

Врач неопределенно пожала плечами. На ясную, выспавшуюся голову, идея остаться казалась гораздо более бредовой, чем раньше. Но дверь за собой она заперла и даже ключ в карман положила. Хотя из комнаты кроме ее грязной одежды взять было нечего.

— Короче, смотри, — щебетала ее гид. — Этот этаж вообще офицерский. Солдаты и сержанты живут этажом ниже. А обслуживающий персонал — еще ниже, на минус шестом. Но женщин селят тут, с офицерами. Сама понимаешь, акшара парни горячие, неуравновешенные, а нас тут мало. Так что от неприятностей стоит застраховаться.

— О, Господи! Мне вот только не хватало беспокоиться за свою честь, — вздохнула Вейр, привычно засовывая руки в карманы халата.

— Ой, ну ты чего? — хихикнула Най. — Да никто тебя пальцем не тронет. С ума сошла? Скорее, достанут, доказывая, какие они крутые. Дело не в том, что тебя изнасиловать могут. А в том, что парни между собой пересобачатся из-за тебя. А у них и так травматизм того... повышенный. И ты их не бойся, я серьезно. Конечно, и среди них всякие есть. Бывают такие отморозки, что просто жуть. Сволочи тоже встречаются. Но женщину хоть пальцем тронуть — это ни-ни! По-моему, такие идеи им в принципе в голову не приходят.

— Просто ангелы с крыльями, — фыркнула Вейр.

— Да какие ангелы? Они пушистые зайчики, — протянула девушка, мечтательно закатив глазки.

— Перекаченный какие-то зайчики. С пушками.

— Зайчики бывают разными, — авторитетно парировала Най, бедром толкая дверь. — И перекаченный зайчик с пушкой не перестает быть зайчиком.

На это Вейр ничего не ответила. Конечно, у нее было собственное мнение о мальчиках, зайчиках и пушках. Но озвучивать его она не собиралась.

Столовая оказалась вполне уютной. Небольшое помещение на десяток шестиместных столиков ничем не напоминало казарму. Клетчатые яркие скатерти, на стенах пасторальные картинки. Правда бумажные, а не проекции. В углу несколько подогреваемых витрин и одна холодильная — с десертами и холодными закусками. Выбор блюд небольшой и ассортимент не ресторанный, но все даже выглядело вкусно. И — полная фантастика! — кофемашина. Почти такая же как у нее в кабинете, только побольше!

Еще одно неоспоримое преимущество этой столовой заключалось в том, что тут кроме нее и Най никого больше не было.

— Ты не стесняйся, бери, что приглянется. Я просто пока есть не хочу. Только кофейку с тобой дерябну — за компанию, — чирикала девушка. — Понимаю вот, что фигуру надо беречь и наедаться на день — вредно. Но не могу я спать на пустой желудок! Не могу — и все. К тому же с местными зайчиками калории уходят просто влет.

Выбирая салат Вейр подумала, что ее предположение было верно. У девушки с интеллектом наблюдались весьма серьезные проблемы. А вот с сексуальной озабоченностью — никаких. То есть, она присутствовала, чего девица, кажется, совершенно не стеснялась. И еще ухо царапнуло выражение «наедаться на день». Най произнесла это привычно и легко. Видимо, действительно, распорядок дня в этом дурдоме был перевернут с ног на голову.

— Извини, если покажусь грубой, но, как говорят, любопытство кошку сгубило, — Вейр полностью сосредоточилась на препарировании шницеля. — Ты же человек?

— Угу, — кивнула головой Най, рассеянно прихлебывая кофе и не менее рассеянно болтая тапочкой, повисшей на кончиках пальцев, — стопроцентный. Хочешь знать, что я тут делаю?

Врач глянула на нее исподлобья, на секунду оторвавшись от своей тарелки. Ей примерещилось, что первый вывод об умственных способностях девушки был не слишком верным. Ну, или, по крайней мере, неполным. Но сестричка казалась тихой и безмятежной, как летний полдень. Просто идеальная модель для куклы. Волосы — рыжие, локонами. Нос — курносый, пуговкой. Глаза — голубые, без единой мысли.

— Ну... Что-то вроде, — неохотно отозвалась Вейр, возвращаясь к мясу.

— Ответ достаточно очевиден. Только для этого мне придется рассказать, как я тут очутилась. А это скучно и неинтересно.

— Ничего, я потерплю, — улыбнулась врач. — Всегда обожала заглядывать в чужие окна.

— Сама напросилась. Но, для начала — у тебя родители кто?

— В смысле?

— В смысле, чем занимаются?

— Отец — партнер в адвокатской конторе. Мать — жена. Так сказать, профессиональная, — пожала плечами доктор.

— Тогда, в принципе, ты меня поймешь. Хотя у меня все круче. Мой папахен — владелец «Мейо», — оповестила Най, кончиком пальца подцепив верхушку сливочной горы в своей чашке, осмотрела «добычу» со всех сторон, и сунула в рот. Вместе с пальцем.

Но врача подавиться заставили не ее манеры. Ни в одном из магазинов «Мейо» она никогда не бывала. Просто потому, что даже заработки ее отца были несопоставимы с ценовой политикой данной сети. О-очень дорогие игрушки для успешных мальчиков — вот на чем специализировались бутики «Мейо». Ну, там зажигалки с бриллиантами. Письменный прибор стоимостью с автомобиль класса люкс. Какие-нибудь запонки, умеющие, допустим, подзывать секретаршу свистом.

— Точно, — подтвердила Най, — мой папаша невероятно крут. В смысле, бывает и круче, конечно. Но и он в первую сотню входит. Теперь речь обо мне. Личная гувернантка, три языка, игра на фортепьяно, уроки этикета и прочая ла-бу-день. А мне это не надо. Ну, не надо — и все. Уже проверено. Я тут третий год живу без личной гувернантки, прикинь? И до сих пор не померла.

Девушка состроила зверскую рожу, выпучив глаза.

— Короче, вся эта бодяга началась, когда мне исполнилось шестнадцать. Вот в самый день моего рождения с утра Буч — это мой пес — преподнес офигенный подарок. Сдох. Не проснулся просто. Он старенький уже был, а чистопородные звери, знаешь, долго не живут. Только вот, сколько я себя помнила — столько и его. Представляешь, что со мной творилось? Но есть же правила! Рыдать нельзя — глаза распухнут, а вечером званы гости. Улыбайся, никто не желает видеть твою кислую физиономию. В конце концов, страдать по какой-то собаке просто неприлично! В общем, все закончилось тем, что маман отвесила мне пощечину, а я удрала из дома в первый раз.

Вейр усталилась в собственную тарелку, гоняя вилкой одинокую горошину.

«Возьми себя в руки! Это уже просто неприлично!»

Да, действительно. Терять сознание на похоронах — это неприлично. Смотреть и не видеть — это неприлично. Отвечать невпопад, улыбаться как идиотка, застывать статуей ни с того ни с сего, уходить в тот самый момент, когда тебе сиропным голосом высказывают соблезнование... Это все неприлично. В любой ситуации надо держать себя в руках!

— Ну, я же говорю, что ты меня поймешь, — резюмировала Най. — Вот. Что дальше было, думаю, ты сама догадаешься. Полный угар. Наркотики, естественно — куда же без них? Так бы я и сдохла, не явись однажды прекрасный принц. Чего ты на меня так смотришь? Думаешь, не бывает? Еще как бывает! Отыскал спаситель меня в мужском сортире в каком-то вонючем кабаке. Двое парней, обдолбанных до такой степени, что им даже я показалась симпатичной, как раз собирались меня оприходовать. Это мне потом рассказали — сама-то я не помню. Потому что витала выше, чем они.

Она усмехнулась, мол: «Сама понимаешь!». И нервно, излишне резко, перебросила распущенные волосы через плечо.

— Вот там-то меня Мис и нашел. Его на самом деле Мститель звали, но Мст или Мсти — это неудобно. Поэтому и Мис. Приволок сюда. Тайно, представляешь? Узнай об этом капитан — мозги бы моего спасителя на ближайшей двери болтались. Выходил — сам! Ломка, депрессия... А потом он меня в морг отвел, в местный. Как раз накануне у них какая-то большая заваруха была. Трупов пятнадцать, наверное. Может и больше.

Голос девушки был спокойный, как будто она книгу пересказывала. Только вот когда Най прикуривала, огонек зажигалки заметно подрагивал.

— Ну а потом он меня трахнул. Первый раз, за все время, пока я тут торчала. Надо сказать, с полной отдачей делу. И я сразу себя такой живой почувствовала... Хожу, дышу, ем, кончаю. И хочу это делать дальше! Понимаешь? — она выдохнула дым сквозь зубы. — Это первая причина, почему я тут. Вторая в том, что я им нужна. Именно я. Никто кроме меня с ними ночами сидеть не будет, пока они от боли зубами скрипят. И судно из-под них не вынесет. И не объяснит, что они тоже все еще живые. Нас ведь, медсестер, мало. Пять человек всего. В смысле я и еще четыре акшара. Местные своих дочек сюда отдавать не хотят. Буйство тестостерона, сама понимаешь. А у них нравы довольно патриархальные.

Она стряхнула пепел, промазав мимо пепельницы на добрую ладонь. Но даже и не заметила этого, хотя смотрела в стол.

— А главная причина в том, что тут нет вранья. Все примитивно, убого, самцово. Каменный век: убей врага и завали мамонта. Но они не врут. Им дела нет до «прилично-неприлично». Собственно, с манерами у них вообще туго, — она подняла голову и улыбнулась — спокойно, открыто. — Вот, собственно, и все причины. А нет, еще одна. Тут я могу быть сама собой. Я люблю парней, они любят меня — все довольны. И, заметь, все

довольны. Я уверена, что никто из них меня шлюхой не считает. А если кто-то и ляпнет в запале что-нибудь эдакое, то из желающих объяснить, как надо с девушками обращаться, очередь выстроится.

— А как же этот парень, — тихо спросила Вейр, — который тебя... нашел?

— Мис погиб. Вместе мы год были, а потом он погиб. Что ты на меня смотришь? Осуждаешь? Но я-то живая. Дева говорит, что мертвых надо отпустить, а не привязывать цепями. От этого ни им, ни нам легче не становится.

— Кто такая Дева?

— Непорочная Дева, мать Спасителя, — Най опять улыбнулась. — Они тут все жутко религиозные, почитают ее. Неожиданно, правда? Но клинит их на непорочном зачатие. Они же вроде тоже как от такого взялись. Ну, не они конкретно, а предки... Я раньше каждое воскресенье в церковь ходила, а поверила только тут.

Вейр тряхнула головой. Информации было многовато. И усваивалась она с большим трудом. То есть, не усваивалась вовсе. Не то, чтобы она себя ханжой считала, но... Но все это было как рассказ о нравах первобытных племен. Или серия из какого-нибудь научно-популярного фильма, вроде «Прогулок по планете». Интересно, конечно, познавательно. Но к привычной реальности не имеющее никакого отношения.

— А как же твои родители?

— А что родители? — пожала плечами Най. — Я им дала грандиозный повод для очередной тусовки и проявления приличий по случаю похорон. Ребята организовали мой труп. Ну и все. В конце концов, у них еще дочь с сыном остались, более удачные.

Вот так вот. Дочь с сыном, а не брат с сестрой. Пожалуй, у этой девушки были проблемы не с интеллектом, а с совестью. Но Вейр дико захотелось кое-что проверить. Просто руки зачесались.

Оказалось, что у Тира даже отдельный кабинет имелся. Если, конечно, можно назвать кабинетом клетушку, размером с носовой платок. В нее и поместился только письменный стол с допотопным, неголографическим монитором, разболтанное кресло и стеллаж, заваленный бумагами и папками, в которых никакой системы не наблюдалось. Ну и сам Тир. А больше места даже для котенка не оставалось.

Приходу Вейр капитан не удивился. И даже повел себя вполне по-джентельменски. Извинился, что не может предложить ей присесть, поинтересовался, выпалась ли она, поела ли...

Ну, вот собственно на этом запас его светскости и иссяк. Он переминался с ноги на ногу, косился на стеллаж, словно тот мог подсказать тему для дальнейшей беседы. И дважды провел пятерней по волосам. В общем, маялся мужик. В другой бы раз врач, конечно чувствуя себя полной стервой, не отказалась бы еще немножко поизмываться над ним. Но, пожалуй, сейчас для этого ни время, ни место не подходило.

— Господин Тир, — решительно начала Вейр — и тут же закончила. Потому что от такого обращения капитан дернулся, словно она ему пощечину отвесила. — Э-э-э... ладно. В общем, я понимаю, что уже замучила вас и вы сами не рады... Так, это мы тоже пропустим, — врач вдруг осознала, что и сама мается, не хуже Каркуна. — В общем, для того, чтобы что-то решить, мне нужно позвонить. Всего один звонок. Клянусь, что ни в полицию, ни в службу спасения я названивать не собираюсь.

— Да никаких проблем, — пожал могучими плечищами капитан. — Вы со своего

телефона будите звонить? А-то наши номера не определяются.

— Со своего, — протянула Ли, несколько удивленная его переходом на «вы».

Тир выудил из кармана телефон, некогда принадлежащий Вейр. Она даже не удивилась тому, что Хрипун все это время его с собой таскал. Как будто, так и надо было. И, еще раз извинившись, сообщив, что ему «надо», но так и не сказав, что именно ему «надо», капитан собственный кабинет покинул, проявляя чудеса вежливости.

Во входящих висело только одно сообщение — от ее медсестры. Она написала, что все распоряжения Вейр выполнены и выразила надежду, что начальница хорошенечко отдохнет. Пожелание вызвало нервную усмешку. Отдых выходил действительно незабываемым. Пожалуй, у врача не было ничего, с чем она могла сравнить свои неожиданные каникулы. А вот вопрос с распоряжениями надо было уточнить. Неплохо бы знать, чего там она нараспоряжалась, пребывая, видимо, в отключке.

Но, по крайней мере, теперь становилось понятно, почему ее телефон не разорвало от звонков. Ли-то думала, что пришедшие с утра работники сначала в обморок попадают, узрев разгромленный офис. А потом поднимут на ноги всю Национальную Гвардию. Но акшара оказались товарищами предусмотрительными. Почему-то это не удивляло.

Она помедлила, поглаживая пальцем кнопки. Звонить ей не хотелось. Очень не хотелось. И соблазн оставить это дело «на потом» был силен. Именно поэтому она решительно набрала номер.

И только услышав вполне бодрое «Я вас слушаю!» Вейр сообразила, что на часах, наверное, и шести утра не натикало.

— Мам, извини, что я звоню так... — рано или поздно? — ... в такое время. Просто я сейчас на... конференции. Забыла о разнице во времени, честно говоря.

— Эгоизм в тебе всегда преобладал над другими чувствами, — сухо ответила мать. — Поэтому я совсем не удивлена. Понимаю, что тебе глубоко неинтересна моя хроническая бессонница. Но ты даже не подумала о том, что могла разбудить отца.

О Господи! Вот о чем должен думать человек, говоря «преобладал над чувствами» и «глубоко неинтересна»? При звонке от собственного ребенка в пять утра?

— Извини, я постараюсь за собой следить, — процедила доктор, привычно давя надвигающееся как цунами раздражение.

— Была бы тебе безмерно благодарна. Впрочем, раз уж ты выбрала такое время для звонка, то с этим ничего не поделаешь. Придётся нам серьезно поговорить сейчас. И, заметь, я даже не касаюсь твоего абсолютно недопустимого поведения во вторник. Хотя я ждала от тебя извинений. И их не последовало. Но оставим это. Ты должна приехать ко мне в пятницу, не позднее шести вечера. Я собираю партию в бридж. Среди прочих гостей будет госпожа Нурге. А она через две недели дает прием, на который ты обязана получить приглашение.

Вейр оперлась бедром о стол, устало потерев лоб. Разговоры с матерью всегда напоминали перетаскивание булыжников — тяжело, муторно, а, главное, бесцельно.

— Мама...

— Я не желаю слышать от тебя никаких возражений! В конце концов, полтора года — это более чем достаточно для траура. Твое поведение начинает выглядеть претенциозно!

Претенциозно? Ее поведение — претенциозно!

Впрочем, такие разговоры начались уже через полгода после похорон. Вот это в голове Вейр никак не укладывалось. Ладно, мать не одобряла ни ее слишком раннего замужества,

ни личности мужа. По ее мнению, Ли могла составить гораздо более блестящую партию. И врач подозревала, что сложившаяся ситуация матушку вполне устраивала. От не слишком удобного зятя избавились, причем дочь не осквернила себя разводом, а осталась почтенной вдовой. Так что шансы снова выйти замуж, на этот раз более удачно, были хорошими. Но ведь речь шла не только о Вэле, но и об ее собственной внучке. Неужели и на Кит ей было наплевать?

— Задумайся хотя бы о том, что ты ведешь себя неприлично, — продолжала шелестеть мать — как будто в телефонной трубке кто-то сухие листья переворачивал. — Наши друзья глубоко сочувствуют твоему горю, но ты даже шанса не даешь поддержать себя.

Это «неприлично» резануло по мозгам как скальпелем. Слишком его сегодня много было. День не успел начаться, а лимиты по данному слову себя уже исчерпали.

— Мама, черт тебя подери! — выверилась Вейр. — Что ты из себя корчишь? Ты же не аристократка в пятом поколении, в конце-то концов! Или я чего-то не знаю? На кой все эти выверты из жизни Высшего Общества?!

— Ну, знаешь, — мать даже задохнулась от возмущения, — то, что мы не принадлежим к аристократическим кругам, еще не дает повода плюнуть на нормы и правила. Твой отец достойный человек...

— Он всего лишь партнер в чужом бизнесе... — усталость, вместе с пониманием, что весь этот разговор, как и сотни тысяч других до него, бессмысленен, навалились на плечи, заставляя согнуться.

— Да, это не вершина карьеры, но путь твоего отца еще не закончен, — сухо отрезала мать. — Не забывай, что он удостоился чести пожать руку президенту!

Да-да-да! Как ты могла об этом забыть? Тридцать пять лет назад ему пожал руку президент! Почему он не додумался не мыть ее? Или не отрезал, положив под стеклянный колпак? Такая реликвия!

— Мам, я просто хотела спросить. Если бы я вдруг пропала, чтобы ты сделала?

В трубке воцарилось благословенное молчание. Мать всегда с трудом переходила с наезженной колеи на новую.

— У тебя опять суицидальные мысли? Ты посещаешь психолога? — поинтересовалась она так, будто Вейр призналась в тайном пристрастии к малолетним девочкам.

— Я просто спросила. Ты можешь мне ответить?

— Мне не нравится сама постановка вопроса...

— Мам, ответ!

— И с каких пор ты позволяешь в разговоре со мной повышать тон?

— Ответ! — рывкнула врач.

— Ну, хорошо. Но вопрос действительно сформулирован странно. Почему в данном случае я должна что-то делать? Поиск пропавших — дело полиции. Я в этом ничего не понимаю...

Вейр опустила руку с телефоном, в котором продолжал шелестеть голос матери, и нажала кнопку, прерывая соединение. Сама не слишком понимая, почему ей кажется, что в груди проворачивается лом. Примерно такой ответ она и ожидала услышать.

Его гребанные конечности не желали соглашаться с тем, что Дем в полном порядке. Колени дрожали и подкашивались, как у старика. Словно он на больничной койке не четверо суток провел, а как минимум месяц. И ведь Док сам сказал, что все в норме. Дс

следующего дежурства он успеет отлежаться. Вот только собственное тело это отрицало, непрозрачно намекая, что желает и дальше прохладиться на мягкой перинке.

А вот с этим был не согласен сам Дем. И потакать трясущимся, как желе, мышцам не собирался в принципе. Хотя время от времени ему и приходилось хвататься за стенку, чтобы не растянуться на грязном линолеуме. Точнее, он бы и не хватался, но его мотало, как после ударной порции «Отвертки»[1]. И то, что дорога от госпиталя до офицерского общежития стала как будто в пять раз длиннее, бесило.

Одно было хорошо — хоть дело и шло к утру, но народа на Базе было мало, патрули еще не вернулись. Поэтому Дем и успевал отлипнуть от стены до того, как кто-то появлялся в коридоре. Правда, если дело и дальше продвигалось бы такими же темпами, то до своей комнаты он рисковал добраться только к вечеру.

Естественно, если дерьмо может случиться, то оно случается обязательно. В отношении него этот закон действовал неукоснительно. Он почти уже выскребся с административного этажа и как раз отдыхал в уголке перед спуском по лестнице, как дверь напротив него открылась. И на пороге нарисовалась ни кто-нибудь, а девка, дежурившая у него в палате. И нет бы ей ослепнуть на пару минут! Ничего подобного. Она уставилась прямо на него и лупала своими глазищами.

— Вы с ума сошли? — спросила дамочка с каким-то пришепётыванием, словно он ее восхитил. — Вам нельзя вставать! Давайте, я отведу вас обратно!

— Отвали! — рыкнул Дем, намереваясь смыться отсюда, как можно быстрее.

Хотя в его случае «смыться» стоило бы заменить на «отползти».

Стерву его рывканье явно не впечатлило. Она засуетилась, собираясь, кажется, его руку себе на плечи закинуть. Даже за талию приобняла, возомнив себя, видимо, героиней. Только забыла поинтересоваться его мнением на этот счет. Дем попытался ее отпихнуть, но рука неожиданно словно свинцом налилась. Он эту драную конечность даже приподнять не мог. Да еще и кисть судорогой свело.

В общем, обнять она его обняла.

И как-то сразу двигаться перехотелось вовсе. Он вдруг ощутил себя гребанным воздушным шариком. К которому с одной стороны прижимается чертовски мягкая женская грудь, с другого бока — узкая, теплая ладошка. А пахла она чем-то сдобным. И дышала она ему куда-то в подмышку, от чего все волосы дыбом встали, как наэлектризованные. Не сказать, что дыбом встали не только волосы, но в штанах заметно потяжелело. Лейтенант и сам был не в курсе, что за хрень с ним творилась.

— Отвали, говорю! Меня док отпустил! — он в очередной раз попытался вырваться.

Впрочем, с тем же успехом. Те жалкие остатки сил, что у него были, решили подождать Дема в сторонке.

— Отпустил? — ошарашенно брякнула стерва.

При этом она выплянула откуда-то из-под его руки, пялясь своими глазищами. «Серебряные... — всплыла в мозгах совершенно идиотская мысль. — У нее глаза серебряные...». Вид у него при этом был, наверное, как у полного кретина.

Впрочем, высот дубизма он достиг только в следующую минуту. Когда эта дура перестала-таки к нему прижиматься. Но, зато, не нашла ничего умнее, как задрать на нем майку, едва не до шеи. И тихонечко ахнула. Ладно, это бы Дем еще пережил. Так она еще и наклонилась, едва носом не касаясь свеженьких шрамов, оставшихся после дырок. И ладонями легонько провела, словно глазам не верила. Вот тут стало совсем хорошо. В

смысле, хреновее некуда.

— Ты дура, что ли? — прорычал Дем, натягивая футболку обратно. Он бы был совсем не прочь, если бы она оказалась до колен. — Тебе объяснить значение слова «отвали»?

Она заторможенно, словно ей чем тяжелым по кумполу вдарили, помотала головой и опять уставилась на него. В лицо посмотрела, в смысле.

— Я ничего не путаю? Прошло четверо суток? — едва ли не прошептала стерва.

— И чего? — искренне не понял вопроса Дем.

— Мама моя... Какая же у вас регенерация?

При этом ее чертовы глаза светились таким восторгом, будто он ей горсть бриллиантов отсыпал. Дем даже растерялся, честно говоря. Нет, то, что у дамочки с мозгами наблюдались явные проблемы — это было понятно. Но как реагировать-то на такие восторги?

К его невероятному облегчению ситуация разрешилась сама собой, без его участия. За поворотом коридора забухали ботинки, как будто там стадо слонов неслось — даже стены задрожали. И из-за угла вывернули Вар с Яром. Лейтенант не мог припомнить, когда еще он так рад был их видеть.

Хотя выглядели парни странно оба едва ли румянее стен — узоры на роже татуированного выделялись, как будто их только что накололи. Глаза едва ли не квадратные. И собственную куртку Вар прижимал почему-то к груди. Причем казалось, что он одновременно хочет и стиснуть ее сильнее, и отбросить подальше. По крайней мере, мышцы на его предплечьях напряглись, словно он фиг знает какой вес выжимал.

— Док... тут... это... — он протянул куртку стерве, дыша хрипло, с каким-то даже присвистом.

Внутри свертка что-то шевельнулось и запищало. Вар вздрогнул и чуть не выронил свою ношу. Яр с Демом одновременно шарахнулись, только в разные стороны. А вот девка как будто сообразила что-то. Наоборот, шагнула к татуированному, бережно, словно хрустальную, забрав куртку. И держала она ее странно, подхватив рукой снизу. Второй же начала разворачивать тючок.

Тут-то и случилось хреново Чудо. Дем бы решил, что это у него от доковых лекарств приходы по второму кругу начались. Но и Яр придушенно мявкнул, а Вар и вовсе креститься начал. Да еще и крест из-за пазухи вытащил, прижав его к губам. В общем, не одному ему приключилось нечто эдакое.

Дамочка низко наклонилась над ребенком, держа его на руках. И свет коридорных ламп запутался в ее растрепанных после возни с Демом волосах, вдруг вспыхнув ярким ореолом вокруг головы. Но это все фигня была.

За других он поручиться не мог, но самого лейтенанта приплющило ее выражение лица. Брови у девахи нахмурились озабоченно, скулы напряглись. Но при этом она не отражением света сияла, а такой заботой и, черт всех возьми, нежностью, что хотелось себя за зад укусить. От зависти.

— Дева! — прошептал Вар.

Ну, что тут скажешь? Дем с ним был полностью согласен.

Только вот хрен знает, что его добило — ведение или док просто переоценил возможности пациента, но следом за мыслью, что Вар абсолютно прав, лейтенант снова куда-то нырнул.

[1] «Отвертка» — коктейль, водка с соком, чаще всего апельсиновым

Глава шестая

Глава шестая

Все-таки, время было садистом. Смакующим извращенцем, сосущим боль, как коктейль через трубочку — никуда не торопясь, наслаждаясь. Именно на этот моменте оно любило превращаться в подтаявшую на солнце жвачку, почти останавливаясь. А то могло и свернуться кольцом, прокручивая одни и те же кадры, все с той же неспешной медлительностью.

Лейтенант ненавидел время. А оно его любило. Просто-таки кайф ловило, наблюдая, как Дема корежит. Но...

Но Бес падал. Он падал, падал и падал, заваливаясь на спину. Его руки взлетали в воздух, будто кто-то сверху жестко дернул за нитки. Автомат плавно, как гребанная танцовщица, выворачивался из ладони. Волосы всплескивали волной — куда там рекламным красоткам. И грудь взрывалась фонтанчиками красного: первым, вторым, третьим. Маньячащее время давало возможность рассмотреть их во всех деталях — до круглых капель, до тягучих струек. И падающее тело вздрагивало, как только вырывался новый фонтанчик. В реальности такого было не разглядеть. Но садистское замедление предоставляло возможность рассмотреть все детали, посмаковать подробности.

Без которых Дем вполне мог обойтись.

Но Бес падал. Так же тягуче медленно, как и все в этом гребанном фильме, его голова поворачивалась. Дем видел смуглое лицо за завесой взмывших волос. Он и сам не знал, хочет ли видеть желтые, горящие бешеным азартом и диким, ненормальным весельем глаза. На то, как он бесконечно падает — смотреть не хотел, на фонтанчики — не хотел. А вот лицо Беса притягивало. Было в этом что-то от расколупывания корочки на подживающей ране.

Актеры, стараясь выжать из зрителей побольше слез вместе с бабками, умирают с отрешено-умной или мученической миной на морде. Но реальность — она круче любого режиссера. И тоже страдает маниакальным психозом. Видать, они со временем родственники.

Бес был, мать его, счастлив, рад. Он, урод драный, радовался! Для него жизнь была сплошным парком аттракционов — даже то, что он падал, его развлекало. Пока ты тут, попробовать надо все. Ага, даже сдохнуть — тоже незабываемый опыт.

Его губы шевелились. Наверное, хотел поделиться, какой это кайф — словить в грудь три «маслины». Только слов было не разобрать. Прочитать по губам — этого Дем не умел, да и занавес волос мешал. А это было важно, до боли в яйцах важно, узнать, что он говорит. Но хоть жилы порви — непонятно.

И лейтенант орал — беззвучно. Горло, слипшееся в монолит, не пропускало ни звука. Но он все равно вопил так, что легкие рвало на клочки. Музыкальное, мать его, сопровождение для бесконечного падения.

А Бес падал...

— Да проснись же ты!

Увесистая пощечина заставила голову дернуться, и Дем приложился затылком о стену так, что в глазах фейерверк взорвался. Не понимая, ни где он находится, ни что вокруг творится, парень кулем свалился с койки. Вскочил на ноги и ломанулся вперед, грудью наткнувшись на стену. Воздух из легких вылетел как пробка из бутылки. Но зато чернила, заливающие череп, схлынули.

Он был в собственной комнате. Стоял, опираясь обеими руками на стену. Дыша, как загнанный марафонец. Реальность — есть. Беса — нет. Это сон. Очередной, мать его, сон. Отпуск кончился. Добро пожаловать в персональный ад.

«Все нормально, ты вернулся домой, парень. Мы рады, что ты с нами!».

Дем провел ладонью по лицу, стряхивая пот и слезы, чувствуя, как дрожат от напряжения плечи и спина. Дьявол за его спиной скалился, изображая когтистыми пальчиками глумливую «козу». И Искренне радуясь возвращению своей любимой игрушки: «Ути, моя маленькая тряпочка, мой зареванный пупсичек, мой маленький потерянный Мальчик-без-половинки! Я счастлив снова быть с тобой!».

Лейтенант выматерился сквозь сведенные судорогой зубы. И только тут понял, что в комнате он не один. Где-то там, рядом с кроватью, отчетливо слышалось чужое дыхание. Дем обернулся через плечо, не рискуя отпустить стену. Ноги дрожали ничуть не меньше рук.

Дьявола за спиной не оказалось. На полу, в луже света, просачивающегося из коридора под дверь, сидела давешняя стерва. И по своему обыкновению таращилась на него, даже рот приоткрыла. Парень усмехнулся, прекрасно понимая ее реакцию. Наверное, его бы сейчас любой мужик испугался.

— Ты кричал, — озвучила очевидное девка. — Это кошмар, да? Бог мой, как же ты кричал...

Сейчас она не была похожа на Деву. Скорее, на перепуганную девчонку. Действительно девчонку, молоденькую совсем. Зарегистрировать, что ли, средства от морщин? А что? Записать на видео, как он, завывая, прыгает на кровати — и продавать по пятерке. Может, пойдут и по десятке. А личико этой дамочки можно использовать в качестве рекламы.

Хотя — нет, уже нельзя, момент упущен. Собралась, копыта под себя подгрребла и даже встала. Физиономия сосредоточенная, как будто она мировые проблемы решала. Только руками себя обняла, словно ее озноб колотил.

— Ты сознание в коридоре потерял, помнишь? Я решила зайти, проверить как дела, а тут...

Лейтенант молчал.

— Часто у тебя такие сны? — спросила она тихо.

Дем откашлялся, чувствуя, что горло у него дерет, словно его изнутри наждачной бумагой выстлали.

— Уйди, — прохрипел он.

Сказать нечто более осмысленное лейтенант сейчас не мог в принципе.

— Я достану хороший препарат. Он безвредный и...

— Просто — уйди.

Она быстро покивала, как будто соглашаясь с ним, и мышкой выскользнула за дверь, аккуратно прикрыв ее за собой. И за это Дем ей был несказанно благодарен.

Сон решил, что он гораздо нужнее другим — и ушел, даже не сказав: «Прости!». Оставив Вейр крутиться на кровати, которая казалась ей тверже кирпичной кладки. Раздражало все: простыня, которая обматывала ноги как бинты мумию; слишком тощая подушка, к тому же не умеющая принимать форму головы; недостаток воздуха и отсутствие кондиционера.

Не давала спать мысль о младенце. В заверениях капитана, что с ним все будет в порядке, она, в общем-то, не сомневалась. Тир же говорил, что с рождаемостью у акшара

большие проблемы. Значит, обязательно найдутся желающие усыновить малыша. У него действительно все будет хорошо.

Правда, выбор няньки для младенца ее удивил. Она бы этого парня с жуткими шрамами на лице, к детям близко не подпускала. Вейр напугала даже не физиономия парня — врачу не положено бояться увечий. Скорее ужас наводил его взгляд. Такой бывает у бойцовских псов, со щенячьей поры ненавидящих весь мир.

Но капитану было виднее, кого назначать во временные опекуны. Уж, наверное, сами акшара лучше ее разбирались в том, что для них хорошо, а что плохо. Не стоило из-за этого нервничать.

Как, впрочем, и врать самой себе. Больше всего мешала уснуть не тревога за ребенка, не тощая подушка и не духота.

Сильнее всего раздражал вопрос: что могло так напугать парня, который явно завтракал трупами, а на ужин употреблял девственниц? Эта мысль не беспокоила, а именно раздражала, словно комар, тоненько звенящий над ухом. И ничего общего с милосердием она не имела. Таких вообще трудно жалеть. Потому что от окружающих они жалости не то что не принимают. При первых же проявлениях сочувствия подобные ему сатанели и превращались в монстров вида «уйди с моей дороги».

И это было еще одной проблемой, которая тоже раздражала. Видимо, утром он просто не осознал, что произошло. Но к вечеру до него наверняка дойдет, что он был «непростительно малодушен в присутствии женщины», которая и так у него теплых чувств не вызывала. И вот тут...

А вот тут Вейр ожидал маленький персональный Армагеддон. Не то, чтобы она думала что он ей мстить начнет, словам Най она вполне верила и была уверена, что на Базе ее никто пальцем не тронет.

Но вот то, что Дем постарается максимально испортить и усложнить ей жизнь — не сомневалась. Типично мужской подход: «Не могу справиться с проблемой — сделаю так, чтобы она стала чужой». В том, что местные коридоры были напичканы самыми настоящими, типичными, каноничными мужиками у нее тоже сомнений не было.

Хотя — чего уж самой себе-то врать? — жалость тоже шевелилась где-то под грудиной склизкой зеленой лягушкой. Даже не жалость... Скорее, просто желание помочь, как пациенту, которому больно и он весь измаялся от этой своей боли. Стоило только вспомнить, как он стоял, упершись обеими ладонями в стену. И бисеринки пота посверкивали в полумраке, как будто его с одного бока блесками осыпали. А шкура на его спине подергивалась, дрожала как у кота. Огромный, напуганный и... голый.

На этом месте Вейр стало совсем жарко и душно. Даже откинутое в сторону одеяло не помогло. И мерзость от самой себя опять скрутила живот в узел. А она еще рыженькую считала... Кем бы не считала, на себя сначала посмотреть стоило! Узнай парень, о чем она размышлялась — сдох бы от смеха. И, пожалуй, даже пакостить ей не стал. А что? Тоже метод решения проблемы.

Видимо, настал-таки возраст, когда начинаешь исходить слюной на молоденьких накаченных стриптизеров. Когда уже не интересуется мужчина — его ум и внутренний мир — а требуется лишь «горячий самец». Правда, гормоны начинают заливать мозги перед климаксом. Но, видимо, он у Вейр будет ранним.

Шлюха престарелая, кошка облезлая!

Вейр вскочила с кровати и метнулась в туалет, не успев даже свет включить. Боялась,

что ее вывернет прямо на серый, синтетический ковролин. Согнувшись над унитазом, она корчилась от сухих спазмов, кислота плескалась у горла, но облегчения это не приносило. Не только озабоченная, но еще и истеричка. Все, приехали. Конечная остановка.

Живот перестало крутить только после того, как она добрых полчаса поливала из душа свою больную голову попеременно кипятком и жидким льдом. Зато мозги слегка прочистились. Собственно, пора бы было уже начинать день. Точнее, ночь — древние электронные часы, любезно предоставленные все той же Най, бесстрастно показывали пять вечера. Самое время завтракать.

Врач усмехнулась, собирая мокрые волосы в пучок. Кажется, ей тоже уже пора отращивать клыки и занять аллергию на ультрафиолет. А, заодно, обзавестись феном.

В столовой опять было пусто. Ну, если не считать рыженькую сестричку за толпу. Впрочем, болтать она могла сразу за десяток человек. Зато стеклянные витрины ломались от тарелок. Как будто повара готовили на сотню человек. Хотя Вейр уже была в курсе, что кормятся тут ровно вдвое меньше. Два хирурга, пять медсестер, шесть капитанов и тридцать шесть лейтенантов. Ну, и она. Всего сорок семь акшара и три человека.

Структура Базы была предельно проста и даже пугающа в своей лаконичности — куда там человеческой армии. Шесть рот. Во главе каждой роты — капитан. В одной роте шесть взводов и, соответственно, шесть лейтенантов. Взвод делится на три отделения, по девять бойцов в каждом. Командует отделением сержант. Но ни они, ни солдаты на этот этаж не поднимались. А во главе этой пирамиды сидел майор. С которым Вейр предстояло сегодня встретиться и обсудить ее дальнейшую, несомненно многогрешную, судьбу.

В принципе, если задуматься, такая лаконичность действительно пугала. Тир сказал, что акшары составляют примерно три процента от всего населения. Город в себя впихивал что-то около сорока миллионов жителей. То есть, акшаров в них было чуть меньше полутора миллионов. И всего 1112 бойцов, защитников, полицейских — как хотите. По одному на более чем тысячу населения. Вейр еще в колледже подрабатывала в больнице скорой помощи. И знала, что такой расклад — очень и очень плохой. Для людей. В смысле, для мирных акшара.

Да, полицейских в кварталах, где в основном селились генномодифицированные, было еще меньше. Но ведь акшара жили сразу в двух реальностях — человеческой реальности и своей собственной. То есть, им приходилось сталкиваться не только с отморозками и наркоманами, но и с ракшасами. Оставалось надеяться, что последних мало — еще меньше, чем солдат. Но статистика пугала.

Хотя, наверное, ей нужно было бы другого испугаться. Вейр грозило стать единственным на миллион населения педиатром. И, между прочим, педиатром ей стать еще предстояло, судорожно вспоминая все, что в нее успели запихать в университете. Скорее всего, кариес молочных зубов здесь не самая насущная проблема.

При таком раскладе стоило бы не о собственном моральном облике думать, а о состоянии мозгов. С другой стороны, смысла размышлять о душевном здравии не приходилось. Однозначно, крыша у нее съехала. И ни один здравомыслящий человек на такую авантюру не решился бы. Но это, почему-то, не огорчало, а... будоражило.

Мысль о том, чтобы пропасть для всего мира и начать жизнь с чистого листа — действительно чистого — воодушевляла. Вейр пребывала в глубокой убежденности, что временное помешательство ей выйдет боком. Но было в этом что-то от первой выпитой рюмки. И уверенность, что ничем хорошим это не закончится, стопроцентная. Но и

отказаться невозможно, рука сама тянется.

Кстати, лично для Вейр первая стопка — насколько она помнила, это была текила — закончилась не только дикой рвотой и жесткой головной болью. До этих сладостных моментов она успела спихнуть в бассейн парня. Не специально — случайно задела. Через семь месяцев они поженились. Хотя, если вспомнить, чем все закончилось, случай счастливым назвать трудно...

Но, все же, она твердо решила — попробует. А там что будет, то и будет.

— Я смотрю, ты тоже из ранних пташек? — вместо приветствия заявила Най, салютуя Вейр чашкой с кофе и плотоядно вгрызаясь в булку. — Я вот тоже не могу по-другому. В пять утра уже вырубаюсь стоя. Зато и просыпаюсь в три. Дальше спать — ни в какую.

Вейр неопределенно кивнула, выбирая себе омлет. Хотя все порции выглядели более чем заманчиво. Просто она оттягивала момент, когда придется начать поддерживать светскую беседу. Ей бы обдумать все хорошенько. А еще лучше, на бумаге хотя бы примерный план накидать. Пустая болтовня только отвлекала. Но и демонстративно садиться за один из пустых столиков было невежливо.

— Ты ешь быстрее, — посоветовала Най, — а то сейчас парни набегут. Нормально позавтракать не успеешь. Хотя, может, у тебя нервы железные? Я вот жевать когда на меня несколько десятков мужиков таращатся, не могу. Хочется, знаешь ли, оставаться такой эфемерной феей, которая питается цветочным нектаром и какает розами, — сестричка хихикнула. — Говорят, ты вчера младенца спасла.

— Неправильно говорят, — буркнула Вейр, сгружая набитый под завязку поднос на стол. Покушать она всегда любила. Только раньше старалась придерживаться «норм приличия». А коль скоро у нее новая жизнь, то и нормы должны быть новыми. — Я его не спасала. Слава Богу, с ним ничего серьезного не случилось. Небольшое переохлаждение и вывих плеча. Ваш татуированный сказал, что он из кровати выпал. Или его родители спихнули.

«Бросили под кровать» — вот как сказал этот с жуткой рожей. Бросили, чтобы выжил. Как того мальчишку брат в окно выкинул. Но об этом лучше не думать. Иначе озноб начинал по шкуре драть, как теркой. К таким реалиям ее новой жизни нужно было еще привыкнуть.

— Най, а ты не знаешь случайно, кто такой Бес? — совершенно, ну абсолютно незаинтересованно, все свое внимание уделяя намазыванию масла на булку, спросила Ли.

— Который? — тут же отозвалась рыжая. — Тут каждый третий — Бес или Без. Бездушный, Бессердечный, Безжалостный, Беспощадный...

— Я поняла, — кивнула Вейр, — вопрос снимается. Я не знаю, который.

— А выглядит-то он как? Ну, татуировки там, пирсинг, прическа.

— Понятия не имею, — горячо жалея, что вообще рот открыла, отзывалась Ли.

Дем его внешность не описывал. Хотя, с чего она взяла, что он вообще чье-то имя выкрикивал? Может просто слово выговорить не мог до конца. Хотя ей почему-то показалось, что это было именно имя. Если припомнить, он и у нее в офисе, когда очнулся, сказал что-то вроде: «Бес, не уйдешь?» или «Не уходи!», что ли?

— С чего он тебя вообще заинтересовал тогда? — вздернула аккуратно выщипанные бровки Най.

— Да так... услышала где-то.

Вранье вышло на сто баллов. Зрители скривили рожи и показали большой палец,

повернутый вниз. Прежде чем спрашивать, надо хоть домашние заготовки убедительные придумывать.

— Ну-ну... — Най искоса глянула на нее, едва заметно усмехнувшись. И вдруг посерьезнела, поставив чашку на стол. — Ты же вчера опять с Демом сидела, да?

— Сидела, — кивнула врач.

Да уж, ей шпионом не быть. Даже девчонка ее раскалывала «на ура».

— Ясно... — рыженькая подняла глаза на часы, висевшие над входом в столовую. — Погоди, я сейчас.

Она вдруг резко вскочила и посеменила к дверям, на ходу пытаясь вбить ногу в тапочку. Но направлялась она не в коридор, а в помещение за столовой. Вейр там побывать не успела, но вроде бы оно было чем-то типа комнаты отдыха. По крайней мере, диваны, огромный и вполне современный телевизор, врач углядела. Еще виднелся краешек бильярдного стола.

Най вернулась почти мгновенно, притащив большую фоторамку. Основательно уселась, включив экран и быстро перелистывая пальцем изображение. Насколько могла видеть Ли — типичные для любого общежития фотографии, запечатленные для потомков. Попойки, парень с клоунским носом, два полуголых качка, борющихся на руках. Мелькали и уже знакомые лица. Татуированный, почему-то с розой в зубах. Тот красавчик, который вчера был с ним. Только на фото он выглядел отнюдь не красавчиком. Парня явно полили зеленкой, и его роскошная грива смотрелась как у какого-нибудь панка. Причем только что вылезшего из лужи. Милые шалости...

— Вот, — постучала ноготком по экрану Най. — Это — Бес.

Вейр глянула — и сначала ничего не поняла. Чьи-то руки, мускулистое, мужское бедро, спутанные шевелюры. Наклонилась, чтобы рассмотреть поближе и... отшатнулась, густо покраснев. На фото были запечатлены два парня. Спящие. В одной постели. Кажется, голые. И обнимались они... Вэл так любил спать, сунув руку ей под голову и забросив ногу на бедро.

— Понятно... — промямлила доктор, ненавязчиво отодвигая от себя рамку.

Да-да, ханжой она себя по-прежнему не считала. Но к таким откровениям готова не была.

— Шокировала? — хитренько прищурилась Най. — Ладно, извини. Вот где тут Бес, я понятия не имею.

Она снова быстро перелистала кадры и придвинула рамку к доктору. Вейр глянула на экран с опаской. Но ничего крамольного на нем не было. Просто Дем, между прочим, выглядящий очень неплохо. Кожаный плащ ему шел, а сложенные на груди руки, взгляд исподлобья и кривая ухмылочка непрозрачно намекали, что он «очень плохой парень». Ну и волосы, развевающиеся на ветру, смотрелись крайне эффектно. Короче, воплощенная девичья смерть. Вот только на фотографии Дем присутствовал в двух, абсолютно идентичных, лишь зеркально отраженных, вариантах.

— Это монтаж? — на всякий случай спросила врач.

Естественно, никакой это не монтаж был. Но уж больно идентично выглядели парни. Ну, совсем под копирку. Разве что у одного татуировка под левым глазом, а другого под правым.

— Я постоянно забываю, с какой стороны у Дема тату? — вместо ответа протянула Най, наклонив голову, рассматривая фотографию.

— Справа, — пробормотала Вейр, — Что?

Девушка только покачала головой, мол: «Ничего-ничего, все нормально». Только бровками передернула как-то многозначительно.

— Ну, вот значит это Бес. Он младший, по-моему. Знаешь, говорят, что близнецы — это одна душа, разделенная на двоих. Знала я двух близняшек. Девки друг друга терпеть не могли, собачились постоянно. И не дай Бог их кто-то спутает! До трясучки доходило. А эти...

Най развернула фотографию к себе, задумчиво ее разглядывая, словно видела впервые.

— Над ними прикалывались постоянно. Ну, знаешь, как у парней? Про нетрадиционную ориентацию. А им плевать, только скалились в ответ. Мне иногда казалось, что они не просто близнецы, а сиамские, вместе сросшиеся. Иногда жутко становилось. Один начинает говорить, а второй фразу заканчивает. И сами этого не замечают. Их поодиночке видеть было дико. Ну, словно чего-то не хватает человеку, вроде руки или ноги. С новичками знаешь как развлекались? Спорили, что один брат угадает, где сейчас второй и что делает. Ни разу не проиграли. В общем... Да жутко это, чего уж там. Я бы вот так не хотела. А с другой стороны — завидно.

Вейр молчала, глядя на перевернутую фотографию. Пыталась представить, как это, когда тебя двое — и не могла. Слышать о таком она тоже слышала. Но воочию не видела ни разу. А собственной фантазии представить не хватало.

Где сейчас Бес спрашивать она не стала. И без объяснений все было понятно.

Бравый гвардеец, подпрыгнув на добрых полтора метра, каким-то невероятным образом умудрился уже в воздухе крутануть «вертушку», впечатав подошву своего ботинка точнехонько противнику в переносицу. Яростный Мститель отлетел к другой стене, врезавшись в бетон, оставив в нем ощутимую вмятину, от которой зазмеились трещины. И тихо сполз на пол, удивленно тряся гладко выбритой башкой.

«Я знаю все твои планы, — заверил его Сияющий, успешно приземлившись и почему-то оставаясь на корточках, опираясь на ладонь. Что он собирался делать дальше, было непонятно. — Можешь попроситься с ними. Ты выйдешь отсюда только через мой труп!»

«Ты слишком самоуверен! — для человека, только что спиной выбившего в стене приличную каверну, говорил Мститель вполне бодро. И на ноги поднимался довольно резво. — У меня есть пара тузов в кармане...».

— Лазерная винтовка в заднице? — предположил кто-то.

— Не-е, тебе же говорили, что его энергетические поля искажают лазерные лучи. Или чего? Когда сам палит, не искажают что ли?

— Может, какие-нибудь гранаты из антиматерии?

— Такими он Судью прикончил. Думаешь, второй раз сработает?

Мститель вставал и вставал под тяжелую, тягучую, угрожающую музыку. Кровь ручьями стекала с раны на лбу, собираясь каплями на подбородке. Собственно, это было странно, потому что ботинком его припечатало в лоб, а в стену он влетел затылком. Зато красиво. Черные глаза на фоне алых струек горели особенно зловеще.

«Твоя самоуверенность тебя погубит!» — закончил свою мысль злодей и жутко расхохотался.

— А я вчера видел, — лениво подал голос Яр, — он сейчас...

— Заткнись! — рявкнуло сразу несколько глоток.

Музыка стала громче, давя на уши почти физически ощутимой тяжестью. Камера

отъехала, отлипнув, наконец-то, от мрачных глаз Мстителя. А он сам выпрямился во весь рост. Его кожа спереди как будто лопнула по шву — от лба, до, наверное, промежности. Точно разглядеть, где заканчивается «шов», помешали клочья одежды, разлетевшиеся во все стороны. Но и разглядывать, как именно расползло Мстителя, было некогда. Потому что из него, разрывая когтями куски плоти, полезло что-то зубастой и когтистое, одновременно смахивающее на крокодила, свинью и крысу.

Парни взвыли от восторга. Кто-то даже зааплодировал.

«Ты не испугаешь меня, акшара! Со мной вся сила правды!». Сияющий тоже наконец-то выпрямился из своей странной стойки, и смело глянул на врага, гордо подняв подбородок. В его глазах отражался свет правды...

А поперек лица появились титры, сообщающие, что двести тридцать седьмая серия «Пламенеющих сердец» закончилась. И продолжение, дорогие зрители, будет только завтра. По экрану замелькали кадры анонса, утверждающие, что акшара, превратившийся в монстра, снова разнесет половину города. На этот раз с помощью светящихся когтей и дикой убойной мощи хвоста.

В комнате такую перспективу встретили с восторгом, под улюлюканье и предложения, чем можно заменить хвост и почему новое оружие будет гораздо эффективнее. Несомненно, акшара, сидящие по эту сторону экрана, гораздо лучше Мстителя знали, как использовать весь ресурс генномодифицированного тела.

Дем отхлебнул сок, который по вкусу напоминал ослиную мочу. Он сам не понимал, зачем он его пьет. Не иначе как из упрямства. Но сегодня ему все, что попадало в рот, напоминало либо кошачье дерьмо, либо мочу. Так что, никакой альтернативы не наблюдалось.

— Дем, тебя Тир вызывает.

Вид у Иза, стоявшего в дверном проеме, был не слишком довольный. Наверное, сам он у кепы уже успел побывать и теперь наслаждался своей законной порцией начальственной любви.

— На хера? — поинтересовался Дем, выбираясь из кресла.

Впрочем, особого интереса он не испытывал. Вызывает, значит, понадобился. Главное, не забыть прихватить с собой вазелин. В любом случае пригодится.

— Прости, мамочка, забыл спросить, — покаялся Из.

С таким же успехом он мог привесить над своей выбритой до зеркального блеска макушкой светящуюся надпись: «Я брешу, как дышу!». Но докапываться до него Дем не стал. На кой черт? Понятно, что опять какое-то дерьмо случилось. И разгребающим сегодня назначили Иза. Так на фигу парня еще больше нервировать? Лейтенант просто хлопнул лысого по плечу, выражая свое полное сочувствие, и поплелся на правож. И вот ведь затыка: никакой вины он за собой не чувствовал. Просто не успел еще ничего накосячить. А задница все равно ныла в предчувствии большого и толстого капитанского... гнева.

Предчувствия его редко обманывали. В этом он убедился, стоило переступить порог начальственного кабинета. Тир на него даже не посмотрел, прячась за монитором. Зато лоб его багровел, как будто у капитана температура поднялась. Значит, либо гневаться изволит, либо должен сделать дело чуть приятнее, чем получить ножом по яйцам.

— Вчера днем у тебя наша док была? — с места в карьер начал кеп, даже не соизволив выслушать его приветствия.

Дем промолчал, пожав плечами. Собственно, что он мог сказать? Была. Но он ее не приглашал.

— Говорят, она из твоей гребанной комнаты вылетела так, как будто за ней ракшасы гнались? — гнул свое Тир.

Лейтенант молчал. Как она там выглядела, его интересовало мало. Он четко знал только одно: если у докторицы хватит ума еще раз появиться рядом с ним, то выглядеть она будет еще хуже. Гораздо хуже.

— Что у вас там было?

— Ничего, — сказал Дем.

Во-первых, появилась возможность, ответить хоть что-то определенное. А, во-вторых, капитан слишком сильно не любил задавать вопросы в пустоту. По его мнению, подчиненные обязаны отвечать четко и по существу. Иначе это плохие подчиненные. Нуждающиеся в прочистке мозгов и паре уроков хороших манер. А Дем и без профилактики чувствовал себя так, словно его пропылесосили изнутри, а снаружи прогладили катком.

— А раз ничего не было, то какого хрена она просит именно тебя в охранники? — рывкнул Тир, со всей дури саданув кулаком по столу.

— Чего? — вытаращился на него Дем.

Конечно, пучить глаза следовало исключительно от избытка служебного рвения, а не от удивления. Но когда реально отваливается челюсть, то гребанная субординация идет лесом.

— Того! — гавкнул капитан и провел пятерней по волосам. Нервничал мужик — и сильно. — Короче, мне все это дерьмо уже поперек глотки встало. Закормил ты меня, выблевывать замучился. От патрулирования ты временно отстранен. Твою роту переформирую на усиление. В твоём распоряжении остается отделение Власа. Считай себя прикрепленным к доку. Поможешь ей с обустройством. Вещи там и все такое. И охрана, само собой. Если у нее хоть один волосок колыхнется, то я... В общем, сам понимаешь, не маленький.

— И... надолго? — выдавил Дем, хотя и это ему стоило таких усилий, что даже затылок вспотел.

— Пока, мать твою, у тебя мозги на место не встанут! — снова сорвался на ор Тир. — Мне гребанные самоубийцы на улице не нужны! — капитан задержал дыхание, тяжело двинув челюстью, и выдохнул через нос. — Короче, вернешься, когда я буду уверен, что ты в порядке.

«Никогда, значит. Дерьмо...». Дем развернулся, и едва не чеканя шаг, вышел из кабинета. Правда, разрешения он на это спросить забыл. Но вот на такие нюансы ему было откровенно насрать.

Глава седьмая

Глава седьмая

С Вейр подобное случалось постоянно. Помнится, ее муж называл это «географическим кретинизмом». Пока доктору объясняли, после какого поворота и куда ей нужно свернуть — все было понятно. Но стоило ей сделать хоть шаг — и все указания мигом вылетали из головы. Точнее, не то чтобы вылетали, а, скорее, путались, меняясь местами.

Вот и сейчас, вместо того, чтобы спуститься в гараж, она оказалась в каком-то аппендиксе коридора. Впереди была самая обычная дверь, которая могла вести куда угодно, но вряд ли на парковку.

Ли оглянулась, словно коридор за ее спиной мог измениться по воле неведомого

волшебства. Но, естественно, все осталось как было: две стены, до половины выкрашенные зеленой краской, грязно-белый потолок, вытертый линолеум — ни малейшего намека на поворот, который она могла бы пропустить. И так до самой лестницы, по которой Вейр успела подняться и спуститься аж два раза.

Выбора особого не предполагалось. Пришлось сначала стучать, а, не дождавшись ответа, открывать единственную в этом треклятом коридоре дверь.

Комната большой не казалась — может, чуть длиннее столовой, но гораздо темнее. Лампы в ней отсутствовали, а единственным источником освещения были свечи, горящие на полу — у алтаря и вдоль стен. Четыре витража, вмонтированные в короба на стенах, совсем не выглядели новоделом. Скорее Вейр бы поверила, что когда-то, лет триста назад, они служили окнами в церквях.

Лица ангелов, сложенных из цветных кусочков стекла, были примитивны, словно их ребенок нарисовал. Но мастеру каким-то чудом удалось передать спокойную уверенность и силу небожителей. Глядя на ладони, сложенные на рукоятках мечей, Ли поймала себя на мысли, что у нее вдруг возникло чувство... защищенности? Или, может быть, укрытия. Места, где с тобой ничего не случится.

Огоньки свечей отражались в цветных стеклышках, бросая на пол и грубые деревянные скамьи цветные блики, как в калейдоскопе. От этого мерцания начала кружиться голова, но ощущение не казалось неприятным. Наоборот, добавляло увиденному фантастичности, сказочности.

Но больше всего Ли впечатлила статуя Богоматери. Только по лицу и обнаженным кистям можно было понять, что фигура, ростом с саму Вейр, была вырезана из мрамора. Одежда и даже кончики туфель Девы покрывала золотая фольга. А венчик на голове, пояс и отделка платья скромно помаргивали явно натуральными камнями. Не то чтобы доктор разбиралась в драгоценностях. Но ни одна бижутерия в мире не способна были так сиять — длинными игольчатыми лучами, в которых переливалась вся радуга.

Статуя стояла на возвышении, высотой примерно по колено Ли. Сначала врач решила, что оно облицовано металлом. И только присмотревшись, поняла — постамент выложен металлическими жетонами вроде тех, что солдаты носят на шее. Но на акшара она подобных украшений не замечала.

Странная это была часовня. Она больше напоминала капище, чем храм. И простой, потемневший от времени, деревянный крест — даже не распятие — висевший за Богоматерью, выглядел не привычным с детства символом, а какой-то языческой атрибутикой.

И человек, стоявший на одном колени перед статуей, полностью соответствовал этому месту. Парень с лицом, наполовину скрытым под вязью татуировок, что-то тихо нашептывал, прижав к губам большой палец. Когда Вейр вошла, он услышал — доктор видела, как дернулись его острые, с имплантированными хрящами, уши.

Но развернулся он к ней не сразу. Сначала перекрестился двумя пальцами, пробормотав: «*Sáncta María, óra pro nóbis peccatóribus!*»[1], благоговейно поцеловал носок туфли, выглядывающей из-под золотого подола. И только потом встал.

— Хотите поговорить с Дамой[2]?

Выглядел парень по-настоящему жутко — эдаким диким жрецом. Его лицо, подсвеченное снизу чуть трепещущим пламенем свечей, казалось уж и вовсе нечеловеческим. Ли нисколько бы не удивилась, узнав, что тут Богоматери жертвы

приносят.

— Н-нет, — пролепетала доктор, отступая к двери. Кончики удлиненных клыков, влажно поблескивающих в, видимо, дружелюбной улыбке, наводили настоящий ужас. — Я заблудилась. Мне в гараж надо.

— Я вас провожу, — татуированный протянул ей руку, как будто предлагая поддержать. — Позвольте, леди?

Только вот Ли в сторону шарахнулась — ногти у него тоже были жуткими. Удлиненные, подпиленные и покрытые черным лаком. Парень просто олицетворял собой воплощенный ночной кошмар.

— Ладно, понял, — руку он свою убрал и усмехнулся еще кривее — оскалился даже, скорее, а не усмехнулся. — Так ты идешь или будешь дальше трепетную деву корчить? Сама отсюда ты хрен выберешься.

Пришлось врачу согласно кивнуть. Но пока они петляли по лабиринту одинаковых, абсолютно неотличимых друг от друга коридоров, Вейр старалась держаться в шагах трех за его спиной, готовая в любой момент дать деру. Правда, в собеседники он ей больше и не навязывался.

К невероятному облегчению Ли, плутать пришлось недолго и в гараже ее уже ждали. Хотя «гаражом» этот подземный паркинг назвать было большим преуменьшение. Даже не смотря на то, что стоящие тут машины и четверти его не занимали. Причем все авто выглядели одинаково убито и убого. Но доктор уже имела возможность убедиться — в данном случае внешний вид содержанию не соответствует даже близко.

Впрочем, машины она разглядывала только для того, чтобы не смотреть на фигуру, застывшую неподвижно у приглашающе открытой двери. Дем выглядел в точности, как на фотографии. Кожаный плащ, тяжелые ботинки. Вот только он не ухмылялся — рожа абсолютно каменная. И взгляд, хоть и такой же, исподлобья, но тяжелый, звериный какой-то. Как у хищника. Каменный идол, застывший, расставив ноги и сложив руки в позе футболиста. Откровенно пугающий.

Мысль о том, что не стоило называть его имя, когда Тир спросил, есть ли у нее собственные соображения по поводу охраны, показалась вполне здравой. Хоть и запоздалой. Кто бы еще сказал, зачем она вообще это сделала? Само ведь с языка сорвалось...

— Садитесь, — буркнул ее охранник, кивнув татуированному парню.

Слабая надежда на то, что ей не придется с ним ехать в одной чертовски тесной и слишком маленькой коробке, растаяла без следа. Вейр осознала, что, кажется, она собственными руками навалила себе же на шею гигантскую кучу проблем, под которой грозил треснуть позвоночник.

У доктора даже в горле пересохло, и кончик языка защипало от хлынувшего в кровь адреналина. Пришлось напоминать себе, что она, собственно, взрослая и даже уже не слишком молодая женщина. Сильная и самостоятельная. Способная справиться с проблемами. И — да! — начавшая жить с чистого листа.

Убеждение выходило не слишком убедительным. И, пожалуй, Ли бы, все-таки, лягнула, что она передумала. Правда тогда бы пришлось признаться — лейтенанта просто пожалела. Только вот ее не вовремя вспыхнувшая жалость ситуацию бы не улучшила. Скорее наоборот.

Пока она мялась, решая, что для нее безопаснее будет, лейтенант как стоял — так и продолжал стоять, не проявляя ни малейшего нетерпения. Собственно, он вообще никаких эмоций не демонстрировал. Пожалуй, в палате и потом, в коридоре, Дем выглядел гораздо

более живым. Хотя, конечно, и вполнину не таким крутым.

— Поедем? — осторожно спросила врач, как будто надеясь, что он сам сейчас передумает.

Но никакой реакции не последовало. Акшара даже кивнуть не удосужился. Ли обреченно выдохнула и села на заднее сиденье. Охранник захлопнул за ней дверцу, как крышку гроба.

Перегородка между пассажирским и водительским креслом была опущена. Парень, сидевший за рулем, повернулся к ней, улыбнувшись вполне мило и дружелюбно.

— Привет, меня зовут...

— Без разговоров, — оборвал его идол, усаживаясь впереди. — Поехали. На будущее. Маршрут согласовываете с капитаном. Никаких изменений не будет. Двигаемся только по обозначенным точкам.

— Вы не могли бы поднять перегородку? — вежливо попросила Вейр, которой стало откровенно жутко.

Складывалось такое впечатление, что с ней разговаривало не живое существо, а какой-то робот, чертов автоответчик.

— Нет, — проскрежетала железяка. — Я вас должен видеть постоянно. Еще вопросы?

Сам тон никаких вопросов не подразумевал. И напрочь отбивал желание вообще голос подавать. Казалось, что если она рискнет даже пискнуть, парень просто протянет свою ручищу и лапой в черной перчатке без пальцев сожмет ее горло. Или вырвет трахею. Или сделает еще что-нибудь, обеспечивающее тишину.

Да уж, мальчик-стриптезер! Это ходячий кошмар, а не мальчик!

Бес говорил, что в любой куче дерьма всегда спрятана конфетка — надо только покопаться. Конечно, утверждение как минимум спорное. Но сейчас Дем был с ним полностью согласен. Та куча навоза, которая совершенно неожиданно хренакнула ему на башку, была просто огромной. Но конфетка имелась. Он уже и не помнил, когда в последний раз что-то чувствовал. Не холод, голод или боль. А то, что ощущает та гребаная штука, которую называют душой.

Единственной эмоцией, оставленной его личным дьяволом, было раздражение. Или ничего. Выбирай, парень — пустота или раздражение, раздражение или пустота. Все по справедливости — выбор тебе оставили. Это, честно говоря, выматывало. Ах, да — и раздражало.

Зато с появлением на его горизонте этой стервы прорезалось и что-то новенькое. Бешенство. Холодное, как чертов лед, и обжигающее, как костер, который развели под самыми твоими яйцами. С чего бы? А можно и посчитать.

Во-первых, эта сука ему не нравилась. Просто не нравилась. Но, почему-то, с этим не согласна была его собственная штука, запрятанная в штаны. Обычно бывало наоборот. Это Дему приходилось уговаривать свой член поработать чем-то отличным от поливочного шланга. Не сказать, что он и сейчас подпрыгивал от рвения потрудиться. Но, по крайней мере, проявлял интерес к жизни. Хозяину его энтузиазм не был понятен. Организм пытался доказать, что он лучше знает, кто ему нужен.

Во-вторых, из-за нее Тир нашел повод вышвырнуть-таки демову задницу с улиц. Капитан давно носился с этой идеей, да все случай не подворачивался. Пока не появилась эта белая мышь. А устранение от патрулирования было равносильно... Да хрен знает — это

даже сравнить не с чем. Он, мать вашу, каждого патруля ждал, как манны небесной. Дем ракшасов любил, как свою первую бабу! Потому что, только разделявая их на рагу, лейтенант мог дышать.

Все же остальное время ему казалось, что он плавает в бульоне. Наваристом таком, жирном и вязком. И в полном согласии с законами физики этот бульон лип к легким, не пуская кислород. Наверное, потому собственная башка усиленно посылала его на хрен большую часть суток. И в ней безраздельно мог царить его дьявол, вытворяя с Демом все, что прихотнется. В основном, превращая мозги в коктейль из сопливой овсянки и кошмаров.

В-третьих, она знала, что мартовский заяц по сравнению с ним образец гребанного благоразумия. И если ей захочется потрепать с подружками своим змеиным язычком, то вся База узнает, какой Дем на самом деле — жалкий, трясущийся ублюдок. Не то чтобы его эта проблема в серьез волновала. Но, все же, неприятно. Да и хлопотно доказывать всем желающим, будто он на самом деле круче страусовых яиц. Тем более что эта была полная брехня.

В-четвертых, она его спасла, вытащила с того света. Когда уже все шло так хорошо.

Мало поводов для того, чтобы отлюбить ее, как ракшаса? Что до него, то вполне достаточно.

И деваться некуда. Если он поперет против приказа, то Тир просто выпнет его с Базы. И тогда на полном серьезе останется только идти вешаться. А сделать он этого не мог, никак. Дева не пускает самоубийц в Рай. Конечно, Дем не был уверен, что Бес именно там. У этого паршивца все ангелы уже через неделю бы определились с собственным полом, нацепили стринги и начали задом крутить вокруг шестов.

Но, все же, шанс на то, что Дева приняла его под свой полог, существовал. А, значит, Дему нужно было попасть туда. Спуститься из Рая в Ад — несложно. Задача технически решаемая. А вот обратно — никак. Что-то подсказывало — на небесах такая линия обороны, которая заставила бы даже майор от зависти себя за член укусить. Поэтому самоубийство отпадало. Не вариант.

И вылететь с Базы Дем позволить себе не мог, никак. Просто потому, что боялся. Себя боялся. Если у него отберут законный повод выпускать чужие кишки, то он рано или поздно сорвется. Дьявол ему не оставит ни шанса удержаться хотя бы на грани. Для того чтобы не слететь с катушек окончательно, ему требовалось особое лечение. Кровавые, мать их, инъекции. Терапевтическое выbleвывание собственного сумасшествия. Реабилитирующее нашинковывание чужого мяса. Слова-то какие умные! Собственно, если он будет оказываться под ножом у Дока с прежней регулярностью, то скоро сам сможет оперировать.

Только суть от слов не изменялась. Если не ракшасы, тогда кто угодно. Сколько-то ему, конечно, удалось бы продержаться. Но потом ему станет все равно. Люди, акшары — они будут просто мясом. Проверено. До такой стадии Дем уже доходил. Потому и перестал тусоваться с Варом. Слишком много воли «косяки» давали его дьяволу. И слишком близко он подходил к той самой грани.

Короче — куда не глянь, дерьмо полное. Он вынужден выполнить приказ. И быть комнатной собачкой при этой суке. Но, по крайней мере, Дем способен что-то чувствовать, кроме раздражения. И бешенство на вкус ему очень даже нравилось. Это было похоже на вбивание иголок под собственные ногти. Больно, конечно, но какой ка-айф! Ведь больно снаружи.

По крайней мере, Дем мог сделать так, что и стерве дальнейшее их сотрудничество

покажется дорогой в Ад. Он заставит ее отказаться от собственного решения и по собственной же воле отволочь свой зад к Тиру, умоляя приставить к ней кого угодно, только бы избавиться от лейтенанта. Как доводить окружающих до подобного состояния, он в последнее время выучил в совершенстве. И это вселяло определенную надежду на будущее.

От таких мыслей сохранять морду кирпичом было трудновато. Хотелось улыбаться. Особенно глядя на эту стерву. Она сидела, выпрямившись, словно ей вместо позвоночника швабру вставили. И упорно смотрела в сторону, хотя окно было отключено. Чтобы докторице стало совсем хорошо, Дем повернулся на сидении боком и, практически не отрываясь, пялился на нее. Лишь иногда косился на водительский монитор, отслеживая их путь.

Реакция бледной суки ему нравилась. От своей щеки она, наверное, уже приличный кусок сжевала. Он искренне, правда, мысленно, пожелал ей приятного аппетита.

— Вы не могли бы отвернуться? — проблеяла она примерно через полчаса идеального, будящего горячее желание укусить себя в зад, молчания.

— Нет, — отрезал Дем. — Постоянно на глазах. Правило.

— В туалет вы тоже будите со мной ходить?

— Да, — ответил он, едва скрывая свое удовольствие.

И очень надеясь, что она сейчас развизжится, брякнется в обморок или сделает еще что-нибудь. Как там обычно такие дамочки демонстрируют свое несогласие?

Но докторица его откровенно удивила. Она повернула голову, глядя прямо на него. И глаза у стервы были абсолютно спокойные.

— Надеюсь, вам понравится, — с кислотной любезностью протянула она. — С этого дня я перехожу на гороховую диету.

И, как ни в чем не бывало, опять уставилась в выключенное окно. Дем поймал себя на желании заржать. А вот это было уже чем-то новеньким.

Жилье докторши было таким, как он себе и представлял. Нечто среднее между загородным особняком, на который денег еще не хватало, и квартирой в обычном муравейнике, в котором жить было уже западно. Многоэтажка, поблескивающая стеклами межэтажных зимних садов и, как шлюха, зазывно подмигивающая рекламами торговых центров, ресторанов и фитнес-клубов. Короче, тот же муравейник, только покрупче.

— Дома кто-нибудь ждет? — поинтересовался Дем, повисая за ее плечом.

— Да, — спокойно ответила она, не вынимая рук из карманов своего гребанного белого халата. — Муж и два брата. Оба служат в спецназе национальной гвардии.

Лейтенант хмыкнул и с расспросами завязал. За ее безопасность здесь он не слишком беспокоился. О том, чтобы маленькое вечернее приключение леди Стервы не заинтересовало полицию, Яр позаботился. А ракшасы, конечно, отмороженные на всю голову, но не настолько, чтобы нападать в такой толпе. В вопросе сохранения их миленькой семейной размолвки от людей черные вынужденно играли в одной команде с акшарами.

Но все равно, когда они впихнулись вместе с десятком других жильцов — или кем там они были? — в коробку лифта, на Дема накатила приступ клаустрофобии. Даром, что он едва ли не на голову возвышался над толпой, как траханый столб. И ни настороженные, а то и откровенные взгляды мужиков, ни восторженные баб, не успокаивали. Первые могли стать проблемой. Вторых Дем терпеть не мог, предпочитая чисто деловые отношения. И то при острой необходимости.

На каком-то, черт знает на каком, потому что лифт то и дело останавливался, этаже, вместе с новой толпишкой ввалилась дамочка из разряда «блин, я — секси, но у тебя на меня бабок не хватит». Впрочем, не смотря на свое явно завышенное самомнение, на Дема она устала и даже намазюканный ротик приоткрыла. В такой лейтенант побрезговал бы даже собственный ботинок совать, не говоря уже о чем-то более дорогом. И не потому, что в нем слишком многие побывали. А потому что качественно сосать такие губки могли только одно — бабки.

Поэтому он и ухмыльнулся. Мол: «Детка, я в курсе, чего ты хочешь, но обломайся — для меня ты не слишком хороша». Дамочка послушно покраснела и опустила глазки, на которых гуталина было больше, чем на его собственных, уже упомянутых ботинках. И видимо только тут разглядела его подопечную.

— О, доктор Вейр, рада вас видеть! — зашебетала она, посматривая на докторицу с превосходством болонки перед помоечной кошкой. — Вы... странно выглядите. С работы?

— Добрый вечер, госпожа Мирен, — отозвалась бледная стерва. — Да. Вы себе не представляете, какой сейчас наплыв клиентов. Не то, что переодеться некогда. Даже приходится прихватывать халтуру на дом.

— Халтуру? — аккуратно приподняла бровки болонка.

При этом кожа на ее лбу даже не шелохнулась, будто шкурку приклеили.

— Угу, — докторша кивнула на Дема, — не успела во время закончить.

Дамочка озадаченно глянула на нее, потом на лейтенанта, и снова устала на докторшу.

— А разве вы не детский стоматолог?

— Он самый, — подтвердила Вейр, — Всего хорошего.

И, забыв предупредить лейтенанта, она вышла из лифта. Произошла заминка, потому что вместе с ней решили покинуть стальную коробку еще несколько десятков человек. И Дему пришлось пробиваться через плотную стену людей, чувствуя себя гребанным пловцом против течения.

Догнав стерву и схватив ее за плечо, он развернул дамочку к себе, едва сдерживаясь, чтобы не начать орать.

— Никогда. Больше. Такого. Не. Твори! — прошипел он. — Понятно?

— Нет, — честно ответила она, хлопая белесыми ресничками. — Чего именно мне не нужно... гм!.. творить?

— Во-первых, не отходи от меня ни на шаг, не предупредив. Во-вторых, не делай из меня идиота.

— Первый пункт я учту, а со вторым вы успешно справляетесь и без моей помощи, — мило улыбнулась она. — Меня тоже интересуют два вопроса. Первый: когда мы с вами перешли на «ты»? И второй: как вы собираетесь поступить с моей рукой? Оторвете ее или просто сплющите?

Не без труда, но он заставил свои пальцы разжаться. Чувствуя, как бешенство плещется уже где-то в носу, угрожая затопить череп.

— Извинений не будет? — поинтересовалась стерва. — Я почему-то так и подумала. Тогда сообщаю вам, что собираюсь двигаться дальше.

Она действительно развернулась и пошкандыбала вперед, виляя своим весьма внушительным задом под чертовым халатом. Дему пришлось плестись за ней, борясь с горячим желанием придушить ее немедленно. И уговаривая себя потерпеть. Потому что

милый скверик, с долбанными скамеечками, на которых сидели гребанные старушки, надзирающие за визжащими пупсами, был не тем местом, где можно это сделать незаметно.

Они прошли сквер насквозь, при этом докторша едва ли не с каждой старушкой раскланялась. Детки ее тоже узнавали и махали ладошками. Вот же, мать их, популярность! Действительно — наглая, лживая, лицемерная стерва. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно было посмотреть на ее клубничную улыбочку из разряда «я само воплощение Девы»!

За парком потянулись ряды продуктовых магазинов. И народу стало еще больше. Так что Дему пришлось едва ли не приклеиться к ее спине. Спасибо Непорочной — у местных жителей с заплывшими от жира мозгами хватало ума уступать ему дорогу. Иначе бы он точно сорвался. И пихнул бы кого-нибудь со всей щедростью своей гребанной души. Только вот объяснять потом в участке, что он ничего дурного не хотел, ему долго бы пришлось.

Лейтенанту было неуютно. Это место буквально отторгало его, отхаркивало, как волос, попавший в рот. Боковым зрением он ловил собственное отражение в блестящих витринах. И сам прекрасно понимал, насколько он нелепо здесь смотрится — огромный, черный, хмурый. А вот докторица вполне вписывалась, не смотря на то, что была одета в медицинскую форму, а не в какое-нибудь пальто и гребанную шляпку. Ее мир — не его. И за это он тоже готов был благодарить Деву. Не нравилось ему тут. Все казалось искусственным, приторно-карамельным, как помада той дамочки в лифте. Дерьмо.

Поэтому когда они вышли в жилую зону, лейтенанту даже дышать стало легче. Хотя коридоры тут были неприятно светлыми, с непривычно высокими потолками и включенными в каждом свободном углу окнами, гордо демонстрирующими вид с хрен знает какого этажа. На смену клаустрофобии пришла агарофобия.

Стерва остановилась у одной из дверей, которая не отличалась от остальных ничем, кроме номера. Хотя нет, еще имелся маленький дисплей, оповещающий, что тут проживает «к. мед. н., док. Л.-М. Вейр». Кто бы еще знал, что это фигня значила.

— Вы, наверное, хотите войти первым? — поинтересовалась докторица.

Дем молча кивнул, расстегивая плащ — на всякий случай. Она, не споря, набрала на панели код, который — кто бы подумал! — был невероятно сложным: 4, 3, 2, 1. И приложила ладонь к сенсорной пластине. Дверь ослабла в пазах, с тихим шорохом отъехав в сторону. О собственной безопасности докторша явно заботилась не слишком сильно. И это напрягало. Потому что лейтенанту предстояло впихнуть в ее тупую башку элементарные вещи.

Квартира была немаленькой. При беглом осмотре Дем насчитал пять комнат — это без учета просторной кухни, холла и двух ванных. Правда, две комнаты были заперты. Хотя, судя по всему, жила она тут одна. На хрена ей такая квартира? Чтобы было чем себя занять долгими одинокими вечерами? Например, моя пол. Или у нее прислуга имелась?

— Мне уже можно войти? — крикнула докторица с порога.

Надо же, какая послушная. Он подобного поведения от стервы и не ожидал. Думал, потащится вслед за ним.

— Откройте эти двери, — вместо ответа потребовал он.

— Зачем? — удивилась дамочка, появляясь в коридоре.

— Откройте эти гребанные двери, — прорычал Дем.

Ее манера постоянно спорить бесила. Или она не спорила? Да хрен с ней, все равно

бесила.

Первая комната оказалась детской. Идеальная чистота — ни пылинки. Но создавалось такое впечатление, что ребенок из нее только что вышел. На столе — открытая книжка, на спинке стула — небрежно брошенное платье все в оборочках. Из-под розовой кровати выглядывали лаковые туфельки. И все равно Дем был готов поспорить, что хренову тучу времени здесь никто не жил.

За второй дверью оказалась спальня, явно супружеская. И та же картина — чуть ли не стерильность и порядок. Правда, странный какой-то. На одной прикроватной тумбочке журналы и очки, стакан с водой. На другой — пусто. С одной стороны кровати стояли меховые шлепанцы, мужские, между прочим. С другой — ничего. Батарея двери большого встроенного шкафа почти разрядилась, и через зеркальную поверхность проглядывали полки и вешалки. И опять же — с одной аккуратные стопки одежды, с другой ничего нет.

Хрень какая-то.

— Где ваши родственники?

— Их нет, — ответила докторша, глядя куда-то вдоль коридора.

— Где. Ваши. Родственники?

Нет, она не спорила. Просто заставляла его даже самые простые вопросы повторять по десять раз.

— Умерли. Погибли. Я могу собрать свои вещи?

Дем кивнул, ощущая что-то сильно смахивающее на желание извиниться. Но она ему такой возможности не дала. Развернулась на пятках и приволокла из кладовки здоровый чемодан. Направившись, естественно, не в спальню — ее докторша заперла, как только они вышли.

Комната, в которой она видимо и проводила большую часть своего времени, выглядела обжитой. Точнее, не обжитой, а обитаемой. Примерно, как конура самого Дема. Тут спали и еще хранили свои вещи. Никаких бабских финтифлюшек вроде фотографий, картинок, рамок и рюшечек. Даже покрывало на кровати простое — светло-серое. Впрочем, тут все было каким-то серым, словно слоем пыли покрытым.

— Вы, может, выйдите? — обернулась докторша через плечо, пристраивая чемодан на кровати.

— Зачем?

— Я хотела бы одежду собрать, мелочи.

— Собирайте, — пожал плечами лейтенант, прислоняясь спиной к косяку.

— Но... — кажется, на этот раз она собиралась-таки с ним поспорить. И опять обломала. — Впрочем, какая разница?

Собиралась она быстро и вполне по-деловому. Движения ее были четкими, как будто дамочка знает, что ей делать. Не суетилась, не дергалась, не металась. Только однажды, открыв ящик комода, постояла, разглядывая что-то внутри. Но так ничего и не достала, задвинув его обратно.

За ровными, словно по линейке отмеренными, стопками одежды, она, ничуть не смущаясь его присутствия, уложила такие же стопки белья. Хотя, смущаться там действительно было нечего: белое, практичное, никаких тебе кружавчиков.

Следя за ее сборами, Дем подал голос только один раз — когда она укладывала портативный «комп».

— Далеко не уберите, — врачаха снова обернулась через плечо, вопросительно

приподняв брови, — Его Вар должен будет проверить.

И опять ни споров, ни возражений. Послушно отложила в сторону, явно собираясь упаковать его последним. Даже скучно.

— Я собираюсь переодеться, — сообщила она, закрывая чемодан. — Будите наблюдать? Хотя, боюсь, зрелище вам эстетического удовольствия не доставит.

А вот с этим Дем, точнее, отдельные части его тела, готовы были и поспорить. Но он только мотнул подбородком в сторону ванны. Из нее подопечная точно никуда деться не могла. Честно говоря, отпустил он ее не из сочувствия или желание дать немного пространства. Любопытство лейтенанта разбирало. Что тоже было чем-то новеньким. А он уже понял, что все новое стоит нежно оберегать и лелеять. Это помогает удержать мозги на месте.

Когда докторша скрылась за дверьми ванны, он прислушался и беззвучно ступая, подошел к комоду. Также тихо открыв ящик, в который она пялилась, но так ничего из него и не взяла. Ящик как раз был полон тех самых шелковых тряпочек с кружавчиками, которые он и ожидал увидеть. Дем подцепил какую-то штучку пальцем, вытащив ее из общей кучи. Штучка оказалась... Ну, наверное, трусиками. Правда, что они могли там прикрыть, было абсолютно непонятно. Он попытался представить, как бы это все выглядело в реальности. И, в общем и целом, картинка его заинтересовала. Лейтенант хмыкнул, положил кружавчики туда, откуда и взял. И, по-прежнему беззвучно, закрыл комод, отойдя на свое место — к дверному косяку.

И вовремя, потому что она как раз вышла из ванны, при этом практически преобразившись. Все-таки, правы бабы, которые говорят, что от шмоток многое зависит. В джинсах и большом, будто он ей велик был, свитере она выглядела гораздо моложе, чем в халате. И, как ни странно, стройнее. А еще... проще.

— Держите, это таблетки, которые я вам обещала.

Дем уставился не на протянутую ладонь, в которой лежал ядовито-оранжевый пузырек, а на докторшу. Ни про какие гребанные таблетки он никогда не слышал. Собственно, они ему на хрен не сдались.

— Это снотворное, — пояснила она, почему-то старательно косясь в сторону. — Точнее, не снотворное даже, а успокоительное. Хорошее. Никакой вялости или сонливости с утра нет. Но уснуть помогает. Две капсулы перед тем как лечь. Больше принимать не надо, не поможет. Но и передозировки оно не дает. Берите.

Лейтенант открыл рот, чтобы популярно объяснить ей, куда стерве следует идти, предварительно запихав ее «успокоительное» в задницу.

— Мне они помогают. Когда... когда совсем край, — добавила она тихо.

И бешенство схлынуло. Не совсем, но уровень его понизился где-то до района пупка. Наверное, она была классной актриской. Впрочем, эти лощенные дамочки все такие. Но Дему померещилось, будто ей признаться в том, что она пьет снотворное было ничуть не легче, чем ему таблетки взять.

Что ему там еще примерещилось, он и сам не понял. Только в ответ лейтенант собственную руку протянул. Докторица наклонила ладошку над его, как будто воду переливая. И пузырек соскользнул в демову ладонь. Как будто гребанный ритуал какой-то.

Парень убрал таблетки в карман. Благодарить он ее даже и не собирался. Собственно, как и не собирался принимать какую-то там отраву. Но она, кажется, не ждала от него ни первого, ни второго.

Зато все честно.

[1] «Святая Мария, молись о нас, грешных». Неканоническая фраза — выпущенс «матерь Божья».

[2] Дама — в некоторых культурах, берущих истоки в католицизме, так называют Богоматерь (от «миледи» — буквально, «моя хозяйка», «госпожа»).

Глава восьмая

Глава восьмая

Прежде чем возвращаться на Базу, Вейр необходимо было закончить пару дел. И в присутствие ее охранника сделать это оказалось куда сложнее, чем собрать собственные вещи. Она чувствовала себя мышью, за которой неотрывно следит кот, сидящий в засаде. И знаешь, что он там, и неуютно, а то и откровенно страшно. Но и деваться тебе некуда. Никто тебе притаиться и переждать, пока он уйдет, не даст. Да она даже затылком его взгляд чувствовала. Почти физически ощущала, как он на череп давит. С этим надо было что-то делать.

Им вместе предстояло много времени проводить. Из слов Тира она поняла, что в одиночестве ее будут оставлять только в собственной комнате. Но это же невозможно — жить под постоянным контролем! Да фиг с ним, с контролем. Она бы пережила. Но когда на тебя так откровенно давят — это нервирует.

Только как исправить ситуацию? Предложить ему выпить чашку кофе и поговорить об их отношениях? Пригласить в ресторан? Прогуляться по парку? А, может, сыграть в психолога и популярно ему объяснить, что в основе всех его трудностей лежит психологическая травма?

Вейр невольно хмыкнула, представив, что он ответит на любое из этих предложений. И насколько обогатиться ее словарный запас. Хотя парень разговорчивостью отличался примерно так же, как и дружелюбием.

Поэтому пока приходилось только мириться.

Со своим поверенным она пообщалась без особых проблем. И даже, в конце концов, так увлеклась, отдавая распоряжение на счет клиники, персонала, оборудования и прочих насущных дел, что даже забыла о существовании охранника. Вспомнила только тогда, когда положила трубку и наткнулась на его взгляд. Очень выразительный взгляд. У парня явно был талант невербально выражать свое отношение. В данный момент он считал ее зажавшейся дамочкой, занимающейся всякой фигней.

Собственно, ей-то какое дело до его отношения?

Между прочим, его признание шло не только от разницы между их культурой и воспитанием, но и от возраста. Откуда ему в его двадцать с небольшим разбираться в финансовых вопросах? Да он, никогда не имевший в своих руках суммы крупнее десятки, вообще вряд ли задумывался о таких аспектах жизни. Парня пожалеть стоило, а не злиться на него.

— Послушайте, — невольно ежась под его неприязненным, желтым взглядом, попросила Вейр. — Мне нужно сделать один личный звонок. Очень личный. Не могли бы вы меня подождать в другой комнате?

— Не мог бы, — отозвался он.

И, кажется, в его «машинном» тоне даже намек на насмешку мелькнул. Доктор готова

была поспорить, что он подумал, будто она собирается звонить любовнику.

— Это не то... — начала она и тут же осеклась. С какой стати ее потянуло оправдываться? — Вы можете хотя бы на пять минут побыть нормальным человеком и просто дать мне позвонить?

— Я — не человек, — заявила машина. — И нет — не могу.

А вот это он в точку попал. Наверное, сам лейтенант подразумевал нечто другое. Но человеческого в нем действительно было не больше, чем в пылесосе. А еще Вейр не покидало ощущение, что он не просто с рвением относится к своим обязанностям, а откровенно издевается над ней.

Собственно, именно этого она и ожидала, правда? Но реальность оказалась гораздо хуже всех предчувствий разом. Если бы она могла, то отдала бы свою почку — только бы вернуться в кабинет Тира. И сказать, что никакого собственного мнения о личности охранника она не имеет. Если, конечно, им не станет этот молодой... Да чего уж там! Этот молодой придурок.

— Так. Прекрасно, — она потерла ладонью лоб, пытаясь сообразить, чтобы такое ему сказать. — Вы решили меня достать и...

— Нет.

— Что «нет»? — Вейр поняла, что с раздражением в голосе она переборщила.

Врач всегда, в любой ситуации, должен держать себя в руках. Иначе это уже и не врач.

— Я не решил тебя достать, — проскрежетал автомат.

— А как же это тогда назвать?

— Без понятия, — его плечи равнодушно шевельнулись. — Могу показать, как достают.

— И как? — уже брякнув это, Вейр поняла, что говорит такое, наверное, не стоило.

Данный диалог подошел бы скорее какому-нибудь подростковому сидкому. Идиотизм, честное слово. Но неожиданно оказалось, что исправлять ситуацию уже поздно.

Нет, его глаза не вспыхнули и он не крался, словно зверь. И — нет, его мышцы не перекачивались под кожей плаща. Ничего такого, что описывают в любовных романах. Он как-то разом оказался рядом с ней. Очень-очень близко. Ненормально близко, непозволительно близко. Нависая, как какая-нибудь башня. Или скала. Нет, не скала — огромный валун на самом краю скалы, готовый в любую минуту рухнуть вниз. И придавить ее, даже не заметив.

Какая эротика? Какое там «он пах порохом и цветами»? Это было страшно, реально страшно! Так, что судорожные трепыхания ее сердца, наверное, отдавались даже в телефонной трубке, которую она к груди прижимала.

Вейр хотела заговорить и не смогла — в горле пересохло. Пришлось откашляться, но и это получилось только со второго раза.

— Вы знаете, что такое «личное пространство»? — вышло все равно хрипловато.

— Я же показываю, как достают, — спокойно ответил он. — Какое «личное пространство»?

Врач сглотнула и решила-таки поднять голову, чтобы, по крайней мере, жертвой не выглядеть. И осознала, что раньше ей страшно не было, ни капельки. Так, легкое волнение. А вот теперь стало страшно. Она поняла — парень сейчас ее поцелует и... И дальше будет все-то, что обычно за поцелуями и следует. И в данный момент ее мнение никого не интересует.

Хотя, какое там мнение? У нее было такое ощущение, как будто она на каких-нибудь аттракционах — летит вниз с гигантской высоты. Хорошо это или плохо? Приятно или неприятно? Это однозначно страшно. И в венах оказывается не кровь, а чистый раствор адреналина.

Он вдруг шагнул назад и усмехнулся типично мужской улыбкой. Как будто территорию пометил, раз и навсегда показывая, кто тут хозяин и по чьим правилам следует играть. Развернулся и, ни слова ни говоря, вышел. Вейр только услышала, как в гостиной скрипнуло кресло.

Ее сердце явно решило продолбить себе путь наружу. Кровь молотила в виски с такой же настойчивостью. Проведя ладонью по лбу, она почувствовала, что кожа у нее взмокла. В данный момент врач была не в состоянии сказать ни что это было, ни как ей на это реагировать, ни каким образом эту ситуацию разруливать. Даже если допустить — в качестве бреда, конечно — мысль, будто она имела хоть какой-то авторитет, то сейчас от него осталось мокрое место.

Уверена она была только в двух вещах. Раньше даже отдаленно напоминающее вот это ей испытывать не доводилось. И повторения она однозначно не хотела.

Хотя, нет худа без добра. Сообщение на автоответчик матери Ли наговорила абсолютно спокойно, не волнуясь ни капли. Она уезжает. Место своего пребывания сообщить пока не готова. Ей нужно подумать. Как что-нибудь придумает — сообщит. Всех любит, целует. Пока.

И даже не дернулась, когда телефон зазвонил, едва она успела закончить. Хороший способ справиться с волнением — получить еще больший стресс. Правда, к широкому применению она бы подобный метод не рекомендовала. А то так недолго и сотрясение мозга начать лечить ударом кувалды по голове.

По мере того как глаза майора, скользя по строчкам текста на мониторе, спускались ниже и ниже, его лысина багровела все ярче. А кустистые, как будто из них кто-то выдрал клочки шерсти, брови поднимались все выше, собирая лоб складками. Тиру очень хотелось оттянуть воротник водолазки — мягкая ткань его душила не хуже любой удавки. Он даже руку поднял, но только в очередной раз прочесал пятерней волосы.

— Это что? — придушенно поинтересовался майор, видимо, дочитав до конца.

— Мой отчет, — отрапортовал капитан.

Пытаясь мысленно прикинуть, нет ли у него срочных дел на ближайшую неделю. Судя по пламенеющей физиономии майора, меньшим ему отделаться бы не удалось. Недельку придётся поваляться у Дока, как пить дать. С возрастом-то сломанные кости срастаются все медленнее.

— Отчет... — задумчиво протянул майор, выкладывая пудовые кулачища на стол, словно опираясь на них. — Давай-ка глянем, капитан, все ли я правильно понял, а? Что-то мне вдруг приглючилось, будто у меня маразм начался. И я уже не хрена не въезжаю. Операцию «Говорун» ты провалил. Задач не выполнил и при этом один из твоих лейтенантов был ранен? Так?

— Так точно, — пролаял Тир, преданно глядя оловянными глазами на стену за плечом майора.

— Уже хорошо, — начальник сопнул носом, как разъярённый бык. — Дальше... — он опять повернулся к монитору, словно отыскивая особо понравившийся пассаж, — А — нет,

не дальше. Раньше. При разработке плана действия ты, зачитываю: «исходя из целесообразности и сложности задачи, привлек к операции лейтенантов... так... сержантов и шестерых рядовых». Все верно?

— Так точно! — Тир сглотнул.

— Ты о...ел? Задействовать сразу шестерых — шестерых, мать вашу! — лейтенантов? Весь офицерский состав своей гребанной роты?! Тебе рядовые для чего даны? Для массовки? Жопой крутить и помпонами трясти?

— Никак нет! — капитан двинул шеей — водолозка его реально душила. — В целях... в смысле, исходя из целесообразности и сложности поставленной задачи...

— Какая на... целесообразность? — грохнул кулаком по столу майор. — Шесть лейтенантов, один капитан, четверо гребанных сержантов! В центре, мать вашу, столицы! Операция провалена, перестрелка с погонями, как в хреновом боевике, один чуть коней не двинул! Это ты называешь целесообразностью?!

— Никак нет... — просипел Тир, чувствуя себя плохо, очень плохо.

Конечно, можно и правду сказать. Мол, дорогой командир, дела обстояли следующим образом. Ты, друг мой, сам языком трепанул, куда собираешься отправить группу. И сам же озвучил, трепло, с кем там встретиться доведётся. И сам, заметь, сам, при всех, запретил Дему даже близко соваться! Я тебе говорил, что не надо этого делать? Говорил. Говорил, что сам группу сформирую, по-тихому? Говорил. А ты мне что сказал? «Тут не бабский пансионат».

С этим не поспоришь. Не пансионат. Питомник на голову больных с отмороженными яйцами тут! Рассказать, как там шестеро лейтенантов оказались? Да запросто! После того, как ты, душа моя трепливая, все выложил, Дем помчался туда, как будто ему скипидаром в задницу плеснули. И парни следом — спасать. Слава Деве, что хоть у одного из сержантов очко не сыграло мне об этом доложить. А то бы мы не перестрелку с погонями получили, а трупы в мешках. И не поручусь, что только парней.

Кто после этого орать должен?

— Ах нет? — глумился майор, — А что тогда? Может, захват заложников — это целесообразно?

— Никакого захвата не было. Раненому оказали необходимую медицинскую помощь. До Базы бы мы его не довели. Медик решала сама его сопровождать, по собственной воле.

— Молчать! — треснул по столу начальник, которого на базе никто иначе как Кабан не звал. Прозвище ему однозначно подходило куда лучше, имени данного при рождении. Кабан он и есть — Кабан. — Ты мне тут сказки не лепи, капитан! У меня уши от вашей лапши и так виснут! Как ты себе это представлял? «Дамочка, заткните моему парню дырки пальцем, а потом мы с вами расстанемся навек»? Так что ли должен был проходить твой «не захват»?

Не так. Но, опять-таки, вслух сказать нечего. Дем, линия с базы, рацию из машины выломал и выкинул на хрен. И Яр с Варом после того, как парня подстрелили, закинули его именно в эту машину. А личные передатчики... Это ж центр столицы! Так сигналы глохнут, как в жопе. Вот капитан их и догнал, когда Вар с пушкой наперевес, готовился докторшу о помощи просить.

И куда бабу потом девать было? Сразу под панелью закопать? А Дему дать, ни кому не мешая, сдохнуть? Конечно, контролируй тогда Тир ситуацию, ничего подобного он бы не допустил... Хотя, положи руку на сердце, хрен его знает, как бы он поступил.

В одном майор прав. Ни фига он не контролировал. И уже за это его не песочить надо, а

в рядовые разжаловать. Или вообще выкинуть с Базы. Сразу в крематорий.

— Ладно, — майор всосал в рот собственную нижнюю губу и отпустил ее с чавкающим звуком. — Нормально, дерьмо случается. Но дальше что за гребаный бред, капитан? Какой на хрен детский врач?

— На нас уже работают два медика-человека...

— Тут работают, на Базе! — снова грохнул по столу Кабан. — И днем и ночью — тут. Постоянно под контролем!

— Доктора Вейр тоже будут круглосуточно контролировать. Мои парни от нее ни на шаг не отойдут. А оборудовать место для приема мирного населения на Базе я не посчитал целесообразным... — вот ведь, привязалось! — Поэтому будет арендован офис в городе и...

— Какие парни, капитан? — почти прошипел Кабан, наваливаясь грудью на стол. — Какой офис? Тебе чего, гантель на башку упала? Или ты перегрелся? Или, мать твою, это у тебя, а не у меня малярия начался? Ты бы не поленился хоть одной извилиной пошевелить! Почему запрещено обращаться к человеческим врачам? И — прикинь! — обычные акшара, не бойцы, этот запрет свято соблюдают. У них дети мрут, а они соблюдают. Не знаешь, на хрена?

Вот тут даже мысленно ответить было нечего. Потому что любой тест, любой анализ — и сказочка про то, что никаких акшара в природе не существует, летит в задницу. А при современном уровне технологий она летит еще быстрее. Информация может быть сохранена на сотнях носителей. И, значит, появляется сотня шансов, что она попадет ни туда.

И надежды на то, что человеческое правительство про акшаров забыло, нет никакой. Иначе бы не делали генетический скрининг каждой беременной бабе поголовно. А ведь делают. Не орут об этом на каждом углу, но делают.

— С чего ты вообще вдруг решил, что этой докторше доверять можно? Откуда такая наивность, капитан? В детство впал?

Хороший вопрос. Чертовски хороший. Знать бы еще на него ответ.

— Она обещала оборудование за свой счет поставить. И прием вести за стандартный оклад врача...

— Ты чего лепечешь? — кажется, стол майора был специально усилен. Стандартная бы мебель давно развалилась от такого бурного и частого выражения эмоций. — Я тебе кто? Гребанный бухгалтер? Чего ты мне про зарплаты лепишь? Ты хоть понимаешь, к какой информации ты ей доступ дать собираешься?

И еще один хороший вопрос. Нет, все-таки, молодец у них майор, умный мужик. Лупит прямо не в бровь, а в глаз. Только почему-то попадает все больше по яйцам.

Помещение, которое предложил арендовать капитан, Вейр начала осматривать с некоторой опаской. Ничего хорошего она от него не ждала. Обшарпанная дверь, справа — тату-салон, слева — парикмахерская такого вида, что тут не по вечерним прическам специализировались, а по ирокезам и художественному выбриванию. И все это на первом этаже высоченного и длинного как стена, жилого дома.

Не такого, в котором сама доктор жила. Тут не было никаких торговых моллов или футкортов. Парками и скверами между этажами тоже никто не озаботился. Только дешевые, крохотные и наверняка невероятно грязные квартирки с бумажными стенами. Благосостояние местного населения можно было оценить уже по улице. Узкая, зажатая домами-стенами с двух сторон, как тисками. Асфальт выглядел так, словно по нему долго и

упорно танк катался. Никакой разметки, даже непонятно, где заканчивается сама дорога и начинается тротуар. Только впереди, кварталах в трех, на перекрестке заунывно, не переключаясь, подмигивал желтым глазом светофор.

Кругом мусор — обрывки, объедки, тряпки какие-то. Вейр не удивилась, когда вдоль стены дома прошмыгнула жирная, толстая крыса. Шмыгала-то она наверняка не потому, что от природы застенчивой была. А потому что охотников до ее крысиного мяска тут явно хватало. И это были отнюдь не кошки. Наверняка бездомный, который непрерывно почесывая сбитую в проволоку шевелюру на башке, тупо таращился на нее мутными глазами, от жаркого из крысятины не отказался бы.

Дно. Самое натуральное дно. Ниже просто некуда.

— Вы не беспокойтесь! — прищептывала старуха, громыхая ключами — самыми обычными, медными. — До вас ентот офис хорошая баба снимала. Вумная и интелехентная. От дурных болезней отвары варила и чтоб дитев не было. Или потравить дитенка, коли рожать невмочь. Гадала тожить. Хорошо гадала, всю правду как она есть говорила. Ей супруг покойный с того света нашептывал, а она говорила.

Вейр, слушая ее кудахтанье, сильно сомневалась, что это повод для того, чтобы не беспокоиться. Как раз наоборот.

— А я тута за всем приглядываю. Мине за это хозяин приплачивает. Ну, посторожить там. Или, как вам, показать что. Комнатки-то щас все больше пустуют. Тута вот и подале, где раньше кабак был и магазин со всякими штукаами срамными, — старуха мелко, трясясь, как копилочка с монетами, захихикала. — Давно пустые-то стоят, никто не въезжает. Видимо, денежки у людев закончились. А я, значит, присматриваю. Ну, убираю, канечна. Ежели вы мне приплатите, то и у вас убирать стану.

Старуха наконец открыла тяжелую, похожую на гаражную, дверь, и включила свет внутри. Опять-таки, никакого дистанционного или сенсорного управления — древний пластиковый выключатель. Лампы зажглись с легким жужжанием. Такого звука от светильник Вейр раньше никогда не слышала. Даже вздрогнула от неожиданности.

В принципе, помещение ей понравилось. И требовало оно больше тряпки с мылом, чем капитального ремонта. Вот только бабку доктор твердо решила не нанимать ни в качестве сторожа, ни в качестве уборщицы.

Ли прошла по пустым, гулким комнатам, решительно попросив сторожиху подождать ее на пороге. Бабке решительность Вейр явно не понравилась. Она даже вялые, синюшные губы поджала и, кажется, собиралась поспорить. Но после того как Дем ее оттер плечом, точнее, скорее, бедром к стене, желания защищать хозяйское имущество у нее поубавилось.

— Ну, что скажете? — поинтересовалась доктор, проведя ладонью по выступу стены и уставившись на свою руку так, словно впервые ее видела.

Ответа не последовало. Вейр подняла голову, в упор глядя на лейтенанта. Дем, рассеянно крутя головой по сторонам, не сразу засек ее взгляд. А когда заметил, растерялся. Даже пальцем в себя ткнул, уточняя, действительно ли она вопрос ему задала. Доктор утвердительно кивнула.

— А что я должен сказать? — не без насмешки приподнял бровь лейтенант.

— Вы же здесь охрану обеспечивать будете, — пожалала плечами Вейр. — Помещение вам подходит? Ну, не знаю, может вам обязательно нужно, чтобы черный ход был... Или вот меня смущает большое окно в приемной. Это безопасно?

Он смотрел на нее сверху вниз, как она только что на свою ладонь — с не меньшим

интересом и удивлением. Вдоволь налюбовавшись, лейтенант снова прошелся по комнатам, на этот раз, вертя башкой вполне прицельно. И, не торопясь, вернулся к ней. Вейр терпеливо ждала не только, когда он нагуляется, но и намолчится.

— А если скажу, что не подходит, будете искать другое? — выдал он, наконец.

— Послушайте, — доктор отряхнула испачканные пылью ладони друг от друга, и вздохнула тяжело, как великомученица, — нам с вами работать. И в какой-то мере даже делать общее дело. Будет проще, если мы с самого начала станем учитывать и соблюдать интересы друг друга. Может, я и произвожу впечатление полной кретинки. Но даже мне понятно, что вы приставлены не только как надсмотрщик, но и действительно в качестве охраны. И будущих пациентов вы тоже будете охранять. Опять же, это полностью совпадает с моими интересами. Поэтому — да. Если оно вам не подходит, то я поищу другое.

Молчал он долго, рассматривая ее, как особо редкого таракана. Ли тоже больше рта не раскрывала, но и не отворачивалась.

— Черный ход тут есть. Окно можно заложить. А остальное мне надо обсудить с капитаном. Я не знаю, кто все это будет оплачивать, — ответил парень крайне неохотно, словно делая ей большое одолжение.

— Если дело только в финансировании, то я могу частично субсидировать... В смысле, оплатить могу. Потому что мне это помещение нравится, — терпеливо ответила Вейр. — А денег у меня вполне достаточно.

— В первой комнате надо сделать пропускной пункт, — выдал лейтенант, явно, ну слишком явно проверяя ее реакцию.

Доктор с трудом сохранила серьезное выражение лица.

— Естественно, — ответила она, стараясь не улыбаться. — В госпитале, в котором я подрабатывала, была такая система, что пока открыта входная дверь — не открывается внутренняя. И полицейские сидели не только между ними, но и в холле. Мне кажется, что это вполне разумно. Но, конечно, я не настаиваю. Вы в этом понимаете больше.

Лейтенант медленно, словно у него шея затекла, кивнул. Кажется, о чем-то договориться они все-таки, смогли.

— А вы не знаете, почему это место не пользуется популярностью? Я имею в виду, почему тут помещения пустыми простаивают? — бросила она пробный шар, проверяя, показалось ей или нет.

— Здесь в последнее время много ак... — Дем осекся, словно споткнувшись, — наших селятся. А им дешевые бары и интим-салоны ни к чему.

— Поня-атно, — протянула Вейр, натягивая перчатку на руку.

Две хорошие новости. Первая, парень сдает назад и с ним действительно можно договориться. Вторая: и так не слишком высокую стоимость аренды вполне возможно еще чуть-чуть снизить. А разумная экономия, как известно, основа успеха любого бизнеса.

Дем таращился в потолок, на котором, как приклеенные, висели пятна света, пробивающиеся в щель под дверью. Глаза от бессонницы высохли и горели, словно кто-то умный кругом перец рассыпал. Но и закрыть он их не мог. На той стороне век, в темноте, его поджидал дьявол. Мудак соскучился и явно намерен был исполнить для парня новую программу. Участвовать в которой лейтенант не желал.

Мысли то и дело малодушно соскальзывали в колею «рука-тумбочка-оранжевый пузырек». Хотелось попробовать докториценного зелья, очень хотелось. Но вполне

возможно, что снотворное... А, нет — «успокоительное», вот как. Словно он нервная дамочка, успокоительное жрать. Дем усмехнулся — надо же такое придумать! А говорила, что не кретинка. Только полная дура могла такое предложить. Ему — успокоительное... Уржаться.

Только вот как эти пилюли не обзывались, они могли вполне запереть его в темноте. И вместо того, чтобы избавить Дема от дьявола, преподнесут ему лейтенанта упакованным и перевязанным ленточкой. Такое тоже бывало. Перепив, он засыпал, как вырубленный. И шоу «Выбей из мальчика дерьмо» становилось особенно красочным.

Но и дальше таращиться в потолок сил уже никаких не было. Гребанное противоречие — хотеть спать до усрачки и мучиться бессонницей. Добро пожаловать в нашу реальность! Здесь вас вывернут наизнанку и ласково укроют собственными кишками. А еще у нас есть пончики...

Дем перевернулся на бок, сунув руку под подушку. Теперь у него появилась шикарная возможность таращиться на полоску света под дверью.

Плюнуть что ли на все, прекратить заниматься мозговым онанизмом и набросать примерный план, чего и сколько ему понадобится? В общих чертах систему безопасности он накидал. И Тир ее одобрил, даже без серьезных правок. Впрочем, он может это не от избытка доверия, а потому, что сам помятым выглядел. То ли тоже не спит, то ли проблемы капитана одолевали. Хотя у кого нет чертовых проблем?

Или сожрать пару колес? Докторица, вроде как, со знанием дела говорила. Видать, у нее собственный дьявол имелся. И, может, покруче, чем у него. Устроила из квартиры гребанное кладбище. Платице-то в детской чистое было. То есть, она его стирает и обратно вешает. А бельишко кружевное, которое она, видать, для своего супруга одевала, пахло, как давно валяющаяся тряпка. Наверное, с тех пор ни-ни, монашествует. Шиза? Да полная.

Но есть в докторице что-то такое... прикольное. Там, в квартире, она же перепугалась его до мокрых штанов. Как будто он не просто рядом встал, а собирался ее растянуть прямо на ковре. Но оправилась быстро. Даже лекцию ему прочитала о взаимовыгодном сотрудничестве. Но, видать, действительно не дура. В дело, в котором ни хрена не понимает, не лезет. Мол, ты главный — ты и решай. Хотя, может это она тоже так... Чтоб он расслабился, а потом... А что потом? Да хрен знает! Кто этих баб разберет?

Он перевернулся на спину, положив руку под голову. Нет, с этим надо что-то решать. Или вставать, или спать. Время то уже... Дем покосился на часы. Охренеть! Два часа дня. Мило.

Полоску света под дверью закрыла чья-то тень. Там, в коридоре, кто-то явно стоял. Лейтенант, стараясь не шуметь и даже дыхание задержав, медленно вынул руку из-под головы и снова сунул ее под подушку, нащупывая рифленую рукоять.

В дверь тихо и как-то нерешительно постучали.

— Да? — подал голос лейтенант.

— Э... вы не спите? Или это я вас разбудила?

Та-да-да-дам! Дева из наших грез сама явилась к нам в два часа дня. Не иначе как в черных чулочках и на охрененных каблуках.

— Не сплю.

За дверью помолчали.

— А... А можно я войду?

Дем пожал плечами, как будто она могла это видеть. Не увидела, судя по тому, как

колыхнулась тень. Наверное, с ноги на ногу переступила.

— Ладно, я тогда вхожу! — оповестила его докторица.

И действительно вошла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Вид у нее был... забавный. Не черные чулки, конечно, но тоже ничего. Босая, в халате, с растрепанными, словно она усиленно ворочалась, волосами. Мечта любого мужика!

— Я понимаю, что это... странно, — она заправила прядь за ухо — нервничает. — Но мне показалось, что вы тоже не спите. Вот я и...

Дем молчал, приподнявшись на локте и глядя на нее исподлобья.

— У меня есть несколько вопросов. Я решила, что если вы не спите, то... В общем-то, их, конечно, можно оставить до утра. В смысле, до ночи... Да... Короче, пойду я, — закончила она мрачно и решительно, снова переступив на месте. — Дурацкая была идея. Извините. Спокойной ночи... Дня.

— Ты че мнешься? — подал голос лейтенант, когда она уже взялась за дверную ручку.

— В смысле? — докторша обернулась через плечо.

Лейтенант указал подбородком на ее ноги. Она посмотрела на свои босые ступни, словно не догадываясь, что там у нее внизу находится, и опять подняла голову.

— Просто пол холодный. А в коридоре я простояла... Ну, в общем, долго.

Она снова заправила волосы за уши, теперь уже обеими руками. Что перемкнуло в мозгах у Дема, он и сам не понял. Закоротило нечто неведомое — и привет. Хотя, какой с него спрос? У него крыша давно протекала.

В общем, он сел, подтягивая одеяло к животу, и кивнул на собственную кровать.

— Садись.

— Да?

Она нахмурилась, как будто не считала эту идею удачной. Но, поколебавшись, просеменила к его постели, забравшись на нее с ногами.

— Укройся.

Приказал лейтенант, царственным жестом кинув ей угол одеяла. Докторица глянула на него с явным сомнением, и завозилась, устраиваясь поудобнее. Голая и действительная ледяная ступня, скользнула по его икре. Ощущение и впрямь было не самое приятное, но Дем дернулся так, словно его током пробило. А докторша замерла сусликом, тараща на него свои глазищи. Будто ожидая, что сейчас, прямо не сходя с места, он ее и придушит.

— Я... пойду, — мяукнула она.

— Что там у тебя за вопросы были?

Дем не просто понимал, а задницей чувствовал, что все это сплошной, ничем не замутненный идиотизм. И бессонница трахает его мозги в совсем уж извращенной позе. Короче: «Детки, дружно улыбнулись и сказали: ши-иза!».

Причем докторша явно была точно такого же мнения. Но вместо того чтобы сбежать, она вдруг ляпнула:

— А вы не знаете кого-нибудь, кто наркотиками торгует?

— Чего? — вытаращился Дем.

Честно говоря, он ожидал чего угодно, вплоть до предложения скрасить бурным сексом остаток дня. Но вопрос был действительно неожиданным.

— Наркотики — это такие вещества... — зачастила докторша, как будто боялась, что он ее сейчас возьмет за шкурку и выкинет за дверь.

— Я знаю, что такое «дурь», — оборвал лейтенант словесный понос. — Тир в курсе, что

ты на этой дряни сидишь?

Теперь она на него уставилась, как будто у лейтенанта рога выросли.

— Нет... Как вы... Да нет же... Я? О, Боже!

Она вдруг расхохоталась. Спихватилась, зажав себе рот ладонью, но плечи у нее все равно тряслись. И глаза блестели. Реально — блестели. При этом брови ее как-то странно сдвинулись — домиком.

— Нет, это не для меня, — всхлипнула докторица. — Просто у меня лицензия стоматолога. Поэтому покупать некоторые препараты, которые могут понадобиться, я не имею права. А обычно те, кто наркотиками торгует, и лекарства способны достать.

Она вдруг икнула и опять зажала рот ладонью, виновато косясь на лейтенанта. Даже слабого света из-под двери было достаточно, чтобы разглядеть, как она покраснела.

— Ну, а чего я мог подумать? — пожал плечами Дем.

Сообразив, что улыбается во весь свой гребанный рот. И это тоже было новеньким. Совсем-совсем новеньким.

Глава девятая

Глава девятая

Дрель визжала так, что зубы ломило. Вейр буквально чувствовала, как от этого звука у нее глаза пучатся, словно у рака. Хотелось заткнуть и дрель, и сверлильщика. Но приходилось мириться. Лейтенант развел бурную деятельность. Рабочие, как она подозревала, все поголовно акшара, носились с резвостью тараканов, испуганных неожиданно включившимся светом. Сверлили, долбили, тянули какие-то кабели, что-то прикручивали, монтировали.

И среди этого ада черным назгулом, сложив руки за спиной, прохаживался ее охранник. Только иногда стряхивая со своего кожаного пальто мелкую пудру известки. Действительно, не поспоришь, имя ему подходило. И впрямь, Демон.

Причем, насколько врач понимала, прогуливался он не просто так. Рабочие уже зубами поскрипывали от его назойливого внимания. Он свой нос совал везде. И, особо не стесняясь, заставлял переделывать, если ему что-то не нравилось. С ним не спорили. Да и поспоришь с таким. Как глянет своими желтыми глазенапами, так и забудешь, как тебя мама назвала. Но его обстоятельность Вейр импонировала.

Было в парне что-то от волнореза — огромный, бетонный, постоянный. И, черт все побери, несокрушимый. Дурацкое слово, но лучше не подобрать.

Дрель, наконец-то, заткнулась и парень резко обернулся. Впрочем, он все делал резко, как будто что-то рубил или рвал.

Увидеть Вейр, стоящую прямо за его спиной, лейтенант явно не ожидал. Но ни вздрагивать, ни тем боле отскакивать, он не стал. Только зрачки резко расширились. Ага, опять резко.

— Я тебе кофе принесла, — тоном «хорошей девочки» протянула доктор.

Дем перевел тяжелый взгляд на стакан в ее руке, и опять уставился на нее.

— Ты выходила? — поинтересовался он, изображая на физиономии маску из разряда «смерть всему живому».

— Нет, — Вейр с трудом, но удержалась, чтобы не возвести глаза к потолку. — Свира послала.

— Это кто? — стакан, переливающийся набившим оскоминой логотипом, он брать не спешил.

— Это наш водитель. Твой солдат, насколько я понимаю, — терпеливо пояснила Ли.

— А Сиф... — он явно не договорил, оборвав себя на полуслове. Видимо, прозвище у несчастного было не слишком приличным. — Ясно.

Стакан лейтенант, все-таки, забрал. И, по своему обыкновению, забыв сказать даже «спасибо», обошел ее, отправившись куда-то к входу. Вейр вздохнула, в тысячный раз напомнив себе, что терпение — есть великая врачебная добродетель.

С того момента, как доктор в прямом смысле слова Дему в постель залезла, их отношения, вроде как, узаконились. Она тоже перешла с ним на «ты». Тем более что формализм парень в принципе не замечал. А лейтенант перестал ее доставать. В смысле, не доставать. Они уже выяснили, что это нечто другое. Ладно, он перестал себя вести как последний придурок. Оставаясь полным говнюком. Ага, свой словарный запас она значительно обогатила. Правда, пока выражалась только мысленно. Но и это помогало.

Особенно в общении с ним. Хотя польза от Дема была несомненная. И не только в плане обеспечения безопасности. Парень ее еще и с Варом познакомил, который обещал врачу достать все, что нужно. Да и советы лейтенант давал совсем не дурные. Планировщиком он оказался отменным. Достаточно было выложить исходные данные — и он на ура выдавал несколько вариантов решений. В общем, золото, а не человек. В смысле, акшара. Если бы не его характер... Машину легче руками двигать, чем с ним общаться.

— О чем ты думала, когда у меня за спиной стояла? — неожиданно раздалось сзади.

Выдержкой акшара Вейр не обладала. Поэтому и подпрыгнула самым натуральным образом, и за сердце схватилась. Хорошо, хоть кофе не расплескала — крышка на стакане не позволила.

— О волнорезе, — выпалила она, задыхаясь.

Хотелось завопить что-нибудь типа: «Ты больной?». Но не престало. В конце концов, она не девочка, чтобы задавать риторические вопросы. Конечно, больной. На всю голову.

— Почему?

«О, да потому что ты мне показался таким непоколебимым и большим. Правда, здорово?». Ответ: «Не знаю!» тоже был по-своему хорош.

— Просто у меня стройка всегда ассоциируется с морем. Звуки похожи.

Он отхлебнул кофе, глядя на нее поверх стакана.

— Ладно, — чертыхнувшись про себя, согласилась Вейр. — Ты мне показался похожим на волнорез.

— Почему?

— Серьезно, понятия не имею. Может быть потому, что ты такой здоровый?

Она описала своим стаканом окружность, пытаясь передать собственное впечатление о его габаритах. Дем кивнул, демонстрируя, что мнение врача он принял к сведению.

— У меня эта картинка с детства осталась. В смысле, впечатление. Папа меня на руках держал. И на нас шла волна. Мне она показалась огромной. Наверное, вал и был немаленьким, потому что сквозь него солнце было на просвет видно. Представляешь, зеленая стена воды? Снизу, почти черная, сверху серо-белая пена. А посередине абсолютно изумрудная стена, сквозь которую видно солнце. Мне казалось, что она разобьется о бетон, и нас засыплет осколками. Море шумело сильно. И брызги вокруг. Знаешь, как завеса какая-то. Соленые, холодные. И вот эта стена, которая все ближе, ближе... И она тоже рассыпалась и

превратилась в такие же брызги. Не в осколки, а просто в безобидные брызги. Пуф! — и нет ничего.

— И часто тебе эта волна глючится? — спокойно поинтересовался Дем.

— Не очень, — помотала головой Вейр, — Перед экзаменами. Перед свадьбой тоже. Когда Кит рожала, постоянно перед глазами была.

— И сейчас?

— Ну... Да...

Доктор потеряла ладонями плечи, как будто замерзла. И с удивлением глянула на термопак с кофе, видимо, начисто о нем забыв.

— А ты был на море?

Дем поставил свой стакан на выступ стены, развернулся и ушел. Молча. Впрочем, как обычно.

Вейр нестерпимо захотелось укунить себя за зад. Или, например, повить. Жизнь с чистого листа начиналась интересно. С неожиданных приступов тупоумия и блондинистости. Кто бы объяснил, с чего ее на откровения потянуло? А, главное, зачем? Вопрос: «С кем?» даже не задавался. Эта личность совсем не подходила для того, чтобы делиться воспоминаниями.

Возможно, ей и пора опять начать посещать психолога. Тем более что пару сеансов доктор уже пропустила. Или может сразу обратиться к психиатру?

Море бесилось. Казалось, ему тесно в его чаше, как зверю в клетке. И оно раскачивалось в слишком тесных берегах, билось о скалы, пытаясь стереть их в пыль. Высокий мол заливала холодная вода, захлестывала до колен, словно цеплялась за щиколотки ледяными пальцами, стараясь утянуть в море.

Но в этом был свой особенный кайф. Просто стоять, напрягая мускулы, не подчиняясь, не поддаваясь. Подставляя лицо ветру, щедро раздающему пощечины, и колючим, будто иглы брызгам. Втягивая в себя пропитанный йодом воздух — глубоко, до боли в лёгких.

Освобождение, очищение.

Наконец-то, очищение. Дему казалось, что он с пяток до макушки заляпан кровью ракшасов. Сколько не мойся, сколько не поливай себя почти кипящей водой, сколько не три кожу мочалкой, кровь все равно оставалась. Пусть и невидимая, но липкая, тошнотворная, грязная. Не о таком мечтал.

Думалось, что после первого своего боя он, наконец-то, почувствует себя мужиком. Ощутит небывалый прилив смелости, сил. И обязательно произойдет что-нибудь... Например, лейтенант уважительно пожмет руку и назовет «сынком». А потом они с парнями пойдут в кабак и снимут девочек. Спокойно и уверенно, имея на это полное право.

Да уж, мечтать, говорят, не вредно.

На хрен — вредно! Если бы ему кто сказал, что он перетрусит так, что яйца в задницу грется полезут, то Дем бы подготовился. Если бы кто-то хотя бы намекнул, что на спарринг в спортзале это ни сколько не похоже... Если бы кто-то предупредил, что мозги отключаются полностью... Если бы он знал, что все будет так мерзко. И грязно.

Если бы...

Ни хрена бы не изменилось, не смотря на все «если бы». Переживет. Просто еще одна проверка. Пройденная с неплохим результатом. И даже ощущение липкой грязи смывает море, позволяя дышать, а не давиться воздухом, провонявшим ракшасами. Здесь ими не

пахло.

— Блин, чудила на букву «м»! — то ли восторженно, то ли потрясенно протянул за спиной Яр.

Дему не хотелось поворачиваться. Хотелось смотреть на то, как волны грызут камни, впиваясь в него тупыми, разлетающимися тысячами брызг, зубами.

— Ты глянь, чего этот хрен творит! — пихнул ему в печень кулаком Лют.

Пришлось оборачиваться. И кто бы сомневался, что «хреном» и «чудилой» оказался Бес. Этот придурок добыл где-то доску для серфинга, явно собираясь ее опробовать. И его нисколько не смущало, что раньше он на «серфе» ни разу не стоял, а волны были размером с дом.

— Стой, урод! — рявкнул Дем.

Ветер снес его слова, заиграл их где-то между редких сосен, которыми поросли дюны. Может брат и не слышал его вопля. Но скорее всего, просто решил проигнорировать. Он согнулся, разбирая какие-то ремни, выставив хребет позвонков на тощей спине. Отсюда, с мола, Бес казался совсем маленьким — гребанным ребенком. Не длинным, нескладным подростком, как они сами, а куклой какой-то. Чертовски хрупкой куклой.

Сердце Дема куда-то подевалось, а вместо него за ребрами оказался кусок смёрзшегося льда. Который под собственным весом рухнул вниз, пробивая кишки.

Он рванул с такой скоростью, которой не добивались наставники даже с помощью стека по пяткам. Мышцы дернуло тупой болью. Но Дем только хрустнул зубами, заставляя тело еще поднажать.

Спрыгнув с мола, он так долбанулся пятками, что перед глазами звезды вспыхнули. А позвоночник, кажется, осыпался в трусы. В песке он мигом увяз почти по щиколотку, едва не растянулся во весь рост, ободрал ладони. Но выпрямился, выдирая мокрые ботинки из вязкого крошева.

— Бес, стой! Твою мать, не смей!..

Брат выпрямился, заправляя обеими руками за уши пряди, которыми играл ветер. Глаза его горели, как у кота в темноте, а щеки, казалось, сейчас треснут от идиотской улыбки.

— Ты со мной?

Добежал, успел. И согнулся, упираясь ладонями в колени, дыша как загнанная лошадь. Его собственные волосы повисли перед лицом. Вроде бы, с них даже что-то капало. Пробежка-то всего метров на сто, а такое впечатление, что не меньше пары километров отмотал.

— Ты совсем охренел, мудака гребанный? — прохрипел Дем, с трудом подняв кажущуюся чугунной голову и глядя на брата снизу вверх.

Бес даже лыбится не перестал. И глаза сверкали по-прежнему. Вот только было еще что-то...

— Давай со мной, а? Вместе, Дем? — голос брата, упавший до шепота, откровенно умолял.

— Вместе и сдохнем, — так же тихо ответил он, ошалело лупая глазами.

Чего угодно Дем ожидал. Больше всего, совета отправиться по известному адресу и не мешать. Но никак не этого просящего тона. Бес шагнул вперед, нагнулся, обхватив его ладонью за шею, ткнулся лбом в лоб. Теперь Дем не видел его лица, только волосы — его и свои, висящие занавеской на радость ветру.

— Мне страшно, брат... — Бес говорил так тихо, что ему приходилось напрягать слух,

чтобы расслышать. — Мне...ец, как страшно. Я, наверное, не смогу еще раз. Да...ть, глаза закрываю и вижу этого гребанного раксаса. Я долбанный ссыкун, Дем...

Он чувствовал, как дрожит рука близнеца на его шее. Не ладонь, а вся рука — тощие кости, перевитые сухими, как ремни, напряженными мышцами.

— И я... — выговорил Дем деревянными губами.

— Дерьмо, — прошипел Бес.

— Да уж.

Они смотрели друг на друга, стоя все также, согнувшись в три погибели. Глаза в глаза, желтые в желтые. Близо, чертовски близо. Между ними были только их волосы.

— Давай подчиним волну, а? Давай трахнем этот гребанный шторм? Не хочу я бояться. На хрен тогда все? Лучше так.

Дем молчал.

— Мы ведь сможем! Вместе — мы сможем, — ладонь брата сжалась на шее так, что позвонки хрустнули. — Или... Понял, до хрена прошу. Прости.

Он начал выпрямляться, одновременно отворачиваясь.

— Да, — ответил Дем, тоже выпрямляясь.

И отчетливо ощущая, что яйца у него от страха ромбиками становятся.

— Подчиним волну? — осклабился Бес.

— Да.

— Не слышу.

— Да!

— Не слы-ышу...

— Да, твою мать! Да! Да!

Брат заржал, словно ему только что, сию минуто, начисто снесло крышу. И тоже заорал — без слов, как будто выплескивая небу и море дерьмо, бултыхавшееся у него внутри, выbleывая его. Парни, которые, как оказалось, стояли в паре шагов от них, подхватили этот вопль, словно и их поразила бацилла крышесноса. Они вчетвером орали на пустом пляже, покрытом серым песком, пока не охрипли.

Ну, а потом они сделали это. Еле выбрались, ободренные, нахлебавшиеся воды, как щенки, ползя последние метры на карачках, цепляясь за смёрзшийся песок скрюченными в когти пальцами. Дем раньше ни разу не чувствовал себя таким пустым, как тогда, прижавшись щекой к холодной земле, будто к самой мягкой подушке. И глядя на счастливую, сбитую до крови морду Беса, как медуза, распластавшегося рядом. Да, таким пустым он себя никогда не чувствовал.

И таким свободным тоже.

Они покорили волну. И трахнули этот гребанный шторм.

Дем потер татуировку под глазом и поднял голову со спинки дивана. Чертова докторица с ее болтовней! Надо было язык распускать, мать ее... Опять сегодня не спать. Дьявол любил его память, как гребанный фетишист. Буквально кончал от радости. И трахал его мозги с особым усердием. Дем буквально видел, как он, похабно виляя задницей, радостно скалился, помахивая своей штукой. Дерьмо!

— Эй, мы к «Соло» собираемся. Не хочешь с нами прошвырнуться?

Лейтенант уставился на Деса, не сразу сообразив, что тот сказал.

— Говорю, выпить не хочешь?

Парень потянул за концы полотенца, переброшенного через шею. Его голая грудь была мокрой, словно Дес только что из душа вылез. Но, судя по всему, вылез он только что из-под штанги. Этот качек был просто фанатом железа. Зато его фигурке мог тут позавидовать любой. Да они и завидовали. Потому что терпением на самоистязание, требуемое для приобретения таких мышц, не обладал никто.

— Нет, — помотал головой Дем. — Я тут теперь как привязанный...

— Да слышал, — буркнул Дес, садясь на диван, натужно скрипнувший под его задом. — Не повезло.

Лейтенант промолчал.

— Слушай, можешь, конечно, меня послать. Но что у тебя с той докторшей?

Дем уставился на парня, пытаясь переварить вопрос. Не переваривалось. Как-то «у тебя с ней» и «докторша» укладываться рядом не желали. Никак.

— А что у меня с ней?

— Да, говорят, видели, как она из твоей комнаты выходила, — неохотно отозвался Дес, как будто из него слова клещами вытягивали.

Видимо, позабыл парень, что сам с вопросами подкатил. Бывает.

— Ничего. В смысле, ничего у меня с ней нет, — заверил его Дем.

— То есть, ты не против, если я к ней подкачу? — лейтенант покосился на него не слишком доверчиво.

Оно и понятно. Когда на сорок мужиков-офицеров приходится пять медсестричек и больше ни одной бабы, делиться своим счастьем по доброте душевной никто не захочет. Если уж именно тебе удача привалила, так будешь ее охранять, чтобы никто даже близко не подошел. Да какое «подошел»? Взгляд в сторону «твоей» женщины будешь расценивать, как прямой наезд.

— Подкатывай! — Дем хлопнул парня по плечу. — Удачи, серьезно.

И, между прочим, не соврал. Дес, в отличии от докторицы, ему нравился. Парень в их роте был самым младшим из офицеров. Наверное, потому к нему все и относились слегка снисходительно. А, может, возраст тут был не при чем. Просто рожа у него такая была. Типа «я хороший парень». Что самое странное, в данном случае содержимое полностью соответствовало обертке. Ему бы не за ракшасами бегать, а за мячиком в команде колледжа.

— Спасибо, — Дес разулыбался в тридцать два зуба так, что его уши сдвинулись к татуированному, накаченному затылку.

Ну да, затылок он тоже умудрился накачать.

Дем усмехнулся и хлопнул его по могучему плечу, пожав лапищу. Мол: «Дерзай, парень!». Кажется, дерзать тот решил немедленно, не откладывая дела в долгий ящик. Бормотнув на прощание что-то еще благодарственное, он тут же умотал.

Но не успел Дем опять откинуть голову на спинку дивана, размышляя, чем бы таким заняться, чтобы день пролетел побыстрее, кожане подушки снова скрипнули. Не так натужливо, как в прошлый раз, но тоже довольно жалобно.

И все-то сегодня хотят с ним пообщаться! Просто-таки, утро приемов, мать их. Может, список составить и время для посещения назначить?

Носа деликатно, как будто стесняясь, коснулся сладковатый аромат травки.

— Ну, а тебе какого хрена надо? — буркнул Дем, не открывая глаза.

— Да вот, решил поинтересоваться, что за...ю ты творишь, — спокойно отозвался Вар.

— А конкретнее?

— Да мне тут примерещилось, что ты Десу зеленый свет дал.

— Не примерещилось. Дальше что?

— То есть, то, что ты парнем потом будешь пол подтирать, тебя не волнует?

— В смысле?

Дем решил, что выпрямляться будет лишним. Но глаза открыл и даже башку в сторону Вара повернул. Собственно, так напрягался он абсолютно зря. Татуированная рожа вообще ничего не выражала. Кажется, парня больше всего в этом мире интересовал кулачный эспандер, который он мял пальцами.

— В прямом. Сейчас ты ему дал «добро». А когда он на нее залезет, ты озвереешь. Оно кому надо?

— Брат, кончай с тяжелой наркотой, — искренне посоветовал ему Дем. — С какого мне звереть?

— Потому что она твоя баба? — невозмутимо отозвался татуированный.

— Ох... ренел? — такое сногсшибательное предложение заставило подавиться.

— Давно, — не стал спорить Вар, — только чуют мне это не мешает. Потому и говорю: Десу твое дерьмо на хрен не упало. Разбирайся со своими проблемами сам и не вмешивай сюда других.

Вот тут лейтенант выпрямился.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я у тебя совета не спрашивал, — прорычал он, не без труда разжав кулаки.

— А у тебя вообще уши дерьмом забило. Спрашивай, не спрашивай — ни хрена не услышишь. Дем, на самом деле, хватит быть общей занозой. И так уже наворотил — не разгребешь. Так не вмешивай сюда еще и дока. Захотел — трахни. Не срастется — разбежитесь. Желаящие ее утешить найдутся. Но целку из себя корчить, а потом морды бить — не вариант.

— Слушай ты, наркоша гребанный, валил бы по-хорошему. Пока я тебе морду не отрихтовал.

— Если кулаки чешутся — валяй, — по-прежнему спокойно отозвался Вар. — Только кому от этого легче будет? Я смотрю, страдать по Бесу тебе надоело. Теперь ты тут розовые сопли решил развесить? Будь проще, брат — и другие к тебе потянутся.

— Да пошел ты! — рывкнул Дем, вскакивая.

Его трясло так, словно к пяткам какой-то шутник пару электродов сунул. И горячее желание начистить Вару рожу заливало череп обжигающим дерьмом. Где-то из дальнего уголка сознания попискивал тоненький голосок, спрашивающий, какого он так вызверился? Но рык незаслуженно оскорбленного самца его успешно заглушал.

— Я-то пойду, — кивнул головой Вар, — только ты одну штуку забыл.

— Да мне...

— Друг, ты помнишь, с какого я курить начал? — Вар поднял голову, уставившись на Дема зеленоватыми, раскосыми глазами. И постучал себя пальцем по носу. — Чтобы вонь не чувствовать. А от тебя несет хуже, чем от Яра. Только тот все, что шевелится, готов оприходовать, а у тебя встает на Дока. Так что лепить ты можешь кому угодно, но не мне. И еще раз говорю: давай без лишних осложнений, лады?

Дем хотел ему ответить. Дем очень хотел ему ответить. Только вот нечего было. По поводу своего охрененного нюха Вар никогда не врал. Потому что сам считал его не суперкрутой штукой, а колом в заднице.

Поэтому лейтенант просто развернулся и вымелся из комнаты, задев кого-то по дороге плечом — сам не заметив кого. На совет разуть глаза, он только рыкнул. Больше всего ему хотелось кого-нибудь порвать. И желания своего он скрывать не собирался. К сожалению, рядом не нашлось никого, кто бы мог его удовлетворить.

Стук в дверь заставил Вейр вздрогнуть. Ей почему-то почудилось, что это заявился ее охранник, чтобы объяснить ей что-нибудь. Или продемонстрировать. В общем, сделать что-то такое, от чего она почувствует себя совсем... фигово. Хотя настроение было и так на нуле. Весь энтузиазм от того, что работы над кабинетом движутся семимильными шагами, и совсем скоро можно будет открываться, эта лейтенантская сволочь вырубилась на корню. Только одним своим мрачным видом и внезапно обретенной — сразу после ее откровений про море — немотой.

Поэтому когда в дверь постучали, доктор испуганным кроликом замерла посередине своей комнаты. Как волосы после душа сушила — так и замерла. Даже руку с полотенцем опустить забыла. Промелькнула трусливая мыслишка, что если притвориться, будто ее тут нет, то Дем успокоится и провалится куда-нибудь. Например, в Ад. Говорят, хорошее и теплое место.

В дверь снова настойчиво постучали. Вейр пожевала щеку, бросила полотенце на кровать и пошла открывать. И чуть не заработала инфаркт. Лампа в коридоре, вмонтированная прямо напротив ее двери, свой ресурс выработала. И не столько светила, сколько добавляла теней. Поэтому фигура, стоявшая за дверью, показалась ей просто огромной. Угрожающе огромной и очень черной.

— О, Господи!

Вейр шарахнулась в комнату, схватившись за ворот халата. И запуталась в собственных ногах, едва не брякнувшись. Она бы и растянулась, не поддержи ее огромная лапища, вынырнувшая, кажется, из самой темноты.

— Э... Пугать я вас точно не хотел, — прогудел монстр.

— Но у вас это здорово получается, — чувствуя, что сердце у нее где-то в горле колотится, просипела доктор.

— Наверное, мне стоило бы извиниться.

— Наверное, — кивнула Вейр.

Они замолчали, глядя друг на друга.

— В общем-то, я только хотел узнать, как у вас дела, — Тир провел пятерней по короткому, с проседью, ежику волос.

— Не так хорошо, как хотелось бы. Но лучше, чем могло бы быть, — отозвалась доктор, ощущая себя личностью, попавшей на чай к Шляпнику.

— Да? Это хорошо. Наверное, — прокаркал капитан. — А вообще? Ну, помощь не нужна?

— Да не нужна, вроде бы. Оборудование сегодня привезли, и мы его даже успели расставить. Мебель доставят завтра. Лейтенант тоже почти закончил. Так что, еще день-два и можно начинать работать.

— Здорово! — оживился Тир. — А как Дем? Вы скажите, если он вас обижает, то...

Капитан изобразил руками нечто, очень смахивающее на отрывание головы кому-то мелкому.

— Нет! Все в порядке. Он... — Вейр заправила волосы за ухо. Что он? Заноза в заднице?

Одна огромная черная проблема? — Он вежливый и... предупредительный.

— Да?

Кажется, капитан был не уверен, что они говорят про одного и того же акшара.

— Он прекрасно справляется со своими обязанностями, — уверенно кивнула Ли. — И действительно помог мне решить несколько довольно серьезных проблем.

— Это хорошо. Но если что, то сразу говорите мне. Я ему... того.

— Обязательно.

Снова потянулась неловкая, до краев переполненная тишиной, пауза. Доктор переступила с ноги на ногу, подтянула халат, опять заправила волосы, хотя в этом никакой нужды и не было. Она не слишком хорошо понимала, чего от нее хочет Каркун и зачем он вообще пришел. Да чего там? Она вовсе этого не понимала.

Капитан повел шеей, словно воротник водолазки его душил.

— Знаете, тут неподалеку есть ресторанчик. Не Бог весть что, конечно, но мне нравится. Вот я и хотел предложить... В смысле, если у вас... То есть, если вы...

— Упс! Я кажется не вовремя?

Вейр вытянула шею, пытаясь разглядеть, кто это такой жизнерадостный объявился. Но шкафоподобный Тир заслонял собой весь обзор.

— Да нет. Это я, кажется, не вовремя, — прохрипел капитан. — Прошу прощения. И, если что, сразу обращайтесь ко мне. Спокойного дня, доктор.

— Спокойного... — растерянно протянула Вейр, начавшая подозревать, что чего-то не понимает.

Она высунулась из-за двери, проводив взглядом спину каркуна. Ей показалось, что удалялся он несколько поспешнее, чем требуют обстоятельства. А еще доктору примерещилось, будто в коридоре — там, где он поворачивал к лестнице — еще кто-то стоял. Но поручатся за это она не взялась бы. Этот «кто-то» вполне мог оказаться просто тенью.

— Я помешал, да?

Только тут Вейр вспомнила, что она здесь не одна. Действительно, прямо перед ее дверьми стоял... Ну, наверное, его можно было назвать парнем. Хотя больше всего этот мужчина напомнил доктору раскаченного пупса. Круглая физиономия с большими, какими-то детскими, глазами. Абсолютно лысый череп только добавлял ей круглоты. Широкая и очень добродушная улыбка. И явно больше центнера мускулов, готовых порвать черную майку, как перекаченный воздухом шарик.

Ах, да! Еще букет лилий. Шикарный веник белых, громадных цветов, зажатых в огромной лапище.

На лилии у Вейр была аллергия.

— А это вам! — парень, улыбнувшись еще шире, протянул ей проклятый букет.

Доктору не оставалось ничего другого, как взять цветы. Чувствуя, что глаза моментально зачесались, а в носу захлюпало, словно где-то в черепе открыли краник.

— Спасибо... — просипела она, стараясь не дышать.

Чаепитие у Шляпника? Да это просто образчик здравого смысла! Вы никогда не бывали в коридоре Базы акшаров?

— Кстати, меня Дес зовут! — обрадовал ее парень.

Действительно, представился он очень кстати. Правда, сейчас бы она запросто променяла вежливость на пару таблеток.

— Мне можно войти?

— Зачем? — выпалила доктор.

Нет, она не хотела хамить. Честно, не хотела. Парень ей, в общем-то, понравился. Но когда ты чувствуешь, что еще немножко, и все жидкости, находящиеся в твоём теле начнут настойчиво искать выход, то тут не до вежливости.

И как Вейр не сдерживалась — она, все-таки, чихнула. При этом, не успев отвести в сторону проклятый веник. И ткнувшись физиономией прямо в его середину. Тут уж слезы хлынули градом. А нос начал раздуваться, словно в него воздух закачивали.

— Все! Свидание отменяется! — рявкнул кто-то едва не в самое её ухо.

Но вот разглядеть, кто тут раскомандовался, доктор просто была не в состоянии. Но, слава Богу, чертовы цветы из её рук куда-то делись. И Вейр сделала единственное, что могла в такой ситуации — сползла по стеночке, сев на корточки и прижимая к лицу полу халата.

— Ты же сам сказал...

— Заглохни!

— Но...

— Я сказал заткнись и вали отсюда... Твою мать!

Доктор почувствовала, как над ней кто-то наклонился и, решительно взяв её за подбородок, задрал голову вверх.

— ...ять! Что этот гребанный мудака тебе сказал?!

Рев неведомого самца запросто мог поспорить с грохотом работающей турбины.

Вейр помотала головой, попытавшись объяснить, что никто ничего плохого ей не сделал. Но даже если бы она была в состоянии говорить, то ситуацию это вряд ли бы исправило. Собственно, её никто и не слушал. Подбородок отпустили. Зато рядом с ней, кажется, упала стена. По крайней мере, пол вздрогнул.

— Ну, все, Дем, ты допросился!

Второй самец орал ничуть не тише первого. И снова что-то грохнуло. А по коридору побежали слонапотамы.

Глава десятая

Глава десятая

— Успокойтесь! Оба! — рявкнул Тир.

Орали и рявкали тут многие, но, видимо, им не хватало энтузиазма. Или, может, авторитета. По крайней мере, вопить все разом прекратили. И Дем с парнем-качком, рвущиеся друг на друга, как цепные псы, тоже обмякли, поутихнув. Правда, Вейр видела, что её охранник мелко дрожит, подергивая кожей — как тогда, в спальне. Видимо, это так проявлялась его индивидуальная реакция на адреналин.

А составлять медицинские заключение было самое время. Ничего нет уместнее выводов о чужих реакциях, когда сама пытаешься вжаться в дверную притолоку, а в коридоре бушуют с десятков молодых, накаченных тестостероном по самую макушку. Точнее, бушевали то только двое, остальные просто пытались их разнять. Но веселились все.

— Что тут происходит? — опять подал голос капитан.

Молчание стало ему ответом.

— Доктор? — хрипун глянул на Ли, едва заметно двинув башкой.

Но Вейр показалось, что на неё опять направили пистолетное дуло. Даже озноб пробрал

по позвоночнику. Хотя там и так табун мурашек маршировал.

— Док? — Тир напомнил, что все еще ожидает от нее ответа.

И врач честно пожала плечами. Если бы еще ей кто объяснил, что тут происходит.

— Ясно. Дес?

— Я... упал, — неохотно прохрипел качек, цыкнув и длинно сплюнув красным.

— Ноги не держат? — скепсис из Каркуна так и сочился.

На это парень ничего не ответил.

— Дем?

Лейтенант зыркнул на командира исподлобья и явно тоже хотел промолчать. Но Тир так двинул своей кирпичной челюстью, что эта идея всем находящимся в коридоре показалась не слишком умной.

— Дес мне... прием показывал, — буркнул парень, двинув плечом, и сбрасывая чью-то руку.

— Самообороны?

— Так точно.

— За...сь, — вынес вердикт Тир. — Вам напомнить, что для этого существует спортзал? Не надо напоминать? Я рад. И буду еще больше рад, если вы перестанете падать и тренироваться в коридорах общежития. А также поскользываться в душе, не замечать косяки, запинаться о столы и налетать на кии! — повысил голос Каркун. От его слов несколько парней засмутились, как девицы, пытаясь спрятаться за своих соседей. — Меня, мать вашу, повышенный травматизм достал! Следующий, кто случайно ударится, упадет и поскользнётся, пойдет драить сортиры. Солдатские. Всем ясно?

Нестройный и не слишком уверенный хор подтвердил, что капитан выразился предельно ясно.

Тир явно хотел добавить еще что-то, но, быстро глянув на Вейр, промолчал.

— Так. Дес — к доку. А ты...

— Я обработаю, — пискнула доктор, кажется, удивляясь сама себе. И нервно стянула у горла полы халата, старательно отводя глаза от мужиков, которые пялились на нее, как на новое Пришествие. — У меня все есть.

— Замечательно, — неохотно, как показалось Вейр, кивнул головой капитан. — Все. Всем разойтись по кроваткам. Спокойного дня, девочки.

«Девочки» расходились без особого желания. И каждый считал своим долгом глянуть на доктора, жмущуюся у двери. А татуированный Вар зыркнул на нее так, что Ли едва собственным языком не подавилась. Кажется, этот ходячий кошмар искренне полагал, что в случившемся виновата сама Ли.

— Проходите, — предложила доктор Дему, придерживая рукой дверь, как будто она могла в любой момент захлопнуться.

Лейтенант, глядя исключительно себе под ноги, вошел в комнату, но садиться ни на кровать, ни на стул не стал. Прислонился к столу бедром и застыл статуей, сложив руки на груди.

Прелесть, просто. Настоящий очаровашка. Мечта юной девы.

Вейр, решительно затянув пояс халата, как будто доспехи застегнув, принесла из ванны аптечку и встала рядом с парнем.

— Если вы не присядете, то у нас с вами вряд ли что-то получится.

Он только глянул на нее и опять занялся изучением ковролина.

— У вас разбита бровь, — пришлось в очередной раз напомнить себе, что терпение является основной добродетелью. — И я до раны просто не дотянусь.

Дем, прежде чем сесть, еще немного порассматривал пол. Но потом все-таки подчинился. Вейр, наклонив голову к плечу, осмотрела поле деятельности. Кроме рассечённой брови парень щеголял еще царапиной на переносице и скулой, стремительно наливающейся шикарным пурпуром. Это если не считать в кровь разбитых костяшек.

— Зубы у вас все целы? — поинтересовалась она.

— А мы опять на «вы»? — хмуро буркнул лейтенант.

— Будем считать, что все. Терпите, сейчас будет щипать, — оповестила Вейр, вскрывая упаковку салфеток. — Когда воочию видишь, как два человека пытаются сделать друг из друга отбивную, то дружелюбие проявлять сложно. Честно говоря, я так и не поняла, что вы не поделили.

Он едва заметно пожал плечами и зашипел сквозь зубы, когда доктор, не слишком осторожничая, начала стирать с ранки кровь.

— Я же сказала, будет щипать. И как же постулат, что настоящий мужчина должен терпеть боль молча? — фыркнула доктор. — Вообще-то, тут не помешало бы пару швов наложить...

— Тебя, — буркнул лейтенант.

— Что «меня»? — не поняла Вейр, придерживая Дема за подбородок, поворачивая его лицом к свету.

— Не поделили тебя, — пояснил лейтенант.

Доктор и сама прекрасно осознавала, что выглядит не слишком умно. Ли замерла сусликом, прижав салфетку у его брови, и таращилась на парня, хлопая глазами, как кукла. Но она действительно понятия не имела, как бы по-умному отреагировать. Ну, не было в ее немалом жизненном опыте заготовок на такие вот случаи.

Зато Вейр разом ощутила, что грудью почти прижимается к плечу парня. Да и вообще она находится как-то слишком близко от акшара. Лучше бы подальше. Расстояние в километр ее бы вполне устроило. Вариант с другой планетой тоже выглядел неплохо.

— Ты покраснела, — равнодушно, как будто сообщал, который час, оповестил врача Дем.

Видимо это его равнодушие и помогло выйти из ступора. По крайней мере, Ли вспомнила, как именно надо ноги передвигать, чтобы хотя бы на шаг назад отступить.

Вспомнить-то вспомнила и даже попыталась это сделать. Только никто ей шагать не дал. Дем обхватил ее рукой, наоборот притягивая к себе. А потом комната кувыркнулась и доктор осознала, что сидит у парня на коленях. Точнее, почти лежит, упираясь затылком в стол. И только его же рука, как стальной поручень, удерживает ее от того, чтобы не сверзиться на пол.

— Что ты...

Вообще, фраза задумывалась, как «Что ты делаешь?». Но «что» вышло фальцетом, «ты» — придушенным шепотом, а «делаешь» не получилось вовсе. Потому что Вейр опять почувствовала, как летит с аттракциона вниз — на полном ходу. А внизу ее, кажется, поджидает бетонная стена.

Лейтенант усмехнулся, проведя пальцем по ее скуле, щеке, подбородку. И одним рывком пересадил на стол — перекинул даже. Навис давящей громадой, загораживая желтыми глазами потолок.

На этом реальность закончилась. Вагонетка, всего на один удар сердца замерла в верхней точке дуги и...

И помчалась вниз, с каждой секундой набирая скорость. Никакой стены там не было — лишь падение. По спирали, виток за витком, вниз и вниз. Или, может, вверх? Она и под пытками не сказала бы, где пол, а где потолок. Пространство закончилось. Вместо привычных звуков в ушах гудел прибор, а перед глазами маячила только темнота, расцвеченная зеленоватыми кольцами.

Но был запах — полынь и медь. И вкус — чуть солоноватая, чуть горчащая морская вода, подслащенная мятными леденцами. Зато тактильные ощущения усилились в разы, в сотни раз. Все тело стало резонатором, мгновенно реагирующим на малейший, даже едва ощутимый раздражитель. На пальцах — его волосы, гладкие, тяжелые, как толстые нити. На бедрах — шероховатая грубость его брюк. Горячее, ощущаемое плотно, как будто оно давило, дыхание — на шее ключицах, груди.

Врач ничего не знала о собственной груди. Она-то искренне полагала, что эта часть тела предназначена исключительно для кормления ребенка. Но грубые, как будто наждачкой ободранные ладони; жесткие и совсем не ласковые пальцы; действительно горячие, по-настоящему горячие, губы, растолковали, что ни черта она в анатомии не понимала.

Но ту же всего закручивала спираль пуговица. Медная, не слишком большая, рифлёная, наверное, пуговица на его джинсах. Именно она, зажатая телами между ее ног, подло и, как будто насмехаясь, задевала, давила, раздражала. Заставляла позвоночник выгибаться напряженной дугой, прижимаясь и к ладоням, и к губам, и к твердой, как доска, груди мужчины. Маленький кусочек металла, по собственной воле оказавшийся в нужном — или не нужном? — месте, стягивал реальность так туго, что Вейр не могла дышать. Она в прямом смысле слова захлебывалась, когда стон и вдох пробкой застревали в горле.

И именно пуговица заставила ее прийти в себя. Дем шевельнулся, чуть отстранился и Ли со всхлипом втянула воздух. Единственный вздох проморозил ее от затылка до пят, как будто внутренности ледяной водой окатило.

Что она делает? С кем? Где?! О, Боже! Главное — как?! Даже с мужем такого...

Доктор забилась, выворачивая голову, колотя кулаками по каменным плечам парня, пытаясь если не освободиться, то хотя бы увернуться. Лейтенант замер, но не отодвинулся ни на миллиметр, прижимая ее к столу.

— Почему?

Голос у него был глухой, горловой, рыкающий.

— Так нельзя, — Вейр чувствовала, что сейчас разревется. Слезы жгли глаза, как перец. — Отпусти...

— Почему?!

— Это не правильно...

Парень неторопливо запустил пятерню в ее волосы на затылке, сжал — не больно, но требовательно, заставляя повернуть голову, смотреть на него.

— Ты меня видишь?

Доктор молчала, сглатывая горькие, едкие слезы — только бы наружу не пролились.

— Ты меня видишь?!

Он легонько толкнул ее ладонью в затылок, как будто встряхивая.

— Д-да... — пролепетала Вейр.

Ли мечтала только об одном — как можно быстрее оказаться под обжигающе горячей

водой. Желательно кипятком. Может быть, он поможет избавиться от собственной грязи. Ее начало потряхивать. Возбуждение отхлынуло от кожи, осев внизу живота свинцовым, болезненно давящим комом.

— Смотри на меня! — Приказал Дем, снова наклонился над ней, так низко, что их губы почти касались друг друга. — Не закрывай глаза.

Врач и рада бы была не видеть. Только вот желтые, ненормальные, нечеловеческие глаза завораживали куда эффективнее гипнодиска.

— Подчини волну, — прошептал лейтенант, — Или утонешь.

Он отстранился, приподняв Ли. Мозолистая ладонь проехала по бедру, избавляя ее от беля. И спираль, как отпущенная пружина, раскрутилась в обратную сторону.

Дем не любил — он брал, резко, жестко. Сильнее, еще сильнее — дальше, выше, глубже. Требуя все больше и больше. До стога. До крика. До воя.

До полной потери себя самой.

До белой ядерной вспышки, в которой грязь превратилась в пепел.

А потом исчез и он.

«О, как неожиданно кончился диван!». Пожалуй, только эта мысль, крутящаяся в голове как закольцованная запись, и не дала Вейр разреветься. Фразочка, конечно, дурацкая. Но великолепно отражающая суть. Диван, в смысле сказочная реальность, закончилась очень неожиданно.

Она почти уснула, подложив под голову руку Дема, чувствуя затылком его теплое, щекотное дыхание. А спиной — грудь, широкую и твердую, как забор. И дико, невероятно, до истощающего верезга приятную. Если бы еще она могла визжать. Но то, что у нее даже и на восторги никаких сил не хватало, тоже восхищало.

В общем, пребывая где-то между облаками и Раем, Вейр почти уснула. И тут лейтенанта, который, кажется, тоже дремал, кто-то укусил. Иначе она его поведение объяснить не могла. Парень вскочил, натянул штаны, как по тревоге, схватил остальную одежду в охапку. И, бормотнув на прощание что-то среднее между: «Все было зашибись!» и «Провались ты к черту!», растворился за дверью, как призрак. В принципе, доктор даже не была уверена, открывал ли он эту чертову дверь? Вполне возможно, что в спешке парень ее не заметил и прошел насквозь.

А Ли осталась, естественно. Гоняя в башке дурацкую фразочку и обнимаясь с подушкой. Ну, и изо всех сил пытаясь не разреветься. На уговоры себя резервов уже не оставалось. Да и смысл уговаривать? Все кристально ясно. Достаточно разложить факты по полочкам.

Парень был на взводе, не остыл еще после драки. А с женщинами у них тут явные проблемы. В такой ситуации и старуха, сторожившая их офис, покажется богиней красоты и желания.

Угар прошел и адреналин схлынул. Тут-то богиня и стала той, кем была на самом деле. Не самой привлекательной теткой лет на пять старше.

Понятно, почему он сбежал, сверкая пятками. Наверное, сейчас трясется, бедный, и пытается сообразить, как бы так сделать, чтобы она на него вешаться не начала. И вот теперь попробуй все это вывернуть, чтобы утешиться. Не получается, никак.

На тумбочке длинно и мерзко зудел будильник. Вейр не глядя протянула руку, прихлопнув его, как муху. Надо вставать. Вот ведь, вроде бы и жизнь с чистого листа начала, а это проклятое «надо» все равно ее преследовало. Опять надо вставать, надо делать вид, что

ничего не произошло, надо работать, надо «сохранять лицо».

Хотя, что, собственно говоря произошло? Подумаешь, переспала с красивым мальчиком. Да если она правильно поняла то, что тут вчера творилось, таких зайчиков, оголодавших и наадреналинированных, она пачками грести может. Только вот не хочется. Смотреть, как они от нее скачут, едва голым задом не сверкая, удовольствие ниже среднего. И даже того, что до этого было, зрелище не стоит.

Будильник, словно издеваясь, снова запищал. Вейр приподнялась на локте и запустила в него подушкой, сшибив с тумбочки. Стало даже немножко легче. Как бы то ни было, а пребывание в этом самцовом заповеднике пагубно влияло на ее манеры. Вот уже и вещами кидаться начала. Скоро за посуду возьмется, позорище.

Доктор села на развороченной постели, с силой потеряв ладонями лицо. Откинула волосы за спину, собрала их в хвост и опять распустила.

«Так. Душ. Одеться. Завтрак. И за дела. И не думать».

План ее вполне устраивал. Особенно часть про «не думать». С другой стороны, в этом искусстве ей равных нет. Долгая тренировка привела к тому, что мозги отключались уже вне зависимости от ее желания. О чем вот она утром думала?

«Вот и сейчас не думай!» — рявкнула на себя Вейр и резко встала. И тут же, охнув, села обратно. Как-то таких последствий она не ожидала. Кажется, ей бы сейчасгодились ходунки, с которыми старики шаркают. Да уж, кем-кем, а нежным и заботливым любовником лейтенанта назвать было сложновато. Хотя ей, как ни странно, и не хотелось ни нежности, ни заботы. Чувствовать себя гранатой, у которой выдернули чеку, оказалось неожиданно уместно. «Приятно» — не то слово. Нет, приятно, конечно. Но то, что так было правильно, мнилось гораздо более важным и...

«Не думай!». Правильно, сейчас нужно сосредоточиться на процессе вставания. Пожалуй, можно даже и за стеночку придержаться, ничего позорного в этом нет. Тем более что никто и не видит. А там, шагок за шагком, добраться до душа.

Втянув стонущее, будто его ногами пинали, тельце в кабинку, Вейр отвернула кран до упора. И чуть не вылетела из под хлещущих струй, когда на голову обрушился почти кипяток. Но сдержалась, вцепившись в поручень обеими руками. Это было именно тем, что сейчас требовалось больше всего. Кожу с себя не стянешь и наизнанку ее не вывернешь, даже и очень хочется.

Не думать, не думать, не думать! Ни про то, как он сбежал. Ни про Вэла, которому изменила первый раз. Собственно, он был первым и единственным мужчиной в ее жизни. А теперь она...

Нет, думать нельзя.

Потянувшись, Ли взяла мыло и, стараясь даже краем глаза не задеть собственное отражение в зеркале, начала медленно намыливаться, заодно и массируя натруженные мускулы. Странно, все-таки, почему спина, ноги, бедра и шея болит, она понять могла. Но вот руки-то из-за чего тряслись? Вроде бы, ничего Вейр такого не делала. Если только...

Нет, об этом думать тем более нельзя. Запрещено! Красный свет! Запереть и спрятать в чулан. Не хватает только обсасывать, что она вытворяла. Может быть, парень еще и поэтому удрал? Не ожидал от нее такой прыти? Наверное, думал, что она порядочная женщина...

Доктор застонала сквозь стиснутые зубы, упершись лбом в нагретый кафель. Да что это такое? Как только ей кажется, что жизнь более-менее приходит в норму, все опять несется к чертям, разлетается на осколки. Права мать, тысячу раз права! Она сама во всем

виновата. Не желая думать о последствиях, Вейр самостоятельно все доводила до абсурда. А потом рыдала, что опять криво получилось. Сколько можно-то? Пора бы уже и взрослеть.

Все, с нее хватит. Прошлого нет. Его вообще нет. Даже вчерашнего дня нет. И теперь, вставая утром, она, перед тем как зубы почистит, будет забывать то, что было накануне.

Вейр протерла запотевшее зеркало ладонью и усмехнулась собственной красной, распаренной физиономии. Хорошее решение. Действительно, хорошее. С одной поправкой. Вставая не утром, а вечером. Теперь она дитя ночи.

Доктор оскалилась, попытавшись изобразить вампира. На ее собственный вкус получилось что-то больше смахивающее на мокрую, взбесившуюся хрюшку. Н-да, вампир из нее тоже не получился.

Ну, значит, получится врач. У которого нет ни вчера, ни личной жизни, ни личных трагедий. Хороший план. Очень хороший план.

Все было как всегда. Дем ждал ее у машины, застыв в позе футболиста. На ее: «Добрый вечер!» лейтенант только кивнул. Вообще-то она ожидала, что парень уже успел сбежать к Тиру и убедить, что доктору нужен другой охранник. Против такого расклада Вейр ничего не имела. Но то ли капитан ему отказал, то ли Дем никуда сходить не успел. Наверное, тоже терзался извечным вопросом: «На фига я это сделал?». Впрочем, усугублять ситуацию врач не собиралась, спокойно сев в машину. Точнее, почти сев, потому что ее окликнули. Между прочим, капитан собственной персоной.

— Док, вы не могли бы съездить к ребенку? После того, как со своими делами разберетесь, понятно, — старательно глядя куда-то в сторону, попросил Каркун, по своему обыкновению забыв поздороваться. Вежливость на Базе была не в чести. — Понимаете, у одного из наших... В общем, сын заболел. Там ничего серьезного, просто кашляет пацан давно. А к вам напрямую обратиться постеснялся. Вот и... Не съездите?

— Добрый вечер, капитан, — мило улыбнулась Вейр. — Естественно, съезжу. Я, вроде бы, для этого тут и осталась, правильно? Только мне надо аптечку захватить и...

— А я того... принес.

Тир одной рукой провел по волосам аж два раза к ряду, а второй протянул Вейр ее собственную сумку, которую врач приспособила под «переноску». Насколько помнила доктор, в последний раз она видела эту сумку стаявшей рядом со столом в ее комнате. Дверь в которую Ли закрыла. А ключ от нее до сих пор находился в кармане. Магия акшаров в действии? Не иначе.

— Адрес я Дему скажу, — Каркун переступил с ноги на ногу, как медведь-шатун. Ему явно было неловко. — Лейтенант, на пару слов...

Мужчины отошли за столб, поддерживающий крышу парковки. Видимо, адрес заболевшего ребенка был страшной тайной. И, наверное, для того, чтобы запомнить, капитан решил ее выбить на бетоне. Так как до Вейр явно донесся глухой удар, как будто что-то приложили об опору. Или кого-то.

Свир, сидящий за рулем, крикнул и почесал кончик носа, покосившись на доктора.

— Вы не переживайте, — посоветовал он, барабаня пальцами по рулю. — У нас ведь всегда так. Если где что-то случится, то через пять минут вся База в курсе. А бывает, что все в курсе еще до того, как случится.

— А у меня есть повод переживать? — поинтересовалась Вейр.

Парень опять покосился на нее и пожал плечами.

— Да нет... Наверное. Это я так, вообще. В общем, того...

Доктор кивнула, соглашаясь с этой удивительно глубокой мыслью. Уши у нее горели, как будто к ним по утыгу приложили. Наверное, даже светились в полумраке гаража. И посылали все попытки выглядеть невозмутимой в далекий космос.

Бубнящий, невнятный голос, доносящийся из-за колонны, вдруг набрал обороты, постепенно переходя в рык.

— Я сказал, а ты слышал, лейтенант! Если ты девчонке... — Тир опять понизил тон, оставив слушателей в неизвестности, что и за что он собирается сделать.

— Да пошел ты, капитан! — рявкнул Дем.

И опять глухо, но весомо ударило.

— М-да, дисциплина на уровне, — пробормотала Вейр, разглядывая собственные ладони, чинно сложенные на коленях.

— Так у нас же не армия, — усмехнулся Свир, — Нет, понятно, что порядок должен быть. Но строим шагать как-то не с руки. Этим пусть люди занимаются.

— А что у вас? — заинтересовалась Ли. — В смысле, если у вас не армия, то что тогда?

Солдат пожал плечами, как будто никогда раньше об этом не задумывался.

— Да может Дева знает. Ну... просто с ракшасами бьемся. И защищаем мирных. Типа того.

Действительно, типа того. Но не армия, стоит учесть.

— А как же субординация? Уважение к старшему по званию или как это у вас? По должности?

— Че не так с уважением?

Свир даже развернулся к ней, так его вопрос удивил.

— А все так? То есть, вы можете старшего открыто посылать и все нормально? А мне казалось, что без авторитета командовать подчиненными сложно.

С насмешкой Вейр явно переборщила. Конечно, дикие люди... В смысле, дикие акшара. И принципы администрирования им неизвестны, в университетах не учились. Но и демонстрировать свое собственное превосходство — это дурной тон. Они же, в конце концов, в своей необразованности не виноваты.

— Без авторитета, конечно, сложно, — полностью согласился с ее доводами водитель и даже головой покивал в подтверждение. — Только при чем тут это и посылание? Нет, ну если тебя послали и тебе не понравилось, так дай в морду — и всех дел. А так... За каждое слово что ли рыло рихтовать?

С такой точки зрения Вейр вопрос рассмотреть как-то не догадалась.

— А не проще запретить посылать? Тогда и бить никого не придется.

Уже задав вопрос, она поняла, что сформулировать его стоило получше. Звучало это как-то странно. И не слишком убедительно. А судя по физиономии Свира, которого ее вопрос явно повеселил, не только доктору довод показался малоубедительным.

— Ну, конечно, можно и так. Только где тут уважение-то? Я вот, например, знаю: лейтенант — мужик конкретный. Если что не по его, то он и навесить может. Но, с другой стороны, зазря он руки не распускает. Конечно, Дем заводной. А после того как... — солдат откашлялся. — В общем, когда у него кулаки чесаться начинают, то он не нам пи... э-э-э... пинков раздаст, а находит кого-то такого же.

— Конкретного? — уточнила Вейр.

— Ну, типа того. Вот Вара там или того же капитана. Они друг дружке навалиют — и

все довольны.

— Красота! — восхитилась доктор. — Только я так и не поняла, при чем тут уважение.

— Нет, ну это тут точно не при чем. Уважение-то оно по-другому. Вот вы мне скажите: «Уважай какого-нибудь там и не смей на него варежку открывать!». Я сразу спрошу: «А за что я должен его уважать-то?». С лейтенантом тут все понятно, я его знаю. Сам он, бывает, по дури вперед лезет. Но вот нас просто так не дергает. Всегда сначала пять раз подумает, а потом приказ отдаст. Бережет он солдат, понятно? Себя — нет, а нас — да. Есть за что уважать? Есть. Но это же не значит, что я на него даже твякнуть не смею. А если меня заест? Чего, молчать в тряпочку?

— А он в морду, да? — усмехнулась Вейр.

— А как же. Естественно, в морду! Не без того.

Свир разулыбался в тридцать два зуба, как будто она что-то действительно смешное сказала.

Но глянул куда-то ей за плечо, и уселся на своем месте ровно, уставившись вперед с непробиваемо-каменным выражением на лице. Доктор обернулась. Естественно дело было в том, что из-за колонны вышел Дем, поправляя на ходу пальто, припорошённое серою пылью. Выражением физиономии он вполне мог посоперничать с водителем.

Самцы.

Они уставились друг на друга, набычившись, наклонив голову, буравя взглядами исподлобья. У Акра глаза покраснели от вечного недосыпа. Белок стал не синевато-синим, а грязно-розовым. И от этого мужик только сильнее походил на упыря.

Страшный он, на самом-то деле. Одна рожа, изъеденная корявыми шрамами кислоты, чего стоила. Казалось, что его лицо уже кто-то пожевал. Но, так и не дожевав, выплюнул. Кожа бледная, сизовато-черная, как у мертвеца. А на ней белесые, напоминающие вздувшихся опарышей, рубцы.

Даже на улицы лэр[1] старался не выходить. Со своей мордой он за нормального человека не мог сойти даже в самых дерьмовых кварталах столицы. Только вот Гэру было глубоко насрать и на его морду, и на грозные взгляды тоже. Свое он отбоялся.

— Я сказал «нет», — глухо, как будто в подушку, рыкнул Акр. — Я сказал, а ты услышал.

— Услышал. Но не всосал.

Гэр наклонился над столом еще ниже, уперев в столешницу оба кулака, сжавшиеся до тонкой кожи на костяшках. Он ухмылялся, показывая крупный клык. Ракшас прекрасно понимал, какое впечатление производит. Да что там понимал! Он всю мимику старательно перед зеркалом тренировал. И охотно своими умениями пользовался.

Только вот его лэр лишней впечатлительностью не отличался. И гримасы парня, которого сам из щенков выпестовал, его не пугали.

— Ну, так всоси, — посоветовал Акр и откинулся на спинку стула, устало разминая жилистую, перевитую венами, шею. — Иначе... Сам понимаешь, не маленький. Мне оборзевшие псы ни к чему. Знаешь, что с бешеными кобелями делают?

— В курсе.

Висс[2] тоже выпрямился, но расслабляться не стал. Сидел, как будто у него позвоночник не гнулся, спрятав сжатые кулаки подмышки. И сверля взглядом ободранную бетонную стену за плечом Акра. Раз лэр перешел от давления к разговорам, то решение уже

принято и пересмотру не подлежит. Но его воспитатель, в отличие от остальных, на голую силу и авторитет не полагался. Всегда пытался убедить, объяснить.

Да и хрен с ним — Гэр может и послушать. Теперь-то он точно никуда не спешил. Может, чего умного и узнает. Хотя в это висс и сам верил мало. Его убежденность не от расчета шла. Точнее, не только от нее — расчет-то на поверхности лежал. Но просто он еще и задницей чуял свою правоту.

— Ты думаешь, один такой умный? — поинтересовался лэр, зеркала его позу — кулаки подмышки. — Да двадцать раз уже говорили, что стоит перенять человеческий опыт. И все дерьмо, которое ты тут предлагал, уже пережевывали. И захват заложников, и провокации, и взрывы. И в том, что это можно прикрыть выходкой каких-нибудь гребанных экстремистов, говорили тоже. Не в том суть, что ты не туфту гонишь. А в том, что нам этого сделать не позволят.

Акр мотнул подбородком, указывая куда-то вверх. Словно тот, кто не позволит, к потолку прилип.

— Нет проблем, — оскалился в ухмылке Гэр. — Они нам не позволят, а мы и дальше будем сидеть на жопе ровно. Давайте, чего уж там? Туфту тут не я гоню. Не ты ли вдалбливал, будто мы на свет появились, чтобы этих ублюдков мочить?

— Я, — спокойно кивнул головой лэр.

— Ну, и как успехи? Какой у нас там счет за полгода? Да и про размен не забудь. Каждый акшара чуть ли ни к одному нашему идет.

— Драм не устраивай, — посоветовал Акр, поморщившись. — Хреновый из тебя актер. Счет все тот же, за последние десять лет не изменился.

— Вот и я о том же. Если мы дальше будем сиськи мять и не изменится.

— Гэр, не лезь туда, куда тебя не просят. Ты ни хрена в политике не смыслишь и...

— Да имел я вашу политику... — висс, презрительно задрав губу, как будто сплюнуть хотел, доходчиво объяснил, как, каким образом и в каких позах он сношался с политикой.

— Все сказал? — внимательно выслушав тираду, спросил Акр, сдвинув безволосые брови. — А теперь уясни или еще лучше наколи на своем гребанном лбу. Если ты хоть задницу свою почешешь без моего разрешения, я самолично твою башку разнесу к чертовой матери. Это ясно?

Гэр, снова набычившись, молчал.

— Не слышу ответа, — напомнил лэр. — Я спросил, тебе это ясно?

— Ясно, — неохотно отозвался ракшас.

— А раз ясно, то вали отсюда. И не суйся туда, куда не просят. Ты рядовой убийца, а не хренов стратег.

Висс, недовольно прицокнув языком, поднялся, небрежно козырнув Акру двумя пальцами и вышел. Горячо пожалев, что недавно все двери в Норе заменили сенсорными, которые, отъезжая, прятались в стенных щелях. Такой не грохнешь от души. А раздражение спустить стоило. Иначе оно грозило снести черепную коробку, рванув, как перегретый пар.

— По морде не скажешь, что тебе понравилось, — хохотнула Ран. — А я думала, что лэру ты с радостью дашь даже без вазелина.

Телохранильница Акра развалилась в кресле, закинув ноги на секретарский стол и едва не задевая тяжелыми сапогами испуганно помаргивающий монитор. Ей явно было скучно.

Висс, приостановившись, чтобы прикурить сигарету, продемонстрировал ей одинокий

палец. Ему скучно не было. Но от профилактического мордобоя парень бы тоже не отказался.

Ран скривилась, кивнув на закрывшуюся за спиной Гэра дверь.

— В следующий раз, малыш! — пообещала она нежно. — Ты у меня в очереди первым будешь.

— В твоей очереди я даже сотым не стану, — хмуро отозвался висс. — Через тебя вся стая прошла.

Он выдохнул в потолок длинную струйку дыма, раздумывая: на кой хрен он только что это ляпнул. Во-первых, касса[3] даже по их меркам считалась на всю голову от мороженой. А, во-вторых, против нее лично Гэр ничего не имел.

— Ладно, остынь, — ракшас хлопнул начавшую вставать Ран по плечу. — Это я со зла. Психанул.

— За такие психи яйца отрывают, — буркнула касса, садясь обратно. Гэра — за его спиной, естественно — иначе как «больным уродом» не называли. И никаких личных претензий у ракшасы к нему не было.

Висс коротко кивнул, словно соглашаясь с ней, и окончательно покинул берлогу наставника.

Решение он принял, положив большой и толстый на все запреты. Плевать, что ему там оторвут и на уши наматывают. Лучшее доказательство правоты — это наглядная демонстрация. И если старперы, наловчившиеся подлизывать человеческий зад даже во сне, и не оценят, то такие как сам Гэр поймут и возьмут на вооружение.

В конце концов, прав тот, кто сильнее и он же устанавливает правила. Но, сидя в Норе, мускулами не обростешь. Диктовать можно только на своем игровом поле. А он — висс — становится ферзем там, где война идет.

[1] Лэр (ракш.) — вождь, глава рода.

[2] Висс (ракш.) — воин-одиночка.

[3] Касс (ракш.) — кровный должник (по сути, телохранитель и слуга).

Глава одиннадцатая

Глава одиннадцатая

Интерком пискнул пронзительно, даже истерично. Ли едва на месте не подпрыгнула, рассыпав по полу упаковки с бинтами. Кокетливый голосок Най загрохотал под потолком кабинета, как труба, оповещающая, что Армагеддон наконец-то настал.

— Доктор Вейр, тут к вам посетители. Примите? Или сказать, что мы пока не работаем?

Врач чертыхнулась под нос, кинулась собирать рассыпанные пачки, бросила и метнулась к столу, нажимая кнопку соединения. При этом почему-то пытаясь дотянуться до валяющихся упаковок. Хотя было понятно, что от стола их достать нереально.

Неладно что-то в нашем королевстве... Хотя, почему «что-то»? Нервы, чтоб их!

— Какие посетители, Най? — отозвалась Вейр, кажется, слишком резко. — Откуда они взялись?

— Пришли, — безмятежно сообщила девушка, она же единственная медсестра и секретарь в еще не открытом офисе педиатра всего акшарского народа. — Сказать, чтобы потом заглянули?

— Най! — Ли пожевала собственную губу, покосилась на бинты, сиротливо белеющие на полу, глубоко вздохнула и села в кресло. — Пусть проходят.

— Хорошо, доктор Вейр.

Рыжую сестричку из состояния душевного покоя, кажется, не могло вывести ничего: ни гневные вопли начальства, ни пожар, ни цунами. Вот ведь счастливый характер у девчонки! И никаких нервов.

Ли, слишком резко клацнув по клавише, вывела на монитор изображение с камеры собственного кабинета. Убедившись, что вид у нее по-прежнему бледный, но волосы дыбом не стоят и лицо, по крайней мере, чистое, доктор села ровнее. Натянув на лицо выражение: «Я вас внимательно слушаю».

Дверь, деликатно пошипев, отъехала в сторону, впуская в докторский кабинет посетителей, которых оказалось неожиданно много. Впереди шел, судя по габаритам, акшара. Но Ли впечатлили не рост или плечи, шириной не на много уступающие росту. А его взгляд. Смотрел мужчина напряженно, хмуро и даже враждебно. Он явно хотел оказаться где угодно, но только не здесь. И сама доктор ему активно не нравилась. Это было несколько странно, потому что врач этого «гостя» совершенно точно видела первый раз.

Вслед за недружелюбным мужиком вошла женщина. У этой посетительницы внимание привлекал не взгляд и не внешность, а одежда. Вейр уже встречала такой наряд. Но где и при каких обстоятельствах вспомнить не могла. Наверное, просто мельком где-нибудь на улице «зацепила». Не заметить подобные одеяния было просто не возможно.

Подол платья визитерши едва ли не мел пол, а узкие рукава почти наполовину закрывали пальцы. Воротники прятался под задрапированным краем платка — или это стоило уже назвать покрывалом? — повязанного вокруг головы и шеи так, что видно было только лицо, как будто обрамленное темно-синей тканью.

При всей своей странности и строгости, одеяние пощипывало мелкой завистью женскую любовь к тряпкам. Сшитое из легкой, матово-переливающейся, словно по нему волны ходили, ткани оно настойчиво вызывало ассоциации и с принцессами, и с Непорочной Девой одновременно. И женщина в нем выглядела нездешне возвышенной.

За спиной посетительницы Вейр едва смогла разглядеть ребенка — девочку, испуганно жмущуюся к ногам визитерши и вцепившуюся в ее подол так, что ладошка оставляла на синем шелке мятые следы.

Завершал процессию солдат, карауливший входную дверь. Ли казалось, что этот охранник был смешливым и, пожалуй, чересчур молодым, пареньком. Совершенно не подходящим на роль солдата. Сейчас бы она такого не сказала. Видимо, у всех акшара Базы в голове находился ма-аленький рычажок, переключающий из положения «нормальный» в режим «боевой робот».

— Ты что ли новый док будешь? — хмуро поинтересовался мужик, скривившись, как будто сплюнуть хотел.

— Я, — кивнула Ли, — откидываясь на спинку кресла. — Поскольку вы на ребенка явно не похожи, то попрошу покинуть мой кабинет. Ваша жена и дочь, конечно, останутся.

— Она мне не жена! — нахмурил кустистые брови посетитель так, что они нависли над глубоко посаженными глазами, как волосатые карнизы.

— Я искренне за нее рада, — мило улыбнулась Вейр. — Дверь за вашей спиной.

— Женщина, ты как со мной разговариваешь? — разбуженным медведем взвыл посетитель.

— Примерно так же, как и вы со мной. Я прекрасно понимаю, что вы мне не доверяете. Вероятно, опыт общения с врачами у вас минимальный. Тем более что я не только женщина, но еще и человек. — Ли сцепила пальцы в замок, положив их на стол и слегка наклонившись вперед для убедительности. — У нас с вами два выхода: вы разворачиваетесь и уходите, теща собственные предубеждения. Или спокойно дожидаетесь в приемной, давая мне возможность помочь вашей дочери. Что выбираем?

Мужчина замялся, глядя на нее странно, искоса, как недоверчивый пес. Но время на размышления врач ему давать не собиралась.

— Прекрасно, значит, мы договорились. Проводите посетителя в холл, и пусть Най предложит ему кофе, — кивнула доктор охраннику. — Проследите, пожалуйста, чтобы во время осмотра нас никто не беспокоил.

Мужик, кажется, с ее решением согласен не был. Он даже рот открыл, видимо, собираясь поспорить. И тут же закрыл, стоило солдату положить руку ему на плечо. Это тоже выглядело несколько странно, потому что охранник был как минимум на полголовы ниже заботливого родителя и минимум в два раза стройнее. Но, видимо, среди мирного населения акшара авторитет обитателей Базы был непоколебим.

— Зря вы это, — женщина подола голос только после того, как дверь за охранником и упирающимся папашей закрылась, и громко щелкнул запершийся замок. — Наши мужчины не привыкли, чтобы женщины так разговаривали.

— Придется им привыкать или обходить мой кабинет стороной, — хмыкнула Ли, указывая на кресла перед своим столом. — Акшарская брутальность мне порядком надоела.

— Собираетесь устроить феминистический бунт? — улыбнулась посетительница, усадив сначала девочку, которая смотрела на доктора с таким изумлением, что смахивала больше на лемура, чем на ребенка.

— Боже меня упаси! — фыркнула Вейр. — Но и изображать собой безропотную мужскую тень тоже не собираюсь.

— Вы ошибаетесь на счет наших правил, — улыбка женщины стала еще шире, от чего в уголках ее глаз появились лукавые морщинки. — Для любого акшара женщины и дети — это главная ценность. Мужчины защитники, опекуны. Но, соответственно, и доминанты. Согласитесь, что сложно защищать того, кто постоянно противоречит тебе. Да и опекать равного как-то... странно.

Ли скептически приподняла брови, но ничего не ответила. В принципе, их уклад был понятен. И даже имел шанс на существование. Вот только сама Вейр ни в опеке, ни в защите не нуждалась. Поэтому и правила местных игр принимать не собиралась.

— Кстати, меня зовут Неж, — несколько некстати представилась посетительница. — Я что-то вроде местного социального работника. У Мил нет матери, а отец настоял, что позволит осмотреть дочь только в присутствии взрослой женщины.

— Неж? — удивилась врач. — Что-то ничего в голову не приходит... Простите, это, наверное, не слишком уместное любопытство. Просто мне нравится «разгадывать» ваши имена. Конечно, если вам неприятно, то вполне можете не отвечать.

— Мне ваш интерес вполне понятен. Это сыновьям дают сильные имена, а дочкам наоборот. Меня зовут Нежная, а ее — Милая.

Женщина легко, наверное, сама не замечая этого, но как-то очень заботливо, провела ладонью по плечу девочки. Ребенок, словно кошка, потянулся за ее рукой. Но тут же села прямо, выпрямившись и сурово насупив мордашку.

— Спасибо за разъяснение, — Вейр едва сдержалась, чтобы не улыбнуться.

Выглядело это действительно трогательно.

На ракшаса они напоролась в прямом смысле этого слова. Если бы солдат буквально не влетел в черного, как в столб, то акшара прошли мимо, ничего не заметив. В общем, получилось все не слишком хорошо.

В тесном, скособоченном каком-то переулке, заметно забирающим влево, темно было как у того же ракшаса в заднице. Белесый свет Луны только лизал верхушки стен каменного ущелья. Поэтому пробираться приходилось едва ли не на ощупь. И фонари, понятно, никто не включал. Патрулирующая боевая тройка в полной выкладке — это не то зрелище, которое хочется продемонстрировать людям. Да и свет в таких условиях не столько бы помогал, сколько маячил сигналом: «Ау! Я здесь! Приди и возьми меня нежно!».

Поэтому приходилось доверять больше ушам, чем глазам. Приглушенный, как будто из-под земли, но такой родной шум «Соло» направлял не хуже локатора. Собственно, Дес и пошел именно с этой тройкой, потому что они патрулировали район рядом с кабаком. Лейтенант хотел выпить. Нет, не сказать, будто пара рюмок во время дежурства одобрялась командованием. Но когда душа очень просит, то можно.

А душа парня не просто просила — она умоляла, ноя, как гребанная плакальщица. Хотя, вполне возможно, что это не душа стенала, а жестко трахнутая гордость. Днем с заливкой сердечного пожара алкоголем Дес обломался. Капитан, провожающий патрули самолично, вряд ли бы похвалил лейтенанта, которого мотыляет от стены к стене. Поэтому пришлось потерпеть до ночи.

И вот когда группа уже почти добралась до заветной цели, Сил, земля ему пухом, а облака одеялом, влетел в ракшаса. Естественно, сначала-то никто и не понял, что это за хрип такой из темноты. Но уж когда Дик забулькал — стало все кристально ясно. Характерный такой звук получился, узнаваемый. Как будто слив жадно высасывал остатки воды из раковины. Так можно только вскрытым горлом пузыри пускать.

Черная морда появилась перед Десом неожиданно, как будто сама темнота решила оформиться в нечто материальное — тускло поблескивающие белки глаз и оскаленные зубы. Что там собирался сделать ракшас, лейтенант разбираться не стал. У него только и успела мелькнуть мысль, что выпивка накрылась медным тазом. Придётся теперь вызывать группу зачистки. Два мертвых акшара — это тебе не пописать.

Злость вынырнула откуда-то из-под ребер маслянистой тенью, мгновенно затопив череп. Из песни слов не выкинешь: психанул Дес не столько из-за потери бойцов, сколько из-за не выпитых рюмок, когда счастье было так возможно.

Так или иначе, парень рванул вперед, пригнув выбритую до гладкости бильярдного шара голову, и облапил черного уродца, со всей страстью прижимая его к своей могучей груди. Ракшас придушенно пискнул, словно мышь, которой ловушкой хребет перебило, дернул плечами, пытаясь освободиться. Да куда там! Папа лейтенанта стальные трубы в узел завязывал. А вот сам Дес мог из них бантик соорудить. Поэтому скелет уродца затрещал, как карамелька под зубами.

Акшара взвыл, выдав из могучего горла нечто среднее между бычьим ревом и волчьим воем. Он почти уже ощущал, как хребет черного ломается под его пальцами, складывая тело пополам.

Как нож вошел ему в бок почти по самую рукоять, лейтенант не заметил. Только вот

урод вдруг куда-то делся, протек между руками, словно вода.

Как ни странно, но на самом деле Дес дураком не был. Ракшаса лейтенант дожидаться не стал. Метнулся в сторону, низко пригнувшись, уходя от возможного удара. Но бить его никто и не собирался — собственное тело предало. Разом, в одну секунду парень перестал чувствовать все, что находилось ниже брючного ремня. Как будто кто-то пучок проводов лезвием перехватил.

Ноги, отключенные от мозга, сами собой пробежали несколько шагов вперед. А потом громадное тело завалилось на бок. Дес попытался уцепиться ногтями за стену, но ничего путного у него не вышло — только ногти сорвал, плашмя падая навзничь.

Для того чтобы перевернуться, усилий потребовалось не меньше, чем опрокинуть машину. Грузовую. Лейтенант прижался щекой к асфальту, открыл рот, позволяя слюне стекать, как у дебила. Просто глотать было больно. Почему-то болело именно в горле — больше нигде. А еще мешал приклад собственного автомата, каким-то чудесным образом оказавшийся точнехонько под виском.

В переулке стояла тишина, забивающая уши, словно ватными берушами. Со слухом ничего катастрофического не случилось. Просто из относительно живых здесь остался только Дес. И наушник рации, видимо, выскочил во время свалки. Собственно, микрофона парень тоже не чувствовал. Наверное, сломал, когда падал. А вот это было совсем хреново. С Базой стоило связаться. Как в таких случаях говорят? Чего бы это не стоило?

Ну, стоило это не так много. Нужно только достать из кармана на штанах «мобильник». У Деса хорошая модель была, противоударная. Он лично проверил, сыграв как-то телефоном в футбол. Ничего, работал.

Но для того чтобы достать телефон, необходимо или ногу к животу подтянуть, а своих нижних конечностей парень не чувствовал совершенно. Либо руку опустить, которая, казалось, отлитой из чугуна. И гибкостью обладала примерно такой же.

Матерился Дес под нос, а парню казалось, будто его голос отражался от стен переулка, отдавался эхом, гулял, возвращаясь в уши набатом. Но ругань как будто помогала. Лейтенанту даже приглючилось, что если он заткнется, то его собственная грабля обратно — к лицу — никогда не вернется.

Но, все же, он сумел сделать и это. Только вот сердце замерло, пропустив удар — экранчик не светился. Дес не выдержал — завыл сквозь стиснутые зубы. Заскулил даже. Черт, ну это, серьезно, было уже слишком! Мало того, что с докторшей ни хрена не получилось. Мало того, что он так и не выпил, прежде чем его грохнули. Так теперь еще и такая лажа! Всех ведь подставил, сукин сын. Прав был отец: на Базе, а, тем более, в лейтенантах, Десу делать нечего. Раскаченные мускулы не гарантируют наличие мозгов...ля, обидно. Он надеялся доказать родителю, как тот неправ.

Бравому акшара показалось, что он самым позорным образом заревел — по лицу текло теплое, липкое. Вот только утереться парень не мог. Все, силы кончились, лимит исчерпан. Лейтенант попытался проморгаться... И сообразил, что ни черта не видит. Даже лунного света на крышах домов — не видит. Дело было не в телефоне. Просто его собственное гребанное зрение помахало ему ручкой.

Наверное, такая новость должна была расстроить. Но Дес наоборот почувствовал такое облегчение, что был не уверен — не намочил ли он собственные штаны. Но такие мелочи его не интересовали вовсе. В конце концов, не насрать ли в каком виде обнаружат твой труп? В любом случае зрелище малоприятное.

Дес на ощупь нашел кнопку, нажал ее, запуская автодозвон, и уронил телефон рядом с собственной щекой. Вроде бы, лейтенант улыбался. Хотя, повод имелся. Окончательно он, все-таки, не облажался.

Дем сидел перед монитором, вытянув скрещенные в щиколотках ноги. И занимался очень плодотворным делом — щелкал пальцами. В принципе, он следил за камерами наблюдения, демонстрирующими лейтенанту вход в офис, холл, в котором маячил мрачный мужик, кабинет докторицы и смотровую. Но поскольку ничего интересного там не происходило, то ему оставалось только пальцами щелкать.

Или, как вариант, можно было вычерпать ложкой собственные протухшие мозги и сжевать их на обед. Потому что в черепе им места явно не хватало. Они кипели и пухли, рискуя проломить височные кости. И их действительно очень хотелось вынуть, чтобы остыли.

Собственно, мыслей имелось всего три и большим разнообразием они не отличались. И — самое интересное! — все начинались с сакраментального: «Какого хрена?..». «Какого хрена я это сделал?». «Какого хрена делать дальше?». Ну, а третья продолжения не имела — только начало и была, скажем так, обобщающей.

Естественно, дьявола такие душевные терзания очень веселили. Настолько, что мудака не стал даже ночи дожидаться, измываясь вовсю. И его ублюдочный голосок невозможно было заглушить никаким щелканьем.

«Ути, мой Мальчик-Без-Половинки! Ай-яй, какой нехороший. Плохой, плохой! Разве так поступают хорошие детки? У него любимый братик сдох, у братика теперь только на чертей встает, а мы тут развлекаемся, баб трахаем! И ка-айф ловим. А как же наш милый Бес? Или это что? Типа, мертвое — мертвым, а мы — живые? Неужто мой пупсик решил стать нормальным? Того и гляди, женится еще, детишек настрогает. А братик... Да хрен с ним, с братиком, верно, Дем?..».

Не верно, ни хрена не верно. Он потому и дернул из докторшиной комнаты, потому, что это было не верно. Нельзя так. Все — пополам. Всегда так было и таким должно оставаться. Все — пополам. А если делиться не с кем, то и к черту! Действительно, разнюнился, рассиропился, как сопля на стене. А уж от той фигни, которая на него накатила после, и вовсе блевануть тянуло.

Примерещилось ему, что это правильно было. Будто так и надо: лежать в обнимочку, докторицу обнимать, чувствуя в ладони теплую тяжесть ее груди, знать — она улыбается. Такое ощущение накрыло, словно домой попал. Захотелось заснуть. Вот просто закрыть глаза и заснуть, слыша, как она под боком сопит...

Хрень какая-то!

Звонок мобильного выдернул из копания в собственных кишках, как из кучи навоза. Дем прижал пластиковый прямоугольник к уху, молча нажал на кнопку соединения.

— Дес влетел, — сообщил Яр, не утруждая себя приветствиями.

— Жив?

— Док его режет пока. А там хрен знает. Всю тройку — наглухо.

— Ясно, — протянул Дем, собираясь отключиться.

— Погоди, это еще не все дерьмо, — порадовал его блондинчик. — На ублюдков они рядом с «Соло» налетели. Когда мы туда прискакали, нашли Деса и четыре тупа.

— Кто?

— Бер.

Дем выматерился. Подумал и выматерился еще раз, только грязнее. В службе «Соло» Бер был единственным акшара. И не просто каким-нибудь мирным. В свое время он сержанствовал в третьей роте. А потом получил свое и ушел в охранники. На Базе, понятно, он больше не появлялся. Но дружбу со многими водил.

— Вот и я про то же, — поддакнул Яр. — Подробности последних сенсационных новостей нам расскажет Кир[1] Ярте. Кир?

— Да пошел ты, — вяло отозвался Дем.

— Пошел, — согласился красавчик. — Но ты там все равно по сторонам поглядывай. Мало ли что.

— Да на кой им док может понадобится? Геморроя много, толку мало.

Лейтенант крутанулся в кресле, пожевав губами, как будто ему в рот попало что-то мерзкое, и вернулся к мониторам. На экранах все было по-прежнему. У входных дверей — пусто. В холле маялся мужик, не обращая ни малейшего внимания на кокетливые взгляды Най. Которая пыталась флиртовать больше по привычке, чем с далеко идущими намерениями. В кабинете докторица что-то объясняла женщине, одновременно молотя пальцами по клавиатуре. Что она там говорила, Дем понятия не имел — звук он отключил.

— Я не в курсах, может она им понадобится или нет, — помолчав, ответил Яр. — Ничего лично мне не нравится вся эта фигня. Бер был из наших, не мирный. Хоть и из бывших, но не мирный. На таких ублюдки не охотятся — только если случайно встретят. Только вот как же, случайно прогуливающийся рядом с «Соло»? Где народа и днем, и ночью до хрена? И Бера пытали — это я точно говорю. Не думаю, что он решил напоследок сыграть в стойкого оловянного солдатика. Ты этих уродов знаешь. Когда им хочется что-то узнать — они узнают.

Дем кивнул, как будто Яр его видеть мог. Впрочем, эта истина в подтверждении и не нуждалась.

— И последнее... Какая у нас самая сенсационная из последних новостей, а, Кир? Бинго! Появление дока. Ты вспомни, как они за Резом гонялись.

— Рез хирург.

— Ладно, я с тобой спорить не нанимался. Не капитан пока, поди. В общем, расклад я дал, а там сам мозгами шевели. Усек?

Акшара снова кивнул и отключил телефон, сунув его в карман. На самом деле, ничего с ног сшибающего Яр не сообщил. Но этот засранец сумел поделиться с Демом тревогой, как будто через динамик ее перекачал. Не тревогой даже, а какой-то неуверенностью. Хреновое чувство, надо сказать, очень хреновое.

— Я закончила. Мы можем ехать? — раздалось за его спиной.

Лейтенант от неожиданности едва из кресла не вывалился. И будто проверяя, не посетили ли его глюки, глянул на монитор. И кабинет докторши, и смотровая были пусты. А солдат запирает за посетителями входную дверь.

Раздраженно цокнув языком, Дем повернулся вместе с креслом.

— Куда ехать? — мрачно поинтересовался он.

— К ребенку, — терпеливо пояснила докторица, — нас капитан просил.

Лейтенанту захотелось укубить себя за зад. Очень захотелось, нестерпимо просто. Просьбу Тира у него из головы вымело начисто. Профессионал...ля, охранник! А во всем виновата эта вот...

Которая сейчас стояла, прислонившись спиной к дверному косяку, обняв себя руками, как будто мерзла. И старательно глядя куда угодно, но только не на самого Дема. Красавица писанная! Рожица бледная, под глазами синячищи, словно ей по носу врезали. Губы, и без того немаленькие, воспалились, припухли.

Только вот к Дему неожиданно пришло желание спрятать ее. Например, себе в карман, чтобы всегда под присмотром была. И желание это ощущалось не менее остро, чем куснуть себя самого. И, мать вашу, это тоже можно было смело класть в копилку с жирной надписью: «Эмоции и чувства — новенькое».

Головой что ли о стену побиться? Может, легче станет?

— Пойдемте, — не поддаваясь соблазнам, буркнул лейтенант. — И от меня ни на шаг. Понятно?

— Я помню, — согласилась докторица смиренно.

За эту смиренность он Вейр готов был придушить.

Машина остановилась примерно у такого же дома, в котором Ли помещение сняла. Оказывается, сзади эти здания выглядели еще хуже, чем спереди. Слишком близко стоящие друг к другу дома образовывали настоящий колодец, стены которого поднимались высоко над головой, почти полностью закрывая собой небо. Над подъездами висели тусклые фонари, освещающие зеленоватым кругом света только площадку перед дверью.

Но и их мертвенного свечения хватало для того, чтобы оценить царящий вокруг кошмар. Стены, исписанные граффити. Выкрошившаяся кирпичная кладка, покрытая практически обвалившейся штукатуркой и оттого напоминающая гниющие раны. Неизменный мусор повсюду, как будто тут взорвался мусоровоз.

И вонь! Эту вонь словами описать невозможно. Ее даже нельзя было идентифицировать. Дикая смесь самых мерзкий запахов, которые только бывают на свете. Казалось, тут сами дома разлагались.

Вейр, стоило ей выйти из машины, попросту задохнулась. И не смогла удержаться, сунула нос в рукав своей куртки. Понимала, что выглядит такой жест слишком демонстративным. Но дышать этим она просто не могла.

Правда, Дем сделал гораздо более странную вещь. Он еще в машине достал из кармана и нацепил на голову тонкий трикотажный мешок с узкими прорезями для глаз и рта. Выглядело это дико.

— А разве народ не должен знать своих героев в лицо? — поинтересовалась врач.

— Нет, — последовал лаконичный ответ.

— Интересно, какие это подвиги вы совершаете, раз прячетесь от своих же...

Доктор и сама не слишком хорошо понимала, зачем она прикладывает столько усилий для того, чтобы его взбесить. Не прошло и ночи, как Ли грызла себя за необдуманные поступки. Которые, между прочим, выходили ей боком. А врач уже отправляется прогуляться по тем же граблям.

— Это чтобы нас в лицо не узнавали, док, — пояснил словоохотливый Свир, который, между прочим, нацепил точно такой же мешок, хотя вроде бы собирался оставаться в машине. — Знаете, всякое бывает. Ракшасы иногда и... спрашивают у мирных, кто мы такие, да где нас найти. А чего не знаешь, того не расскажешь.

— Заткнись, — лениво посоветовал ему Дем.

Вейр, посвященная во мнение солдата об авторитетах, ничуть не удивилась, что парень

тут же захлопнул рот и попытался даже выглядеть меньше. Правда, получилось у него все равно не слишком убедительно.

В подъезде воняло чуть меньше, но атмосфера навевала жути гораздо больше, чем во дворе. Никакого освещения здесь в принципе не имелось. Лишь через окна между этажами сочился жидкий ночной мрак. Только потому, что внутри дома темень сгустилась до почти материальной плотности, это свечение и можно было отнести к свету. По крайней мере, если не эта пародия на свет, то ступеньки тут даже кошка не разглядела бы.

— А лифта тут не предусмотрено?

— Нет.

Вейр, не успела подъездная дверь за ними захлопнуться, тут же споткнулась и едва не растянулась на загаженном бетонном полу. Только благодаря тому, что лейтенант поддержал ее, катастрофы и не случилось. Впрочем, свой локоть она из его руки моментально выдрала.

— И высоко нам карабкаться?

— Шестнадцатый этаж.

— Здорово! — оценила Вейр. — Спорим, я не смогу подняться выше десятого?

Дем, никак не комментируя ее утверждение, обошел доктора и пошагал по ступенькам. Причем делал парень это абсолютно бесшумно. А учитывая то, что он теперь в буквальном смысле был с макушки до пят одет в черное, Ли мгновенно потеряла его в темноте.

На доктора тут же накатила дикая паника. Такого приступа с ней давненько не случалось. Ее любимый ночной кошмар обернулся вдруг реальностью. Вейр закопали живой. Она в могиле. Вокруг только темнота. И от того, что Ли не ощущала даже комьев земли, было только хуже. Могила обернулась бездной, не имеющей ни начала, ни конца. Все чувства пропали резко и разом. Она не слышала, не видела, не могла осязать. Врач превратилась в сгусток разума в чернильном Ничто.

Краем сознания Ли понимала, что привалилась к стене и медленно сползает по ней. Но эти ощущения были далекими, как будто принадлежали не ей. Вейр хотела закричать, но из сжавшегося в игольное ушко горла даже шипение не выдавила.

Так же далеко, как чувствовала стену, она услышала чей-то голос. Точнее, наверное, это был именно голос. Слов доктор не разбирала, да и не могла сосредоточиться на них. Понимание, что она задыхается, заполнило сознание, не оставляя места ни для чего большего. Ей дико, невероятно хотелось дышать. Хотя бы еще один вздох, всего один! Вейр была уверена, что тогда сможет выбраться... Но кислорода отсутствовал. Вообще.

И вдруг резко, рывком, все изменилось. Ощущения вернулись разом — так же резко, как и пропали. Под щекой она чувствовала грубую, толстую кожу. Пахло странно, но приятно — чем-то металлическим и немного мужским лосьоном. Ее саму держали, не столько помогая стоять на ногах, которые стали тряпичными, как будто суставы в них просто растворились, сколько придерживали на весу. Рядом с Ли, прямо под щекой, грудью, руками, было что-то большое и надежное, как стена. Нет, куда реальнее стены. И она, ничего больше не соображая, вцепилась, как могла. Просто потому что эта надежность давала возможность дышать.

Руки, придерживающие ее, ослабли, разжались. И Вейр накрыло новой волной паники. Кто-то скулил, тоненько, как щенок. Кажется, это была она сама. Руки вернулись на место и даже сжали ее сильнее. Сильно, очень сильно. Так, что ребра хрустнули. Именно такое и требовалось. Воздух ломанулся в легкие одним ударом, почти разрывая горло.

— Ли? Ты меня слышишь? — прогудело где-то сверху.

Врач кивнула и тут же отрицательно замотала головой, не соображая, ни о чем ее спрашивают, ни что она отвечает. Больше всего ей хотелось втиснуться в это надежное, спрятаться в нем. Но оно было слишком твердым и не пускало.

Кто-то довольно громко и исключительно витиевато выматерился. Странно, но это тоже помогло. Жижа, заменившая мозг, расступилась, как болото. Не пропала совсем, но дала возможность соображать. Ровно настолько, чтобы понять — Ли виснет на лейтенанте, вцепившись сведенными судорогой пальцами в лацканы его пальто. И, наверное, это было не слишком хорошо, неправильно. Только вот отодрать ее ни смогло бы ничто в этом мире.

— Дем? — пискнула доктор только для того, чтобы убедиться — это действительно он.

И у нее нет галлюцинаций.

— Я тут.

— Я тебя не вижу...

Его рука дернулась, явно собираясь деться куда-то. И Вейр, кажется, опять заскулила. Снова раздался мат. Удивительный, волшебный, живой мат.

— Маску сними.

— Что? — все-таки, болотная тина паники ее держала крепко.

— Сними с меня эту гребаную маску! — рявкнул Дем.

Господи, это звучало просто ангельским гласом! Очищающим и спасающим... такие волшебные слова: «гребаная маска». Но это была действительно магия, продирающая мозги как ершиком.

[1] Кир Ярте — журналистка и ведущая вечерних (самых популярных) новостей на государственном канале.

Глава двенадцатая

Глава двенадцатая

Дему было странно. Случалось пару раз, когда он не мог сообразить, чтобы эдакого умного ответить. Ну, или собственные поступки становились полной неожиданностью. Но ни разу в жизни лейтенант не сталкивался с такой вот растерянностью. Всегда пара вариантов, может и не самых мудрых, да имелась. Сейчас же он просто не представлял, что дальше делать. Соображений полный ноль.

Когда эта чертова кукла начала заваливаться, акшара подумал, что докторица прикалывается. Ну, или притворяется, мечтая окончательного его довести. Только вот так хрипеть, как будто у тебя на шее удавку затянули, «по приколу» вряд ли можно. А уж когда он попытался ее поднять, и врачиха в него вцепилась, словно утонуть боялась, до лейтенанта дошло, что дело тут нечисто. То ли у нее со зрением что-то приключилось, то ли еще какая фигня вышла.

Маску она с него стащила, чуть не прихватив вместе с балаклавой скальп. Клок выдрала точно. Но, по крайней мере, дышать стала ровнее, таращась на Дема, как на самого Спасителя. Ее глазищи, которые и так были здоровые, как у той белочки, сейчас вообще едва ли не пол лица занимали.

— Ты как? — спросил он, просто для того, чтобы не молчать.

Хотя подобные фразы в фильмах его всегда веселили: «У меня все зашибись! Собери мои оторванные конечности, будь другом!».

— Можно я тебя потрогаю? — пропищала доктор.

Ну, класс! Это вместо: «Я в полном порядке, спасибо за беспокойство!»

Дему стало совсем хорошо. Может, у нее крыша течет и сейчас что-то вроде приступа случилось? В каком смысле «потрогаю»? Но лейтенант, все-таки, кивнул. Правда, несколько неуверенно. Докторша подняла свою руку и самыми кончиками пальцев коснулась его щеки. Стало щекотно и не сказать, что приятно. Но он терпел, пока она его гладила, как слепая.

— У тебя... болит что-нибудь?

Докторша молча помотала головой, все так же таращась на него во все глаза.

— Споткнулась?

Снова мотание.

Да что с ней такое, черт всех возьми?! А если она прямо тут окочурится? Вот Тир-то порадуетя!

— Я просто испугалась...

— Чего?

— Темноты.

Дем от такого откровения едва руки не разжал. Хорошо, что удержался, а то бы пришлось опять ловить докторшу.

— И часто это у тебя?

Врачиха пожала плечами.

— Случается. Кстати, ты вполне уже можешь меня и отпустить.

— Уверена?

Как-то боязно стало ее отпускать. Стыдно признаться, но Дем сам перетрусил едва не до мокрых штанов. С другой стороны, при нем не каждый день люди в падучей биться начинали.

— Вполне.

Она действительно как будто бы пришла в себя. Глаза уже не таращила. Наоборот, отвернулась в сторону. И ладошку с его лица убрала. Лейтенант разжал руки, готовый в любой момент снова подхватить, если ее колбасить начнет. Но, наверное, докторша и впрямь оклемалась. Потому что на ноги она встала вполне твердо и даже отступила на шаг.

— Извини. Я не хотела так за тебя цепляться. Но... В общем, сложновато себя контролировать. По крайней мере, могу пообещать, что постараюсь такого больше не допускать.

Она решительно сунула руки в карманы куртки, и даже подбородок задрала, видимо, старясь выглядеть независимой. Смотрелось это забавно. Особенно с высоты демова роста. Вейр вообще умудрялась вызывать в нем целое море прочно позабытых эмоций: бешенство, смех, страх, удивление и... Ну, вот эти чувства лучше запихать себе в задницу и больше не вынимать.

— Кстати, я хотела тебе сказать. Просто подумала, если тебя это беспокоит, то... В общем, чтобы между нами недопонимания не было. Все, что случилось вчера — это просто... Ну, скажем, ошибка. Мы о ней оба дружно пожалели и больше ничего подобного совершать не будем. С моей стороны никаких претензий нет. Короче, на этот счет можешь не беспокоиться.

— Я и не беспокоюсь, — до Дема не слишком хорошо доходило, что она имела ввиду. И на кой вообще подняла эту тему. — И не жалею.

— Ну, конечно, — усмехнулась она, старательно глядя куда угодно, но только не на

него. — А сбежал ты, потому что тебе дико понравилось. Все было просто сказочно и волшебно! Ты такого волшебства просто перенести не сумел.

А вот это, пожалуй, был действительно удар ниже пояса. Во-первых, потому что докторша оказалась не слишком далека от правды. А, во-вторых, он действительно «сбежал». И такой закидон с его стороны сейчас вызывал только одно желание — укунить себя за зад. Если парни узнают о его героическом поведении, то забудут об этом не скоро. Да и что она могла подумать? Хотя, кажется, докторша как раз и говорила то, что думала.

— Понравилось, — буркнул Дем.

Вот бы сейчас оказаться где-нибудь в другом месте. Например, в каком-нибудь загаженном переулке в компании пары ракшасов. Он бы был искренне рад. Да о чем вы? Лейтенант просто уписался от счастья. По крайней мере, что с черными делать он знал прекрасно. Что делать с ней парень не понимал совершенно. Впрочем, подобного опыта общения с бабами у него и не было. Профессионалки разборок как-то никогда не устраивали.

— Точно! Так понравилось, что ты... А, ладно! В общем, забыли. И мы, кажется, куда-то собирались?

Лейтенант медленно кивнул. Собирались, верно. Только вот почему у нее подбородок дрожит, щека опять закушена, а глаза как-то странно поблескивают в темноте?

«Может потому, что она реветь собралась, придурок?» — насмешливый голос Беса прозвучал в башке так отчетливо, что Дем едва на пол не сел. Вполне реально. Его даже мотануло. Но и облегчение хлынуло, окатив, как теплой водой из душа. В конце концов, он съехал с катушек. И все лейтенантовские личные дьяволы — это только последствия шизы. Это нереально. Можно расслабиться и получать удовольствие. Пока другие эту тему не просекли.

«Это единственно, что тебя сейчас волнует?» — хмыкнул Бес.

Да, точно! Есть еще док, которая собралась реветь. Врачиха, на минутку, не виновата, что у него креза на всю голову. Еще напридумывает себе только Дева знает какой фигни. А она, в общем-то, неплохая баба. Докторша, а не Дева. Хотя Непорочная тоже ничего.

— Правда, все было здорово. И дело не в тебе.

Кажется, получилось у него не слишком убедительно. Впрочем, все эти тонкие «чуйства» никогда не были его сильной стороной. А, попросту говоря, с подобным дерьмом он никогда раньше не связывался.

— А мне так не показалось. И повторения подобного опыта я не хочу. Так что...

— Серьезно?

Дем в этой жизни сомневался во многом. Черт, да лейтенант даже не всегда понимал, где его собственный бред, а где реальность. Но вот в том, что Вейр сейчас врала, как сивая кобыла, он не сомневался ни секунды. Акшара прекрасно помнил, как она... Он все прекрасно помнил.

Парень подцепил пальцем ворот ее куртки, подтягивая докторицу к себе. И наклоняясь так, чтобы их губы почти касались друг друга. Почти, но не совсем. Пара миллиметров — это тоже расстояние.

— И почему же ты не хочешь повторить?

— Потому что... — она сглотнула, явно пытаясь сообразить нечто умное и убедительное. Ну, это и требовалось доказать, — ... потому что я замужем.

Врежь врачиха ему коленом между ног — и то бы такого эффекта не добились. Дем

выпрямился, отпустив докторшину куртку, и даже разгладил ткань на ее плечах.

— Ну да, с покойниками мне точно не тягаться, — процедил он. — И как ублажает? Хватает?

— Придурок!

Она обеими руками толкнула его в грудь и... И весь этот гребанный подъезд рухнул лейтенанту на голову.

Гэру везло. И его это не удивляло. Ему везло с рождения и, честно говоря, он скорее бы удивился, если везение вдруг закончилось. А может Акр был прав, и дело не в везении, а в чутье. Правда, в мистическую херню, типа Дара он не слишком верил. Так, что, скорее всего, просто подфартило.

Он и сам не слишком хорошо понимал, зачем полез в этот район. Тем более, сразу после того, как наследил у кабака. И людей тут было слишком много, да и акшаров тоже хватало. А у него после медвежьих объятий того бугая ребра до сих пор ныли и жаловались.

Конечно, богатые уголья, жирные. Но чем больше свидетелей, тем больше шансов со всего маху угодить в дерьмо. Но — потянуло. Чутье там или длань господня. Собственно, на причины ему было насрать. Главное — результат.

А результат оказался шикарный, хотя и не сказать, что предсказанный.

Конкретно ни в этом дворе, ни в этом доме он останавливаться не собирался. Просто мимо шел, пробираясь параллельно освещённой и чересчур оживленной улице. Через пару кварталов висс планировал свернуть и подобраться поближе к еще одному клубешнику, в котором, по непроверенным пока данным, любили тусануть бойцы акшара.

Но остановился, присев на корточки в тени полуразвалившегося, воняющего дохлыми кошками сарая. Как будто ему на ухо кто-то шепнул. Правильно, надо сказать, шепнул. Сделай он еще один шаг вперед — и водитель въехавшей во двор тачки его бы засек. Шагни в сторону — и влетел бы точно под фары. А так он остался тенью в тени, никем не замеченный.

И опять же, спроси Гэра кто — он бы и сам не сообразил, чем его эта машина привлекла. Не сказать, что тут таких было полно. В этом говеном районе тачки больше попадались в виде гнилых, давно и навсегда брошенных остовов, с которых скрутили все, что только можно было открутить. Что нельзя тоже откручивали. Но если и попадалось железо, которое могло еще передвигаться, то таким и было — обшарпанным, помятым, словно пивная банка, которой в футбол играли.

Хотя, в данном случае везение или чутье могли быть и не при чем. Уж слишком сыто и ровно у этого рыдвана урчал двигатель. Как будто громадный кот мурлыкал. Этот звук Гэру нравился. Моторы он любил. Гораздо больше, чем живых существ. Впрочем, мертвых существ он любил еще меньше.

Из машины вышли двое, оставив водителя внутри. Гэр усмехнулся, коснувшись языком сломанного клыка. То, что нужно. Просто идеально. Долбанный акшара и его баба. На такую удачу даже он не рассчитывал.

Вариантов было несколько. Дождаться, пока они вернутся. А в том, что вернутся, сомнений не было никаких. Тачка осталась на месте, а не укатила по своим делам. Значит, можно подождать их тут или в подъезде. А можно и не ждать, а нагнать парочку сейчас.

Но все варианты были сопряжены с определенными сложностями.

Во-первых, водитель явно не относился к классу лохов. Внутри своего рыдвана он

заперся, свет в салоне выключил и Гэр мог бы поспорить, что акшара сейчас сканирует местность всеми доступными ему методами. Вплоть до радара неприятностей, который вмонтирован в задницу каждого из них. И выковырять мудака наружу будет непросто.

Во-вторых, действуя вне подъезда, можно было привлечь чье-нибудь ненужное внимание. А лишнего шума висс не любил.

В-третьих, просочиться в подъезд так, чтобы этого не заметил водитель, практически невозможно. Но, все же, провернуть все стоило именно там. Темно, тихо, пусто — как раз то, что требовалось Гэру. А попасть внутрь можно не только через дверь.

Ракшас за цепочку вытянул именно жетон из-за пазухи, поцеловал его, аккуратно убрав обратно. И бесшумно, действительно тень в тени, пробрался вдоль торчащей обломанными кирпичами, как гнилыми зубами, стены сарая, почти до конца дома. Осторожно ступая и стараясь не попадать в свет фонаря, он прокрался к последнему — или это был первый? — подъезду. Замер, напряженно прислушиваясь и вглядываясь в темноту. Водитель в своей тачке сидел тихо, не дергаясь.

Гэр выпрямился, накинул на голову капюшон толстовки. Повел плечами, выбираясь из куртки и выворачивая ее другой, ярко оранжевой стороной. Кожу пусть акшара носят. По пижонскому скрипу шмоток их найти легче. А умным нужно быть незаметными.

Или как сейчас — слишком заметными.

Надев куртку, он выправил джинсы из высоких, тяжелых ботинок, подтянул брючины, чтобы они собрались под коленями небрежной гармошкой. Сунув руки в карманы, ссутулившись и приподняв плечи, торопливо пошел к подъезду. Все так. Еще один неудачник спешит побыстрее укрыться в своей норе. Как будто хлипкие стены могли защитить его от неприятностей.

Открыть дверь было делом плевым. Естественно, на ней висел кодовый замок. Но достаточно один раз глянуть, чтобы заметить кнопки, стершиеся чуть сильнее других.

Господи, зачем ты наплодил этих уродов, но в мудрости своей не дал им мозгов?

Гэр знал зачем. Чтобы ему не так скучно жилось. Не Богу, а самому ракшасу. Хотя, для придурков, населявших подлунный мир, он был почти равен Господу. Только они об этом не знали. А когда узнавали, становилось слишком поздно. Для них.

Чтобы добраться до чердака, и пяти минут не потребовалось. Он даже не запыхался. На то, чтобы открыть дверь и пробраться до того подъезда, в который вошли акшара, времени он затратил еще меньше. Но тут пришлось задержаться. Открыть навесной замок, находящийся снаружи, с другой стороны двери, не каждый сумеет. Но Гэр справился, просто сняв створку с косяка.

Присев у перил верхней площадки, он прислушался. С того момента как парочка вошла внутрь, прошло минут пятнадцать. Но ничего, он подождет их внизу. Правда, по черному тоннелю лестничного проема до него доносились голоса. А вот это могло стать проблемой. Стоило спуститься и посмотреть, кто так не вовремя устроил тусовку.

Гэр, никуда не торопясь, привел одежду в порядок. Снова вывернул куртку черной стороной наружу, снял с головы капюшон, который мог только помешать. И по-прежнему никуда не спеша, начал спускаться, держась у стены.

Нет, он, все-таки, был настоящим везунчиком. Парочка никуда не делась. Стояли голубки, о чем-то беседуя. Долбанный акшара даже балаклаву снял. Интересно, зачем они вообще сюда приперлись? Или им просто потрахаться захотелось. Гэр ослабилась. Как-то не хорошо ближнему своему кайф ломать. Но, с другой стороны, он сюда не подсматривать

приперся.

Акшара что-то тихо сказал — висс не расслышал что, да особо и не прислушивался. И девка, умничка такая, со всех своих цыплячьих сил толкнула уroda в грудь. Парень отступил назад не иначе, как не ожидал от нее такой решительности. Момент был идеальным. Гэру только и оставалось, что перебросить свое тело через лестничные пролеты, используя перила, как рычаг. И впечатать обе подошвы прямехонько акшара в грудь. Удар вышел знатный. Паренька попросту унесло и он, пересчитывая костями ступеньки, молча кувыркнулся вниз. Так и шею сломать недолго. Обидно будет. Впрочем, шухер и водила обеспечит. Правильно Гэр сделал, что его не тронул.

Голова болела так, что хотелось ее открутить — ну хотя бы несколько минут не чувствовать, как кровь пытается изнутри выломить череп. Да еще перед глазами плыли зеленые круги, которые почему-то ассоциировались с диким ревом мотора. И от этого в затылке что-то взрывалось. Казалось — это мозг фонтанирует, как гейзер.

Вейр попыталась открыть глаза. Получилось далеко не сразу. Веки были свинцовыми, по-настоящему свинцовыми. Она даже чувствовала, как мышцы напрягаются в усилиях их поднять. Правда, усилия эти оказались напрасными — ничего она разглядеть не сумела. Лишь слабый, рассеянный свет. Было еще что-то. Точно было. Вот только все мгновенно смазилось и поплыло куда-то в сторону. От чего затошнило еще сильнее.

Но попытки вернуться к реалиям впустую не прошли. На затылок легло холодное. Такое холодное, что Вейр невольно дернулась. Но этот холод никуда не делся. Наоборот, прижался плотнее, и по шее потекла щекотная струйка. Зато кровавый прибор под черепом приутих. И боль уменьшилась, сжалась, став не слишком значительной.

— Ты меня слышишь? — приплыл откуда-то извне голос.

Станный голос. Резкий, командный, но при этом тянущий гласные с каким-то примурлыкиванием. Наверное, так говорил бы кошачий капитан, приди ему в голову фантазия освоить человеческую речь.

Кошачий капитан?

— Слышу, — ответила Вейр, решив, что кивать не самая лучшая идея.

— Открывай глаза.

— Не могу, меня тошнит, — промычала она.

Чувствуя, что мутит ее и от собственного голоса тоже. Он странно отдавался в голове, подталкивая боль в бок. Та в ответ огрызалась и собиралась снова разрастись до прежних размеров.

— Сблюешь, сама и убереешь, — равнодушно отозвалось из темноты. — Или валяйся так, мне по фиг. Открывай глаза или я тебе веки на хрен вырежу.

Вейр пришлось повторить последнюю фразу про себя. Просто для того чтобы убедиться — она правильно поняла ее смысл. Сказано это было с прежним примурлыкиванием и абсолютно спокойно. Даже не обещание и уж тем более не угроза. Констатация факта. Ее фамилия — Вейр, солнце встает на востоке, а если она не откроет глаза, то ей вырежут веки.

Наверное, это был, все-таки, бред. Или галлюцинация. А, может, кошмар.

Но глаза Ли открыла.

— Супер, — похвалили ее. — Сколько пальцев видишь?

Перед лицом появились два растопыренных вилкой пальца. Только почему-то черных. Наверное, просто на них была надета перчатка.

— Два, — ответила доктор, не дожидаясь, пока ей не пообещают еще нечто заманчивое.

— Прекрасно. А то мне уж показалось, что я перестарался. Ты же человек?

Сама постановка вопроса казалась странной.

— Человек...

Мурлыкающий хмыкнул. И перед лицом Вейр повис ее собственный телефон.

— Номер твоего друга. Быстро.

— К... какого друга?

Сказать, что она ничего не понимала — не сказать и сотой доли правды. Ей казалось, что она очутилась в какой-то совсем другой реальности. Ли даже не слишком хорошо осознавала, где верх, а где низ. И даже не могла с уверенностью определить положение собственного тела. Сидела она, лежала или стояла?

— С которым ты была в подъезде.

Это кое-что прояснило. Вейр действительно находилась в подъезде. В черном подъезде, в котором совсем не было света. А потом... Потом Дем ее вытащил, точно. И они о чем-то разговаривали... И что-то упало сверху, сшибив акшара, как кеглю. И стало еще темнее.

— Номер! Дамочка, не советую меня злить... — мурлыканье сменилось шипение, фоном которому служило утробное, нутряное урчание.

Вейр передернуло.

— Номер Дема? — уточнила она.

— Мне похер, как его зовут.

— Я не знаю.

— В героиню, значит, решила поиграть? Давай поиграем, я не против. Только побыстрому, хорошо? У меня времени маловато.

Голос опять сменился. Вернулось мурчание, но теперь вибрирующее, приглушенное, как у довольного кота. Очень довольного.

— Итак, спрашиваю еще раз. Какой у него номер?

Телефон доктора куда-то делся, как будто уплыв в сторону. Вейр проводила его глазами, отчаянно желая, чтобы он не пропал. Слово этот банальный кусок пластика связывал ее с реальностью. Но телефон, все-таки, исчез. А на его месте оказалось... Лезвие. Белое, хищно ловящее на себя отблеск желтоватого электрического света, лезвие. Нож был широкий, с плавным изгибом к острию, толстый сверху и сужающийся к кромке. Посередине его акульею тела темнела выемка.

Кончик клинка и ее глаза разделяло расстояние, вряд ли большее, чем пара сантиметров.

Вейр дернулась, попытавшись отстраниться. Она не поняла, что хотела сделать — отползти, отступить, отшатнуться. Не удалось ничего. Только затылок приложился обо что-то очень твердое. И боль мгновенно ожила, грызя кости тупыми зубами. А лезвие осталось там, где оно и было, ни отодвинувшись ни на миллиметр.

— Мне пояснить, что будет дальше? — поинтересовался голос.

Доктор замотала головой. Собственные распущенные волосы хлестнули ее по щекам, прядки прилипли к губам, хотя Вейр казалось, будто они пересохли, как бумага.

— Мне тоже кажется, что ты этого не хочешь. Вернемся к нашему вопросу. Номер твоего друга.

— У меня его нет. Клянусь, я не знаю!

Вейр было стыдно и за этот вопль, и за вой, вырвавшийся из горла вслед за ним. Но стыд

был сейчас чужеродным, как будто не Ли его и чувствовала. Словно ей кто-то рассказал, что такое стыд.

— Ладно, попробуем по-другому. Номер любого из бойцов акшара.

Казалось, обладатель этого голоса терпелив, как сам Бог. И он будет спрашивать одно и то же, пока не получит нужный ему ответ. Пара часов или пара тысячелетий — для него разницы не существовало. Только вот лезвие не было таким же терпеливым. Оно повернулось, лоя блик, и оказалось еще ближе.

— Я не знаю... — простонала Вейр. — У меня нет, никого.

Нож чуть дрогнул, как будто раздумывая, как бы ловчее извернуться, чтобы впиться ей в глаз. Она заорала, словно это могло что-то изменить. Конечно, лезвию было плевать на ее вопли. Оно сместилось, опустившись чуть ниже. И к щеке как будто прижали раскаленный прут. Боль пробила до корней зубов и хлестнула выше, затопив глаза.

— Что же ты так дергаешься-то? — промурлыкали у нее над ухом. — Я всего лишь тебя поцарапал. Это же даже не страшно. А вот дальше будет страшно, обещаю. Итак, у тебя есть пять секунд передышки. Соображай, кому из акшаров я могу позвонить с твоего телефона.

Она и рада была ничего не соображать. А еще с большим удовольствием потеряла бы сознание. Но, к сожалению, голос пробивался и через страх, и через боль, сдирая их, как шелуху с лука, добираясь до мозга.

— Ну? Четыре уже было.

— Да! Есть, я помню! — заорала Вейр, будто боясь, что он ее не услышит. — Есть!

— Я знал, что ты умница, — похвалил ее голос.

И лезвие медленно-медленно отдалилось от ее лица.

Никогда еще в этой комнате не было так тихо. Не работал телевизор, не катались с костяным клацаньем бильярдные шары, не шлепали карты. Никто не ржал и не орал. Собственно, вообще никто не говорил. Хотя народу было немало — восемь акшара. Тишину нарушало только сухое постукивание. Вар катал по сукну черный шар от пула, заставляя его отскакивать от бортика стола и ловил в раскрытую ладонь. Толчок, удар, отскок. Толчок, удар, отскок. На него косились, но попросить парня прекратить маяться херней никто, почему-то, не решился.

Как никто не мог заставить себя сказать хоть что-нибудь Дему. А сказать, наверное, нужно было. Потому что парень как рухнул на диван, так с тех пор даже не пошевелился. Сидел, уперев локти в колени и запустив обе руки в шевелюру. Будто хотел ее рвануть, да забыл. Никто даже не напомнил ему, что стоило одеться. Наверное, торчать с голым торсом, прикрытым только бинтами, туго стягивающими ребра, было прохладно.

Молчали, стараясь не смотреть на него. Даже майор, стоявший, прислонившись бедром к бильярдному столу и сосредоточенно жуящий собственную губу, молчал. С другой стороны, что в такой ситуации скажешь? «Все будет нормально?». Так никто понятия не имел, нормально будет или танет еще более хреново. «Мы ее найдем?». Знать бы, где искать. Да и...

Никто не сомневался, что это дело гребанных ракшаских лап. Хотя, конечно, все выглядело более чем странно. Почему они не грохнули Дема? Почему не тронули Свира? И, в конце концов, на кой им понадобилась док? На это ответов не нашлось ни у кого. Но ни один из присутствующих не сомневался, что дело воняет черными харями. А значит, шансы найти ее хотя бы живой стремятся к нулю.

Если говорить уж совсем откровенно, то все присутствующие были уверены — майор не только пальцем о палец не ударит, чтобы искать дока. Но еще и запретит всем даже пытаться ее разыскивать. Конечно, это было разумно и логично. Только что в такой ситуации скажешь, кроме: «...ля, брат, мне жаль!». Может и по-настоящему жаль. Кому от этого легче?

— Так, — откашлялся капитан. Голос у него хрипел гораздо сильнее, чем обычно. — Хватит сидеть, девочки. Все равно ни хрена не высидим. Сейчас мы поступим следующим образом...

Договорить он не успел. В комнату влетел Свир. Действительно, влетел, запнувшись на пороге и грудью, как в стену, ударившись в Пала. Но, кажется, он этого даже и не заметил. Вид у парня был абсолютно безумный. Глаза выпучены так, словно его воздухом, как лягушку, накачивали. Вырвавшись из ручищ Пала, он ткнул куда-то в пространство кулаком с зажатым в нем телефоном.

— Там... Там...

Ничего более связного он выговорить не сумел.

— Спокойно, сынок, — майор отлип от стола и шагнул к Свиру, тяжело положив руку ему на плечо. — Успокойся. Давай, дыши вместе со мной. Вдох...

Солдат, продолжая тарашиться, старательно задышал, как баба, собирающаяся разродиться. Но, как ни странно, это помогло. По крайней мере, его вечно румяная физиономия перестала сливаться со стеной.

— Молодец, — потрепал его по загривку майор. — А теперь говори, что хотел.

Свир открыл рот, но передумал. Вместо этого нажал на телефоне кнопку, попав в нее не с первого раза.

«До Рождества еще долго. Но считайте, что я ваш персональный Санта. Гребанный черный Санта для акшара...» — мурлыкающий голос прогремел в комнате ничуть не тише выстрела. И сработал он, как стартовый пистолет. Офицеры, до этого неподвижно стоящие и старавшиеся держаться друг от друга подальше, дружно ломанулись к телефону, пихаясь плечами не хуже профессиональных игроков, пытавшихся выдрать друг у друга мяч.

Вперед вырвался Дем при этом рыкнув так, что ни у кого сомнений не осталось: он имеет на это право. Кажется, лейтенант намеривался смыться со своей добычей куда-то. Но порядок опять навел майор.

— Мне с тобой тоже подышать, сынок? — руку на плечо он класть не стал, а стиснул пальцами шею Дема так, что отчетливо хрустнули позвонки. — Ты же в норме, да? — он потряхнул парня, как собака крысу. — Я же знаю, что ты в норме. Просто кивни.

Лейтенант, у которого в глазах мелькнул проблеск сознания, действительно кивнул.

— Отлично, — похвалил его Кабан. — А теперь давай посмотри эту долбанную запись. Все вместе. Ну же, включай...

Парень, как замороженный, ткнул пальцем в телефон.

«До Рождества еще долго. Но считайте, что я ваш персональный Санта. Гребанный черный Санта для акшара!» — комнату снова наполнил тот же примяукивающий голос.

Но теперь они еще имели возможность и видеть говорившего. Крошечный экранчик равнодушно демонстрировал морду ракшаса. Ничем не примечательную морду. Черная кожа — матовая, не отражающая падающий откуда-то сбоку свет, который, казалось, стекал по ней. Темные, с грязноватой синевой белки глаз. Узкие, будто презрительно поджатые, губы. Короткая, по-армейски квадратная стрижка. Ни татуировок, ни пирсинга. Впрочем, черные

их не слишком ценили.

«Надеюсь, вы хорошо себя вели в этом году? Хотя, даже если вы вели себя как полные говнюки, Санта приготовил вам сюрприз...».

Камера телефона поехала вбок, продемонстрировав голую, бетонную стену. Рядом с которой, на полу, поджав под себя ноги, сидела Вейр. Ее руки были сложены на коленях и скованы наручниками со слишком короткой, всего в два звена, цепочкой. На шее — собачий ошейник, цепь от которого тянулась куда-то ей за спину. Левая щека и воротник светло-голубой куртки заляпаны кровью. Глаза... Какие могут быть глаза у женщины в такой ситуации?

Камера вернулась к ракшасу.

«Хороший сюрприз? Мне нравится. А давайте, это будет не сюрприз, а приз, а? Как на счет поиграть, девочки? Играть мы будем в прятки. Я, вместе с вашим призом, прячусь. Вы — ищите. Я такой добрый Санта, что даже дам вам подсказки. Первую — бесплатно. За следующие вам придется мне приплатить. Если вы, песики, вдруг потеряете след, то можете звякнуть на этот телефон. И я вам дам новую подсказочку. Маленькую, хорошенькую подсказочку. Но за это у девки что-нибудь пропадет. Палец там, ушко или зубки. Правила ясны? Тогда вперед. И-и-и... Первая наша подсказка: клубника в одноглазой змее. Фас! И, надеюсь, очень надеюсь, что подсказки вам будут требоваться часто...».

Телефон погас.

— Гребанный, мудачный маньяк! — выдохнул кто-то потрясенно.

И больше комментариев не последовало.

Майор осторожно, как будто тот был хрустальным, вынул телефон из пальцев Дема. Лейтенант на это никак не отреагировал. Казалось, он вообще впал в кататонию.

— Так, капитан. Давай парня в комнату. И чтобы глаз с него не спускал, — тихо скомандовал Кабан. — Пусть с ним постоянно...

Дем неожиданно вышел из ступора и схватил майора за грудки, потянул на себя, заставив мужика приподняться на цыпочки.

— Даже не думай, понял? — прошипел лейтенант, брызгая слюной в майорскую физиономию.

Кабан и попытки не сделал освободиться. Просто спокойно смотрел на парня. Это подействовало. Дем моргнул и отпустил начальника. И джемпер на его груди ладонью разгладил, сняв невидимую пушинку.

— Даже не думайте, майор, — повторил лейтенант спокойно. — Я в деле. Я, мать вашу, полностью в деле. Если вы, конечно, хотите, чтобы от этой гребанной базы хоть что-то осталось.

Глава тринадцатая

Глава тринадцатая

Лужицы дождевой воды, натекшие с плаща Дема на затертый ковролин, уже успели посветлеть. Да и волосы, мокрыми веревками висящие перед лицом, начали подсыхать, завиваясь колечками. А, значит, стоял он посередине собственной комнаты, тупо уставившись в стену, довольно давно.

Пожалуй, пришла пора принять решительные меры. И лейтенант их принял. Как был в пальто и ботинках, так и завалился на смятую, не заправленную кровать. Положение

изменилось кардинально. Теперь он таращился в потолок.

«Молодец! — оценил Бес — В точку! Разрулил проблему на «ура!». Может теперь водочки, косячок, да по бабам?».

Голову Дем повернул не сразу. Но, все-таки, повернул.

Брат сидел на стуле, стоявшем около стола. Никакой не призрак — вполне себе плотный и материальный. Привычный, как собственная задница. Откинулся, положив локти на спинку, от чего его черный, потертый свитер натянулся на широченной, как комод, груди. Целый свитер, без дырок.

Пожалуй, в этом заключалась высшая справедливость гребанного мира — в целом свитере.

Бес решил, что ему скучно просто так болтать уже на второй день после того, как подал голос. И заявился к близнецу собственной ухмыляющейся персоной. Тогда Дем окончательно убедился в наличии у себя горячего пристрастия к мазохизму. Видеть Беса воочию было больно, дьявольски больно. И не в переносном, а в самом прямом смысле. Сердце начинало колотиться об ребра так, словно ему становилось скучно сидеть внутри. И в ушах попискивало и шумело, как в ненастроенной рации. От этого шума уныло, до тошноты, ломило в затылке.

Акшара прекрасно осознавал — он не просто «тронулся», а конкретно словил шизу, чокнулся, как облезлый мартовский заяц. И это тоже не добавляло радости жизни. Если раньше убедить себя в собственной нормальности — ну, или почти нормальности — еще получалось, то теперь этот номер не прокатывал. Конечно, кошмары снятся всем, и личный дьявол мог появиться у любого. Только вот засада! Призраков точно видели единицы.

И в тоже время он ловил ни чем несравнимый кайф. Наверное, так же наслаждался бы человек, которому отрезанную руку вернули. Сначала ампутировали, а потом вернули. И на всю голову больной урод, повизгивая от счастья, приставил культю к обрубку, уговаривая себя, что сейчас все будет, как раньше. Нет, мозгами понимаешь: ручка-то уже подгнивать начала и обратно никаким волшебством не прирастет. Но так классно поверить хоть на минуту, хоть на секунду, будто в этом мире все возможно.

«Закончил себя жалеть или мне еще подождать?» — поинтересовался Бес.

— Да пошел ты... — отозвался Дем, возвращаясь к созерцанию потолка.

«Коронный ответ полного мудака!» — вынес вердикт близнец, кивнув головой.

— Что ты тогда сказал?

«Когда?»

— Тогда... — лейтенант сглотнул. Слова произносятся не хотели категорически. Им было хорошо и в небытие. — Тогда, когда тебя подстрелили.

«Ты знаешь».

— Нет.

«Не пудри мне мозги. Они уже успели разложиться и так ворочаются с трудом. Лучше объясни, чего вы пытаетесь добиться, носясь по улицам, словно вас за задницу укусили?».

— Пытаемся найти змею. Одноглазую, — равнодушно ответил Дем.

Собственно, как раз сегодня он вдруг понял: цель этих поисков, затянувшихся уже на пять ночей, его не слишком-то и интересует. Найдут — не найдут, значения не имеет. Главное, что-то делать. Двигаться. Бездействие казалось адом. Лучше уж так — без особого толку, зато в движении.

«И как? Не обнаружили? — хохотнул Бес. — За пять суток никто не додумался в штаны

заглянуть? Шансов найти было бы больше[1]».

— Слушай, на кой ты ко мне привязался, а? И без тебя тошно.

«Видали, тошно ему! — призрак вдруг посерьезнел. — А мне не тошно смотреть на тебя? Ты себя давно в зеркало видел? Лужа навоза, мать твою!»

— Твою как мою, — Дем потер костяшкой пальца татуировку под глазом.

«Серьезно, брат, тебя самого от себя блевать еще не тянет? Вместо того чтобы мозгами пораскинуть, ты носишься, как Жучка с задраным хвостом. Хоть бы о девке подумал. Или ты решил мне ее уступить? Спасибо, конечно, за заботу. Но знаешь, у меня как-то в последнее время не стоит».

— Сочувствую, — Дем сел на кровати, обеими ладонями откинув волосы назад. — У тебя имеются другие предложения?

«Слушай, герой, — Бес встал с оккупированного им стула и подошел вплотную. Лейтенант его не слышал — увидел высокие ботинки, остановившиеся рядом. Брат присел на корточки, заглядывая в лицо Дема снизу вверх. — Ты хочешь от своей собственной галлюцинации совет услышать? Это уже не шиза. Это полный дебилизм».

Он ткнул пальцем Дему в лоб. Твердым, вполне ощутимым пальцем. И тычок получился болезненным. Лейтенант давно хотел коснуться Беса, но боялся. Сам не слишком хорошо понимал, чего боится. То ли того, что ничего не почувствует. То ли наоборот. Брат проблему решил за него. Собственно, в этом ничего удивительного не было. Обычно именно он все решал за них обоих. Хоть и младший.

— Да мне по фигу. Хоть галлюцинация, хоть сама Дева ко мне спустится. Я реально понятия не имею, где ее искать. И как.

«Кончай вешать мне лапшу на уши, — скривился Бес. — Все ты знаешь. У тебя всю жизни мозги работали лучше всех в роте, включая капитана. Просто легче дожидаться, когда девчонка сама загнётся. А потом придумать себе второго дьявола. Вот когда они тебя на пару иметь будут, можно сложить ручки и стонать над своей про...ой молодостью. Ты же обычно именно так и поступаешь, верно?».

Дем вдруг забыл, как дышать. Просто забыл — и все. Не мог вспомнить, как надо дергаться, чтобы воздуха глотнуть. Впрочем, весь кислород из комнаты тоже разом куда-то сдулся. Поэтому рефлексы стали неактуальны.

— Ты считаешь, это я виноват? — просипел он.

«Когда? С девчонкой или со мной?».

Бес гипнотизировал его своими желтыми глазами. Лейтенант не мог оторвать взгляда от черных точек зрачков, плавающих в желтых лужицах. Которые разрастались, заполняя собой пространство. Превращаясь в озера, моря. Голова кружилась, пол уплывал из-под ног. Парень падал в зрачки, как в расщелину. Но страх отсутствовал напрочь. Просто Дем знал: там, на дне, лежит что-то очень важное.

«Ли ты прострал — это однозначно и второго мнения быть не может. Причем прострал дважды. И как охранник, и как мужик. И если первое можно как-то исправить, то вот второе... Прости, брат, но еще раз тебе твою бабу никто не пошлет. И так весь язык отболтал, их уговаривая. Ну а я... Тут ты вообще не при делах, никак. Вбей в свою тупую башку: это только мое. И мне, мать твою, очень не нравится, что ты настойчиво пытаешься это у меня отобрать! Очень не нравится!».

— Что отобрать?

Видимо кто-то наверху решил устроить Праздник Открытий и Озарений. В данный

момент Дем впервые в жизни почувствовал — как это в обморок падать. Не отключиться, когда тебя ранили или придушили хорошенько. А просто брякнуться из-за переизбытка, мать их, «чуйств».

«Послушай, жизнь мы с тобой пополам делили. И по-другому быть не могло. Тут никаких претензий ни к тебе, ни к создателю. А вот все, что после, принадлежит мне, понимаешь? — Бес для убедительности бухнул себя кулаком в грудь. — Это только мое. И тебе до этого дела быть не должно. Проводили, мусор закопали — и пока-пока. До встречи!».

— Я тебя не понимаю...

«Значит ты — дебил!»

Правда, резолюцию нежного брата акшара слышал уже как сквозь вату. Темнота затягивала его, и бороться он с этим не мог. Просто не получалось бороться.

В себя лейтенант пришел сразу, резко, как будто Дема выкинули откуда-то. Просто осознал, что он лежит поперек кровати, спустив ноги на пол. По-прежнему в пальто. И от этого ему несколько жарко. Да еще и рукоять «пушки» подло уперлась ему в верхнее ребро, где-то подмышкой. Ощущение не самое приятное и достаточно болезненное. Зато мозги как будто кто-то заботливо тряпочкой протер. Голова была ясной и даже способной соображать. Это стало неожиданным, но довольно милым сюрпризом.

Дем встал, скинул пальто, аккуратно повесив его на «плечики» и убрал одежду в шкаф. Снял наплечную кобуру, ножны с пояса, левого запястья и щиколотки, заперев оружие в личном сейфе. Заправил постель, постелив чистое белье. Умылся.

И все это время шестеренки в его голове крутились, как ненормальные. Работая на пределе технических возможностей. Парню даже казалось, будто он чувствует запах нагретого металла и масла. А еще паленой пыли. Наверное, дряни на его соображалке собралось немало. В последнее время мозгами он пользовался редко.

Скинув сообщение, он, оттянув свитер, подозрительно принюхался. Воняло изрядно. Собственно, как еще должно было пахнуть, если в одной и той же одежде провести почти шесть суток, не снимая ее даже днем? Спасение дамы дело, конечно, благородное. Но если она во время операции отключиться из-за миазмов, источаемых рыцарем, получится не слишком хорошо.

Дем усмехнулся собственному отражению в зеркале и пошел в душ. Времени хватило как раз на то, чтобы вымыться. А вот одеться он не успел.

— Упс! Пардон, я без умысла! — Вар, ввалившийся без стука, застеснялся, опустив глазки, как засмушавшаяся девица.

— За просмотр денег не беру, — отозвался Дем, заматывая бедра полотенцем. — Можешь любоваться моей задницей бесплатно.

— А сколько будет за потрогать? — лейтенант поскреб ногтем татуированную скулу, как-то странно косясь на Дема.

— Бесценно, — заверил он, оттягивая щеку и критически рассматривая запотевшее отражение.

Побриться ему явно не мешало. Но, пожалуй, в данный момент щетина составляла не самую большую проблему.

— Брат, ты ли это? — буркнул Вар, доставая самокрутку из портсигара.

Дем оставил вопрос без комментариев, прошел в комнату, оттерев плечом акшара с

дороги и, бросив полотенце на кровать, начал натягивать штаны. За этим занятием его и застал Из.

— Я, кажется, не вовремя? — поинтересовался он, в лучшей своей манере выломав бровь.

Это простые смертные брови приподнимают. А Из ее именно выламывал эдаким птичьим крылом. Дему всегда хотелось поинтересоваться, сколько лет надо потратить на освоение подобного трюка. Да все забывал.

— Не подумай ничего хорошего, — отозвался Вар, прикуривая самокрутку и наблюдая за Демом поверх огонька зажигалки. — Ты же знаешь — эта девочка занята. Его задница только для Беса.

Дем, натягивая свитер, краем глаза заметил, как Из покрутил пальцем у виска и что-то беззвучно сказал, шевельнув губами.

— Ну да. Поэтому теперь я до конца жизни в завязке. Вам остаются только фантазии.

Дем оперся бедром о стол, рассматривая собственные ногти. Молчанье было ему ответом. Из рассматривал парня с интересом, которым этот извращенец удостаивал немногих. Вар глубокомысленно дымил, подпирая спиной косяк душевой. А только вошедший Яр, услышавший только последнюю фразу, оперся подбородком на плечо Иза и смотрел с истинно материнским умилением.

— Мне показалось, или он выдал целых три фразы подряд? — спросил блондин.

— Я скажу даже больше. Если вы перестанете маячить, — заверил его Дем. — Я вас позвал не мной любоваться.

— А для чего? — послушно подал реплику Из, беря стул и усаживаясь на нем верхом.

— Поздравить. Мы пять дней пороли фигню.

— Ценное замечание, — отметил Яр, без стеснения растягиваясь на кровати и даже подушку под голову подложил. — Неужели додумался про змею? Да ты просто гений, брат!

— Не додумался, — покачал головой Дем. — Но мы вообще не с той стороны к вопросу подошли. Гребанные загадки — это дело десятое. На хрена ракшасу вообще весь этот спектакль нужен?

— Потому что он...ый маньяк? — спросил у потолка Яр.

— Не думаю, — покачал головой Из резким движением откидывая назад черные, глянцево блестящие волосы. — И давайте без шуток о моих предпочтениях. Майор тоже явно не считает этого мудака маньяком. Иначе бы он нам запретил даже на улицы соваться. Кабан точно решил, что это новая фишка ракшасов. Потому и разрешил нам в это дело соваться.

— Захват заложников — это человеческая фишка, — подал голос Вар.

— Я давно говорил: у них и поучиться не грех. Нет...ля, мы гуманные! Зато чернорожие такой фигней не страдают!

- И чего? Нам теперь взрывов ждать или, может, стрельбы среди темной ночи?

— Сейчас речь не об этом, — прервал дискуссию Дем. — На фига ему эти игры с подсказками?

- Чтобы мы к нему толпой приперлись? Естественно, напрашиваясь на теплый прием. Р-раз — и одним махом десяток акшаров. Поди кисло? — лениво отозвался Яр.

— Тогда бы он просто адрес сообщил, где он Ли... дока держит, — Дем потер татуировку. — Нет, смысл этих тараканьих забегов в другом.

— Например? — спросил Вар у собственной самокрутки.

— А ты сам подумай. Он нам карту нарисовал, флажки расставил. Ему осталось только сидеть и смотреть, как мы суедемся. Причем в определенных местах сидеть. Им же и определенных. Сколько из нас во время таких трепыханий засветится? И что засветят? Мальчик явно нацелился на большую охоту, действительно большую. И пока мы суедемся, он нас как крыс по одному перекоцает.

— Дерь-мо, — озвучил общее мнение Вар.

— Ладно, хорош. У тебя есть предложения? — поинтересовался Из, складывая на спинке стула пальцы домиком.

— Поохотиться, — заверил его Дем, усмехаясь нехорошо, недобро так, показывая влажно блеснувшие зубы. — С первой гребанной подсказкой разобраться придется. Надо понять, какое дерьмо у него в башке плещется и как оно работает. Давайте, шевелите извилинами. Про какую змею он плел? Это должно быть что-то простое, до чего додумается любой придурок.

— Видимо, среди нас придурков нет... — горько вздохнул Яр.

— Будут, — пообещал ему Дем. — Если мы до вечера ничего умного не придумаем, то я сам вам мозги вышибу.

— Наверное, это любовь... — протянул блондин.

Три лейтенанта одарили его абсолютно одинаковыми взглядами. Причем мрачен был не только Дем.

— Понял, понял, уже думаю, — заверил их красавчик, закидывая руки за голову, а скрещенные ноги — на спинку кровати.

Дверь не скрипела, ни шелестела, и не клацала. Открывалась она вообще бесшумно. Но Вейр каким-то нутряным чутьем знала, когда появлялся черный. Это знание выдирало доктора из зыбкого, неуверенного, как туман, сна.

Пока ракшас отсутствовал, Ли все время дремала. При нем врач не могла глаза закрыть. Даже моргать старалась пореже. Да и когда она оставалась одна, доктор не столько спала, сколько плавала в бульоне полусознания, на грани сна и бодрствования. По крайней мере, это помогало пережить еще несколько часов. А, заодно, не свихнуться окончательно.

Правда, в полном здравии своего рассудка врач начала сомневаться. Сильно сомневаться. Ни один нормальный человек не смог бы... привыкнуть к ситуации. А она начала. Не смирилась, но стала принимать как данность. И уже не вздрагивала, когда в дверном проеме появлялась чернильно-черная фигура. Черт побери, да Вейр даже испытывала что-то похожее на радость. Просто вместе с ракшасом приходило хоть какое-то разнообразие.

Ошейник с кодовым замком перестал причинять неудобства. Честно говоря, она его уже почти и не замечала. Как не замечала и твердости бетонного пола, на который было брошено только тонкое одеяло. Лежать на нем стало так же естественно, как и на собственной кровати. Доктор научилась орудовать скованными руками: есть, стягивать и надевать штаны во время похода в туалет, даже расчесываться пальцами.

Она привыкала.

Правда, ее еще лихорадило. Необработанная рана, пересекающая щеку от угла глаза до нижней челюсти, воспалилась. Иногда боль дергала так, что даже мысли о том, какой на лице образуется рубец, когда все заживет, переставали волновать. Впрочем, и об этом она думала все реже. Как-то все чаще Ли посещала мысль: этот подвал станет ее последней

остановкой.

Но и страха почти не осталось. Так, плескалось нечто мутненькое на самом доньшке души. Гораздо больше места занимала обида. Ни на кого-то конкретного, а вообще на весь мир. Казалось, что доживать стало бы легче, знай Вейр, что кто-то волнуется за нее, пытается спасти. Пусть от этих попыток толку никакого. Но само осознание собственной важности, нужности уже помогло бы. Только вот имелась маленькая, но довольно неприятная проблема: ни одной живой душе в этом мире врач и даром не сдалась.

И, наверное, жила Вейр ровно до тех пор, пока того же не понял ракшас. Тогда она станет ненужной, бесполезной. А, не смотря на привычку и обиду, умирать не хотелось. Теперь она точно это знала. Ли очень-очень тянуло жить. Пусть даже и в этом подвале, со скованными руками и ошейником на шее. Только бы подольше.

Ракшас, привычно пригнув голову под дверной притолокой, вошел в подвал. Он только мельком глянул на Вейр, сидевшую, прислонившись спиной к стене, и молча прошел в противоположный угол. Там у него было оборудовано нечто вроде рабочего места. Стол, офисное кресло, вполне приличный компьютер. Правда, чем именно он занимался, доктор не видела. Черный предусмотрительно развернул монитор непрозрачным задником к ней.

— Акшара тупые или они умнее, чем я? — спросил «кошачий капитан».

Вейр от такой неожиданности даже вздрогнула. С ней ракшас не разговаривал. Вообще. Все его внимание ограничивалось единственным взглядом, когда он входил, и швырянием пакетов с сухой лапшой.

— Я задал вопрос, — черный решил простимулировать ее мыслительный процесс, подстегнув его утробным урчанием.

Верно, задал. Только вот как еще на него ответить?

— Я не знаю уровень твоего интеллекта, — прокашлявшись, хрипнула Вейр.

Откашлялась она не потому, что у нее горло перехватило. Просто связки от долгого молчания как будто заржавели и нуждались в разминке.

Ракшас кивнул, будто принимая ее ответ.

— Почему они до сих пор не пришли на первую точку?

— Наверное, еще не нашли... — «Или им плевать и на меня, и на твои подсказки».

— Тупые, — вынес вердикт ракшас, уставившись в монитор и барабаня крепкими ногтями по столу.

— Да нет, они не тупые. По крайней мере, у них хватает мозгов быть... — «быть людьми» в данной ситуации звучало бы странно. Пришлось поправляться, — ... не быть животными.

— Животное — это я? — Черный посмотрел на нее поверх экрана. И Вейр, уверенная будто страха почти не осталась, почувствовала, как сердце ухает вниз. — Почему?

— То есть, ты считаешь, что резать женщине лицо — это нормально? — одеревеневшими губами прошелестела Ли.

Промолчать она просто не рискнула. И такой ответ был, пожалуй, самым нейтральным из всех, какие только приходили на ум.

— Тебе больше устраивает вариант с избиением, изнасилованием и отрубанием пальцев? — усмехнулся он, показывая темные, почти серые, зубы. — Я не развлекаюсь, а работаю. Информация должна быть достоверной и получить ее нужно быстро. От слишком сильной боли объект может отключиться. А это потерянное время. И ты мне еще можешь понадобиться. Зачем тебя калечить? Женщине — порезать лицо. Мужчине — яйца.

— А ребенку?

Вот сейчас Вейр стоило бы и промолчать. Но, видимо, стремление общаться заложено в человеческой природе. И нечеловеческой, кстати, тоже. Даже на ракшасов, оказывается, находит желание поговорить. Особенно если тема для беседы такая... увлекательная.

Правда, увлеченным он не выглядел. Скорее просто излагал факты. Он вообще был таким, факты излагающим. И она еще Дема называла автоматом! Да по сравнению с ракшасом парень мог стать олицетворением жизни и эмоциональности!

— Все то же самое. Но с детьми я не люблю работать. Они не обладают информацией. Только если нужно воздействовать на родителей. Гражданских акшара я трогаю редко. Они меня не интересуют.

«Гражданские». Сами акшара называли их «мирные». Есть разница? Понять бы еще, о чем она говорит. И почему это Вейр вообще заботит.

— Ты воюешь только с солдатами, да?

— Я не воюю. Я — ликвидирую, — пояснил ракшас, щелчком пальца отключив компьютер.

Видимо, на сегодня лимит общения себя исчерпал. Черный вылез из-за стола, размял шею, наклонил голову сначала к одному плечу, потом к другому. И глядя при этом на доктора.

— Но для тебя разницы нет. Если они через сутки не появятся, то придется их простимулировать. Тебе это не понравится.

— Тебе приносит удовольствие запугивать?

Голос у Вейр сел, но уже не от недостатка практики.

— Да, — кивнул головой черный.

Он достал из шкафа очередной пакет лапши и швырнул его через всю комнату. Но брикет все равно приземлился точно у врача на коленях. Как обычно. И кому какая разница, что это для нее стало «обычно»? Сейчас это монстр уйдет и можно будет опять лечь. Лежать лучше, чем сидеть. Закрывать глаза легче, чем держать их открытыми.

И думать о желтых глазах приятнее, чем смотреть в черные. Ну и подумаешь! Теперь она может себе это позволить. Собственно, сейчас она могла позволить себе все. Кто бы другой разрешил ей это «все».

Ли поправила свою подстилку, повозилась, пристраивая голову на руке. И только тут заметила рядом со столом темный прямоугольник пластика.

К сожалению, додумались они гораздо раньше, чем наступил вечер. Собственно, обсуждать стало ничего уже к двум часам дня. Но отправляться проверять свои идеи было еще рано. Большинство кабаков и баров, вне зависимости от того людям они принадлежали или акшара, функционировали исключительно в ночное время. А днем там разве что уборщиц можно найти.

Поэтому Дему выключил свет и завалился на кровать. Спать он не собирался, но даже и просто отдохнуть стоило. Утро парня полностью вымотало. Даже выжало. Оказывается, вернуться к себе нелегко. И держаться, как раньше, тоже стоило немалых усилий. Приходилось следить за своей речью. Иначе бы снова скатился к односложным ответам. Но так было нужно. Еще непонятно зачем — для того, чтобы жить дальше или для того, чтобы в этот раз ему дали-таки беспрепятственно сдохнуть. Но нужно.

Он повернулся на бок, сунув руку под подушку и таращась на полоску света из-под

дверью. Искушение закрыть глаза становилось навязчивым. Но свидания с дьяволом сегодня стоило избежать. Вечером предстояло поработать в усиленном режиме.

Поэтому оставалось только гонять в башке воспоминания. Для разнообразия, не вызывающие острых приступов психоза. Например, как докторица таращилась, вцепившись в его пальто. Он никогда бы не подумал, будто стать для кого-то гребанной опорой — это настолько приятно. Но ведь она действительно хваталась за него, как будто он и вправду ее спасал...

Все-таки, Дем, наверное, задремал. И ему даже приснилось, будто у Вейр зазвонил мобильник. Просто у его телефона звонок был другим, Ну, а кому могут еще названивать посередине дня? Только полоумной докторше.

Назойливое зудение, смахивающее на жужжание комара, никак не хотело утихать. Лейтенант заворочался, потёрся о подушку лицом, выдирая себя из дремы и...

Слетел с постели, едва не растянувшись на полу во весь рост — ноги запутались в одеяле. Тратить время Дем не стал. Проворно, как ужаленная в зад черепаха, на четырех костях, добрался до стула, на спинке которого оставил свои штаны. Телефон, отобранный у Свира, он выдрал из кармана едва ли не с подкладкой.

— Да! — рявкнул лейтенант так, что его самого передернуло.

— Это ты? — прошелестело в трубке тихо.

Акшара ничего не понял. Вот не понял — и все!

— Алло? — растерянно переспросил парень, чего не делал никогда и даже зачем-то в динамик подул.

— А это я... — отозвался все тот же шелестящий голос. — Это точно ты?

Говорила она не испуганно, а, скорее, скептически-сомневаясь. Как будто докторша не могла определиться, примерещился ей голос Дема или нет.

— Точно. Это я, — лейтенант потер лоб, а потом постучал кулаком по голове. Соображалось все равно плохо. — Погоди... Ты где?

— Не знаю. В подвале каком-то.

— Описать можешь?

— Могу, — хмыкнула она, — четыре стены — бетонные. Пол и потолок тоже бетонные. Еще одело есть.

— Какое еще одеяло? — Дем поднял свое собственное, покрутил его, как будто видел впервые и бросил обратно на ковролин. — Ты можешь дать хоть какие-то ориентиры? Приметы? Когда он тебя вез, помнишь?

На том конце волны доктор вздохнула, и лейтенант кристально ясно понял — ничего она ему не скажет. Парень метнулся из комнаты, едва не выдернул ручку из створки и медленно, аккуратно снова закрыл дверь.

Куда нестись? Телефон по звонку пеленговать? Ну да, хорошо, если спутник, через который сигнал идет, засекут. Тайна личной жизни граждан портила кровь не только полиции. Акшара, оказывается, тоже. Таким макаром скорее человеческие безопасники Базу отследят, чем они докторшу.

— Ты тут? — встревоженной мышью пропищал голосок.

— Тут. Откуда у тебя телефон?

— Потерял... — Вейр откашлялась, — он потерял. Ракшас. — «Точно! А он — Дем — гребанная балерина...», — Господи, ты даже представить себе не можешь, как это хорошо! Ты только не пропадай, ладно?

— Пока не пропаду, — заверил он докторицу, чувствуя, что улыбается, хотя происходящее к улыбкам не располагало. Маразм крепчал. Но ее радость погладила где-то внутри груди, как мягкой лапой. — Но мне нужно будет уйти.

— Куда?

— Можно подумать, у меня дел много. Тебя вытаскивать.

— А ты... меня спасаешь?

— Есть повод сомневаться?

Темнота, наполненная откровенным недоверием, помолчала.

— Де-ем, а расскажи мне что-нибудь. Пожалуйста.

— Что тебе рассказать? — лейтенант откровенно растерялся.

Сказок он не знал, а в подробностях описывать ей, как он ракшасов режет, казалось не самой удачной идеей.

— А... расскажи о своем брате, — попросила Ли осторожно.

Наверное, стоило хотя бы спросить, как она. А еще лучше попробовать вытрясти какие-то ориентиры. Ну, на крайняк, попытаться успокоить фигней из разряда: «Все будет хорошо!»...

— Тебе наверняка уже показали ту фотку, где мы с ним спим? — Вейр молчала, но лейтенант знал — она кивнула. — Над этим реально не прикалывался только ленивый. А большинство, кажется, до сих пор уверены, что мы и в самом деле... э-э-э... ну, нетрадиционные.

— А вы не?.. Ой, прости, само как-то с языка слетело. Это не мое дело, конечно!

— Да все нормально, — Дем потер татуировку и сел на развороченную кровать. — Нет, мы вообще не по этому делу. Знаешь, это как самого себя... Ну, в общем — нет. Просто мы всегда спали вместе. С детства. Как в одну кроватку мама нас положила — так и спали. И когда кадетами стали, не могли привыкнуть порознь. Ну, не спим, причем оба, и все. Знаешь, как будто не хватает чего-то. Мешает это дико, раздражает. Ворочаешься, ворочаешься, а толку ноль. Нас гоняли, конечно. Даже наказывали. А потом плюнули. Нет, ну я виноват, что Бесу моя рука круче всякой подушки была? Я до сих пор ее... — лейтенант осекся, уставившись на эту самую руку. Ну, не говорить же, что Дем ее под подушку сует. Казалось неправильным, когда на нее ничего не давило. — А ты одна в детстве спала?

— Не совсем, — кажется, она смутилась.

— Нет уж, давай по чесноку. Я же тебе рассказал.

— Ну, в общем, у меня был... крот.

— Кто?

— Крот. Игрушка такая. Плюшевая. Между прочим, синий.

— Кроты синими не бывают.

— Будешь издеваться, ничего я тебе рассказывать не буду!

— Я не издеваюсь, я смеюсь... В смысле, молчу.

Темнота настороженно прислушалась, проверяя, молчит он на самом деле или нет. Дем даже попытался нацепить на морду маску сосредоточенности и полного внимания. Правда, получилось не очень. Слишком живо ему представлялась девчонка с огромными глазищами, прижимающая к себе синего крота.

— Мне его бабушка подарила. И я с ним... В общем, он у меня даже в колледже на кровати сидел.

Голос у докторицы звучал слишком уж равнодушно. Надо понимать, что синий монстр и

в колледже не только на кровати сидел.

— Ли, а как ты волосы в колледже причесывала? — акшара покрутил пальцем вокруг собственной башки, видимо изображая причёску.

— Да по разному... Но чаще два хвоста завязывала. А что?

— Ничего. Просто подумал, что ты, наверное, очень серьёзной была.

— Да ты что! — темнота тихонько засмеялась. — Ещё та раздолбайка! Я даже травку курила.

— Серьезно?

— Серьезно. Правда, один раз.

— Расскажи.

— Да чего там рассказывать?

Дем буквально видел, как она покраснела. А краснела она забавно — скулами и ушами. Лоб и подбородок при этом наоборот бледнели.

— Расскажи, расскажи. Люблю слушать про плохих девочек.

— Опять издеваешься? — подозрительно поинтересовалась темнота.

— Да ни в жизнь! Серьезен, как выстрел. Рассказывай.

Парень растянулся на кровати, прижимая трубку к уху. Все фигня. Главное — жива. А все остальное... фигня. Он ее найдет.

[1] Одноглазая змея — сленговое выражение, мужской половой орган.

Глава четырнадцатая

Глава четырнадцатая

Змея была не только одноглазой, но ещё и беззубой. Облезший пластиковый каркас, лишённый большинства неоновых трубок подсветки, беспомощно щерился в темноту, больше всего походя на скелет очень экзотического животного.

Хозяин «Соло» недаром слыл человеком предприимчивым, зря на ветер деньги не разбрасывающим и оттого умеющим выжать прибыль даже из кухонных тараканов. Вывеску, оставшуюся от прежних хозяев помещения — а, кажется, до дрянного ночного клуба тут размещался не менее дрянной тату-салон — он выбрасывать не стал. Только выковырял лишние буквы так, чтобы вышло название «Соло». От этого надпись только выиграла. Появился в ней некий мусорный шарм.

Вот и извивающаяся как стриптизёрша змея осталась от прежних владельцев. Но поскольку львиная доля неона давным-давно сторела, то большинство посетителей воспринимали этот декор вывески как некий абстрактный рисунок. Но если присмотреться, то с баннера щерилась именно кобра. Действительно одноглазая. И — да, беззубая.

У входа в клуб шевелилась толпишка жаждущих потрясти конечностями, выпить, ширнуться и осчастливить себя и окружающих вялым трахом в местном грязном сортире. Под мелким, унылым осенним дождём в основном маялись особи условно мужского пола разной степени тщедушности.

Баб в ночной клуб пропускали беспрепятственно и в любом количестве. Так как не многие девахи рисковали давать отпор профессионалкам, отстаивающим свою территорию с отчаянностью крыс. А папаша Соло считал, что разнообразие, все-таки, нужно. Поэтому и велел девок пускать без очереди и бесплатно. Правда, это не помогало. На танцполе все равно преобладали дамочки, не только чётко знающие себе цену, но даже способные без

запинки перечислить прејскурант на услуги.

Перед акшара толпа жажущих увеселений и зрелищ расступилась безропотно. Вякнуть хоть слово против не рискнул никто. Зато за их спинами тихие, как шуршание бумаги, пожелания разнообразить свою сексуальную жизнь, в основном за счёт извращённых форм самоудовлетворения, слились в неясный бубнеж. Который, впрочем, с успехом заглушал монотонный дождь.

Дебелые охранники, на обнажённых торсах которых углеводный жир сражался с раскоченными мускулами, против новых гостей «заведения» тоже ничего не имели. И даже услужливо ангарные двери приоткрыли. Но тут дело было не в природной робости секьюрити. Этих гостей у «Соло» знали хорошо. Парни, конечно, даже выглядели как один большой ходячий геморрой, но наличку в баре оставляли регулярно и без писка. И, не смотря на свою внешность, особых проблем не создавали.

Вот только сегодня охранники поглядывали на акшара как-то уж очень многозначительно.

Яр, остановившись прикурить прямо перед дверью, на которой красовалась жирно перечёркнутая сигарета, вопросительно приподнял бровь, дёрнул подбородком снизу вверх, мол: «Какие проблемы, парень?». Секьюрити помотал налысо выбритой башкой и, ничуть не скрываясь, что-то неразборчиво буркнул в «переговорник», безуспешно прикидывающийся кожаным браслетом.

Вар нежно, так, что красавчик едва рожей в двери не влетел, подтолкнул блондина в спину, мельком улыбнувшись охраннику. У бравого стражника дёрнулась рука. Казалось, что он хотел перекреститься, но в последний момент передумал. Зато лицом парень владел гораздо лучше. На нем ни один мускул, ни одна жировая складочка не дёрнулась. Профессионал, что и говорить.

Но, все же, пройти лейтенантам в клуб не дали. В холле, украшенной густо отбитой плиткой и зеркалами в черных страшных потёках истёршейся амальгамы, их перехватил не менее тучный, чем охранники на входе, мужик. Правда, этот, в отличие от «лысиков», был в свитере. Поверх которого, ни кого не стесняясь, мощные телеса стягивала рыжая кобура.

— Пришли проветриться, парни? — поинтересовался он, почему-то глядя исключительно на Дема.

Лейтенант ничего не ответил, буравя начальника службы местной безопасности взглядом, далёким от дружелюбия. Молчание, разбавленное истеричным, но приглушенным визгом музыки, затягивалось.

Мужик кашлянул, двинул откормленной бычьей шеей и провёл пятерней по подбородку, словно утёрся.

— Ладно, это ваши дела. Я в них не суюсь. Только скажи, это как-то связано с Бером?

Ситуация изменилась кардинально. Теперь начальника сверлил не один, а сразу три очень далёких от дружелюбия взгляда. Мужик выставил перед собой ладони, как будто отгораживаясь от них.

— Парни, это ваши разборки. Я в них и не суюсь. Моё дело маленькое. Только вот с Бером я пять лет вместе тут оттарабанил. Он мне нечужой, понимаете ли. И мне не нравится, когда моих людей на фарш разделявают. Бесит это, если вы знаете, о чем я говорю.

— Понятия не имеем, — протянул Яр, выпуская в запятнанный потёками потолок струйку дыма. — А о чем ты говоришь?

— Да ладно! — скривился мужик, явно не поверив в наивность блондина. — Бер постоянно с такими как вы тусовал. Ясно же, что он хоть из бывших, но ваш.

— Такие как мы, это кто? — видимо, красавчик решил взять на себя неблагодарную роль переговорщика.

— Да хорш из меня девочку то лепить! — выверился начальник охраны. — Я понятия не имею, чем вы, парни, занимаетесь. И, знаете, только крепче от этого сплю. Насрать мне, банки вы грабите, дурь вагонами грузите или ещё что. Мне только надо, чтобы тот, кто моего парня порезал, собственными яйцами подавился. Я не знаю, кто Бера кончил. Но того, кто знает, в зад чмокну и «милой» назову.

— Ты не похож на девочку, — вынес вердикт Яр, оглядев покрасневшего от злости мужика от пламенеющей лысины до громадных сапог.

Дем его остановил, положив руку на плечо блондина, который явно собрался устроить-таки сегодня службе охраны «Соло» чуток проблем.

— Нам нужно найти клубнику, — лейтенант усмехнулся, потеряв костяшкой татуировку под глазом и мотнул головой, словно сам поражаясь, какую херню порет. — Ей оставили для нас послание.

— Клубнику? — набылчился охранник, уставившись на Дема. — Кончай базарить. У меня сегодня настроение не то. Какая ещё к грёбанной матери клубника?

— Думаю, речь о бабе идёт. А может, тут у вас место есть с клубникой. Нарисованной или наляпанной. Ящик там, кабинка для одежды?

Мужик помолчал, мрачней все больше. Кажется, он всерьёз считал, что парни просто глумятся над ним. Только вот их рожи к смеху не располагали. Скорее будили желание немедленно пойти, и повеситься самому. Всё не так мучительно.

— Нет у нас тут никаких клубник, — помотал напоминающей бильярдный шар башкой начальник.

Вар, цыкнув, длинно сплюнул на из без того не слишком чистый пол. Яр повёл плечами под кожаным пиджаком так, словно всерьёз собирался вломить охраннику за его неосведомлённость. Только Дем оставался спокойным, как сдохший удав.

— А если подумать? — разделяя каждое слово едва заметной паузой, надавил он.

— Да точно я тебе говорю, — заверил мужик, невзначай поправляя кобуру. — Я этот гадюшник как собственный зад изучил. Хотя... Нет, стой. Знаю! Знаю, твою мать!

Начальник заметно расслабился, опустил напряжённые плечи. И даже улыбнулся. Ну, по крайней мере, сделал что-то такое, от чего его рожа темной щелью треснула пополам.

Где-то снаружи появился ракшас — будто разодрал плёнку пузыря, отделяющего мир доктора от реальности. Впрочем, тонкая перегородка тут же сомкнулась за его спиной, снова запирая Вейр в клетке бетонных стен. Но это было не слишком важно. У неё появился гораздо более надёжный мостик с нормальностью, чем какие-то там дырки в пузырях-коконах.

Ли сунула руку в карман, сжимая крохотное тельце телефона. Врачу казалось, что пластиковый прямоугольничек слишком заметен со стороны. И ещё она постоянно боялась его выронить. Хотя сидя неподвижно это сделать довольно сложно. Но вот боялась и всё.

Настороженно, как испуганная кошка, прислушиваясь к лёгким, практически бесшумным шагам чёрного, Вейр расковыряла ногтем шов, костеря себя за то, что раньше до этого не додумалась. К счастью, тонкие нитки поддавались охотно, как будто были с ней в

сговоре. Телефон послушно скользнул в дырку, мгновенно затерявшись между толстой подкладкой и тканью. Доктор перестала его чувствовать, от чего паника колыхнулась в желудке кислой волной.

Она сунула руку за подкладку, ещё больше раздирая дырку, и нащупала тёплый пластиковый бочок. Паника успокоилась, уже не бурля, а просто привычно плещась, как вечерний прибой. По крайней мере, это дало возможность дышать. Гораздо сложнее было заставить себя вытащить ладонь из кармана.

Но когда ракшас вошёл в подвал, Вейр сидела как всегда, прислонившись спиной к стене и сложив руки на коленях. Правда Ли сама прекрасно понимала, что с невинностью она переборщила. Стянутое в мину а-я-тут-не-при-чем лицо вряд ли могло убедить даже слепого. Но справиться с мышцами у доктора не получалось. Они закаменели, словно их ботоксом обкололи.

Чёрный слепым не был явно и надежд Ли не оправдал. Ракшас вместо обычного беглого взгляда одарил заложницу куда большим вниманием. Просто пялился на неё, явно что-то прикидывая. Не спеша перешагнул через порог, но направился не к столу с компьютером, а прямо к врачу.

Вейр вжалась спиной в стену, сглотнула. Точнее, попыталась — слюна застряла мгновенно высохшей коркой где-то посередине горла. Мягко переступающий с пятки на носок, как будто крадущийся, ракшас казался ей просто огромным. С каждым шагом он всё больше нависал над ней, хотя и был ещё довольно далеко.

Мелькнувшее в черных пальцах лезвие едва не заставило Ли заверещать, сжавшись в комок, прикрывая голову руками. Но Вейр осталась сидеть, как сидела. Впрочем, в этом было больше заслуги не природной смелости, а тёплого пластикового прямоугольничка, который она судорожно сжимала. Хотя от мелькающего серебристой юркой рыбкой лезвия бетонные стены начали медленно вальсировать, а холодный пол стал зыбким, как кисель.

— Звонила? — промурлыкал ракшас.

Доктор ничего не ответила. Даже если бы и хотела — не смогла.

— Тогда почему они до сих пор не дёргаются? — ракшас ощерился, показывая сероватые зубы. — Ты же не просто акшарская дырка, верно? Ты же врач, баба того мудака, которого я в подъезде вырубил? Так?

Вейр молчала, пытаясь вдавить собственный затылок в стену. Но, не смотря на то, что бетон мерещился зыбким, ненадёжным, он не поддавался. Скорее бы треснули кости, чем стена.

— Ве-ерно, — протянул чёрный, теперь вполне реально нависая над ней.

Ли задрала голову, таращась на его грязно-голубые белки, полуприкрытые лениво опущенными веками. Смотреть было невыносимо страшно. Ещё чуть-чуть, буквально пара капель ужаса — и она начнёт колотиться в припадке, вопя, чтобы её выпустили отсюда. Но совсем не видеть его страшнее.

— Ладно, простимулируем, — улыбка ракшаса не слишком отличалась от его же оскала. — Как считаешь, что лучше? Отрезать тебе уши, выдавить глаза или по старинке трахнуть? Хотя, можно и не по старинке. Если дать фантазии развернуться, то результаты могут быть очень неожиданными, верно?

Он присел на корточки, свесив руку с ножом между колен, и почти нежно провёл ладонью по лицу Вейр. Кожа у него была холодной и чуть липкой, как у трупа. Ли дёрнула головой, ткнувшись носом в собственное плечо.

— Сама-то ты что предпочитаешь? Ну, говори-говори, пока я ещё спрашиваю. Со своим мудаком наверняка была разговорчивее! — доктору показалось, что ракшас действительно разозлился. Хотя обычно в нем эмоций было не больше, чем в том же бетоне. — Говори, сука!

Он стиснул её щеки так, что зубы хрустнули. Вейр заскулила — без слов и слез, просто заскрипела горлом.

— Значит, выбор за мной, — удовлетворённо мурлыкнул ракшас.

И его рука с хищным ножом начала медленно-медленно, как в кошмарном сне, подниматься.

Писк компьютера прозвучал как божий глаз. Ли показалось, что сигнал не деликатно пиликнул, а прогремел, эхом отразившись от стен. Чёрный обернулся через плечо, кажется, недовольный. Отпустил лицо доктора, встал. Вейр, сухо всхлипывая, тряпичной куклой завалилась на бок — заледеневший позвоночник напрочь отказывался поддерживать тело в горизонтальном положении.

Она бы хотела закрыть глаза, но веки ей не подчинялись, будто их тоже заморозили. А, может, просто яблокам стало вдруг мало места внутри глазниц. Доктор смотрела, как ракшас, наклонившись над монитором, опираясь на столешницу рукой с все ещё зажатым в ней ножом, что-то быстро набирает на клавиатуре. И снова скалится — на этот раз довольно.

— Давно бы так, — сообщил он монитору. — Тебе сегодня повезло. Даже стимуляции не потребовалось. Молись, чтобы дальше твой мальчик соображал быстрее. А то моё терпение не безгранично. Игра и наскучить может.

Этот на всю голову больной урод, на неё даже не смотрел. Лезвие исчезло из его ладони по велению того же волшебства, которое его вызвало. Теперь ракшас что-то печатал всеми десятью пальцами. Отправив сообщение — или введя команду, Бог знает, чего он там химичил? — чёрный отключил процессор и ни слова не говоря, вышел из комнаты. Даже очередной пакет лапши швырнуть позабыл.

Или собирался быстро вернуться.

Вейр напряжённо прислушалась к тишине, приподняв голову. Звук закрывшейся двери она не услышала — почувствовала скорее. Как будто в грудь ей едва ощутимо толкнула воздушная волна. Вытащить телефон из-за подкладки оказалось непросто. Пластиковое тельце упорно цеплялось за что-то, как будто боясь появляться на свет. Видимо, в темноте ему было уютнее. Ли его прекрасно понимала.

Номер доктор тоже набрала не с первого раза. Руки тряслись как у паралитика, да и сил хватало только на то, чтобы шею вывернуть. Тело было онемелым, кисельным — ни намёка на суставы и кости.

— Да! — рубануло по уху даже раньше, чем допиликал первый сигнал вызова.

— Он ушёл. Пришёл, потом какое-то сообщение пришло и он ушёл. На компьютер пришло. То есть, я не знаю, может и не сообщение, но что-то такое и он...

— Ты цела? — перебил её Дем.

— Да, он не усел. То есть, собирался, но... А потом, — Вейр покопалась носом в складках одеяла, разрывая дырку, и прижалась лбом к ледяному бетонному полу. Стало немного легче. — Да, со мной все нормально. Он меня не тронул. У него какой-то сигнал сработал, на компьютере. И он что-то...

— Я понял. Это просто отлично. Ты потерпи, недолго осталось.

Ли перевернулась на спину, прижимая замолчавшую трубку обеими руками к груди. Наверное, сейчас акшара натягивал на себя эту маску... Нет, не так. Он натягивал свою гребенную маску — вот как. И шёл сюда. Он же сказал, что все просто отлично и осталось недолго. Ничего, если совсем чуть-чуть, то она потерпит.

— Ты уверен?

Скепсиса в голосе Вара могло бы быть и поменьше. Конечно, давно заброшенный и только, видимо, милостью Девы не рухнувший дом, выглядел слишком уж киношно. В боевиках всегда так — если не завод и не стройка, то точно заброшенный дом. И в нем полагается носиться по этажам, отстреливая главного злодея. Финальная сцена, понятно, на крыше.

Хотя во всем этом дерьме и без руин хватало киношности. Загадки от траханного маньяка. Тайнственные послания, полученные от проститутки, больше всего смахивающей на большой кусок жвачки. Ну да, она даже воняла как клубничная жвачка. Хотя обрывок, который она передала, на письмо Злодея не тянул. Дешёвая пластиковая страничка, сломанная пополам. И явно выдранная из какого-то справочника. Даже текста нет — сплошные закорючки да формулы.

Ну, ещё штрих-код какой-то в углу. Вот его Дем как только увидел — так и развил космические скорости, словно в зад укушенный. Слушать никого не хочет, глаза прищурил и ухмыляется все время. Понятно, что задумал хрень. Непонятно только какую.

Теперь вот — не хотите? — антураж финальной битвы, в котором обязательно кто-то навернётся с крыши. Такой себе грёбаный полет на фоне звёзд. Красота!

— Серьёзно, Дем, почему тут?

Из щелчком наманикюренного и, кажется, даже отполированного, ногтя сшиб с тонкой пахитоски[1] пепел. Этот акшара умудрялся выглядеть как баба даже в бронике, дурацкой балаклаве, закатанной на затылок, и с автоматом наперевес. Хотя, конечно, вряд ли нашли смертники, рискнувшие ему сообщить, что он смотрится дамочкой. Из этими самыми лощёными пальчиками шею бы свернул. Да ещё и кончил при этом. Он от таких штук кайф ловил.

— Потому что тут была единственная библиотека во всех ближайших районах, — рассеянно отозвался Дем, прищурившись, рассматривая пустую коробку дома.

Здание в ответ пялилось на него пустыми провалами окон-глазниц. Оно прибытию такой толпы явно было не радо. Лейтенант нервно провёл языком по передним зубам. Но, кажется, дёргался он не от испуга, а от возбуждения.

— А я все понял, — согласился Вар, покивав для убедительности. — А знаешь, что я понял? Капитан. й положит на все твои догадки. И трахнет тебя. Потом грохнет и трахнет ещё раз.

— Дохлого? — выломал бровь Из, усомнившись в вероятности именно такого исхода событий.

— Кончай триндеть! — глухо, как из бочки, бухнул Пал. — Время не казённое. Чего у тебя там?

Дем сунул кулаки в карманы, глянув через плечо, где у забора маялись дурью четыре отряда в полном составе, дожидаясь, пока лейтенанты наговорятся и скажут уже, куда бежать и в кого палить. Не хватало только солдат и сержантов самого Дема, которым велено было прохлаждаться на Базе, и отряда Деса. Эти были вынуждены дожидаться, пока их

командир либо сдохнет, либо вернётся в строй.

— Парни, не знаю, как там со мной, но вам кэп точно задницу прижжёт. Только у меня просто времени нет эту херню согласовывать, а потом выслушивать от майора, какой я лошара. Так что...

— Ты действительно лошара, — высказался Яр. — Эт мы в курсе. План излагай, а? Или пока ты тут сиськи мять будешь, мы пойдём бухнем и по девочкам?

— Да хер с вами! Хотите задницы подставлять — ваше дело, — махнул рукой Дем. Только вот довольная, как у слона, ухмылка с его словами не слишком вязалась.

— Короче, вам просто надо на шуметь. Если я правильно понял, то на первой точке этот урод никакого дерьма нам спецом не подготовил. По его задумке мы должны расслабиться и явиться сюда уже готовенькими. Так что, смотрите по сторонам и ждите какой-нибудь жопы. Ловушки, толпы ракшасов — я хрен знаю, чего он там напридумывал.

— С чего ты это взял? — рассеянно поинтересовался у едва видимых звёзд Из.

— Потому что он грёбанный псих, — осклабился Дем. — Прямо как я.

— Я тоже грёбанный псих, — обиделся Вар, скривив татуированную физиономию. — Только мне такие мульки в башку не втетериваются.

— Кончай триндеть! — отвесил ему затрещину Пал, решивший видимо на эту ночь ограничить свой словарный запас только этой фразой.

— Ваша задача: поднять шум и сделать вид, что вы мышку ловите. Только давайте поосторожнее. Постарайтесь шкурки не попортить. Нам шум нужен, а не реальный бой. Уходите, как только станет горячо, понятно? Я же тихонечко, задками, проберусь один. Наверняка он придёт полюбоваться на поднятый шумер. Это в кабаке его шлюха предупредила, что мы заявили. Тут уж он припрётся сам, глазками посмотреть. И я ему на хвост сяду. Конец истории.

— Мне это не нравится, — выдал посерьёзневший Вар, — то, что ты один пойдёшь, мне не нравится.

Судя по напряжённым и не слишком довольным минам остальных лейтенантов, им это нравилось ещё меньше.

— Спокойно, брат, — хлопнул его по плечу Дем. — Сегодня я на тот свет не собираюсь. Рано ещё. Давайте, хватит яйца высиживать. Надо прикинуть сетку прохода. Я тут схемку здания скачал и скинул вам на планшеты. Думаю, первым пойдёт отряд Пала. У него ребята самые крупные и тихо вести себя не умеют, даже когда очень хотят...

Полуразрушенный дом хмуро смотрел на то, как внизу, в темноте, подсвеченной только красными искорками сигарет и редкими вспышками фонариков, суетятся муравьи. Рубленные команды баламутили застоявшуюся тишину, которую рисковали нарушать только крысы да застенчивые бомжи. Короткие, резкие жесты колебали слежавшиеся пласты воздуха, провонявшего пылью и плесенью. Крошево бетона шуршало под тяжёлыми ботинками.

Все было не так, неправильно. Слишком мельгешаще, слишком шумно. Дому, который нежно любил свою летаргию, все происходящее казалось чересчур суетливым, ненужным.

Ракшас, присевший на корточки в тени наполовину обвалившейся стены на противоположной стороне улицы, с домом полностью согласился бы, только вот прочитав эмоции здания он не мог. Впрочем, ему было наплевать на чужое мнение. И, кстати, его суета и поднятый шум устраивали полностью. Может, он даже и желал, чтобы тупые акшара возились ещё громче. Но и так выходило неплохо.

Дождавшись, пока спина последнего солдата скроется в чёрном зеве подъезда, Гэр, усмехнувшись, поднял к уху руку с зажатым в ней телефоном. Надо, надо учиться у людей. Они придумали много интересных фишек. И если другие ими пользоваться не хотят, то это не его, висса, проблемы. Главное — результат. А он обещал быть весёлым.

По крайней мере, Гэру смешно уже стало.

Обглоданный временем короб дома притих, как будто притаившись. Только камешки шуршали под подошвами, да слышалось эхо чужого дыхания. Но и то больше в наушнике, чем снаружи.

Яр прикрыл глаза, защищая зрачок от луча света, мазнувшего по стене. Происходящее лейтенанту нравилось все меньше и меньше. Как-то тут тихо было, слишком тихо. Его отряд прочесал уже весь первый этаж целиком и успел спуститься в подвал. А вокруг никого и ничего, даже крысы не шмыгают.

Конечно, Дем мог просто ошибиться. Но зверь внутри акшара скалился, дыбил шерсть, припадая на передние лапы. Чувствительностью Вара он не обладал. Но тут уж слишком сильно пахло неприятностями — воняло просто. Главное, непонятно, откуда их ждать...

Яр остановился, поднял руку, приказывая солдатам замереть на месте. Прислушался. Звук был, точно был. Только очень тихий, где-то далеко, даже не в доме, а снаружи. Но от него зверь заметался, как будто требуя выпустить его на волю.

Лейтенант перехватил автомат одной рукой, содрал натянутую до шеи балаклаву, откинув с уха светлые, как будто даже светящиеся в темноте, волосы.

На улице выли сирены. Обычные сирены человеческой полиции. Ни одна и не две. Пожалуй, что даже и не десять. Они верезжали, как собаки, загоняющие добычу. И приближались. Собственно, машины наверняка были гораздо ближе, чем ему казалось. Просто толстые стены подвальных перекрытий глушили их истеричные завывания. И мешали определиться.

Успеют они пробраться к выходу до явления на сцене первых полицейских или не успеют? Блондин оглянулся через плечо, как будто ожидая увидеть за своей спиной группу поддержки с пипидастрами. Но чуда не произошло. У стен замер его собственное второе отделение во главе с сержантом. Девять до зубов напичканных железом мужиков. Девять акшара. Хорошо, что только девять, а не весь взвод. Как будто это могло помочь...

Грёбанный мудака! Траханый чёрный урод! Совсем шизанулся или как?!

Впрочем, этот вопрос сейчас на повестке дня стоял отнюдь не первым в списке. Лейтенант сунул автомат подмышку, выуживая из кармана на штанине планшет. Дем говорил, что скинул план здания. Оставалось надеяться, что в нем имеется хоть намёк на то, как смыться из этой крысиной ловушки.

Яру казалось, что время разделилось на два потока. Здесь, в подвале, оно почему-то потекло заторможено. Даже пальцы орудовали вдвое медленнее. Зато снаружи дома, судя по надвигающемуся реву сирен, оно несло вскачь. И солдаты занервничали, уставившись на лейтенанта, как на явившегося Спасителя. Знали бы они, как у него самого кишки сводит...

Блондин пролистывал схемы коммуникаций, чувствуя, как у него от напряжения даже задница взмокла. Выход должен быть, обязан просто. Ну, не светит ему, Яру, вот так кончить. И впрямь, как крысе.

Палец замер над тускло мерцающим экранчиком, а потом отмотал пару страниц назад. Лейтенант усмехнулся, убирая планшет на место. Ну, крысы, так крысы. Почему бы и нет,

собственно? Махнув солдатам, красавчик двинулся вперёд, придерживая автомат, чтобы он — не дай Бог! — по стенам не шваркнул.

Когда телефон зазвонил, он поморщился так, что все его лицо перекошило. Кажется, даже нос съехал куда-то на сторону. Не сказать, что этого звонка он не ждал. Ждал, конечно. Только вот приятнее от этого не становилось.

Прежде чем взять трубку, мужчина выбрался из кресла, выглянул за дверь, убедившись, что коридор пуст и плотно прикрыл створку за собой. На место он возвращаться не стал — пристроился на столе. Сел криво, боком, не слишком удобно. Но ему казалось, что это внешнее неудобство компенсирует внутреннее. Недаром люди говорят, что когда болит голова, жопе становится легче. Здесь же ситуация обратная, но от перестановки слагаемых смысл не менялся.

Телефон умолкать даже и не собирался. Впрочем, его собеседник всегда отличался завидным упорством и целеустремлённостью.

Его бы энергию, да в мирных целях.

— Слушаю... — обречённо бросил в пустоту мужчина, большим пальцем нажав на кнопку вызова.

Впрочем, тишина мгновенно перестала быть таковой. Взорвалась, хриплым, лающим голосом, рассыпалась на осколки, которые впились в слишком нежный мозг с осиной яростью.

— Ты что, мать твою, себе позволяешь, а? Жить надоело? Так ты скажи, я быстро тебе ящик сварганю. Хочешь, даже с подсветкой и холодильником! Чтобы твои яйца сохранились для потомков нетронутыми. Только вот если ты немедленно не перестанешь творить...ню, то причиндалы окажутся у тебя же в глотке и я...

Мужчина отодвинул от уха гавкающую трубку и даже потряс ею, как будто мог вытряхнуть из неё буравящий голос. Но он никуда не пропал, продолжая рубить воздух взбешённым лаем. Самое противное, что собеседник — хорошее определение для того, кто обещает накормить тебя собственными гениталиями, да? — был абсолютно прав. Только его вина и ничья больше. Не уследил, не удержал на поводке, упустил. Нет, можно, конечно, сказать, что такого пса поди ещё удержи! Но вот кого это интересует? Твоя собака, не чужая. Значит, и отвечать будешь ты.

Он вернул трубку, кажется, раскалившуюся от воплей, к уху.

— Послушай, я, конечно, понимаю, что ситуация неприятная, но что ты мне предлагаешь сделать? Я его даже придавить не могу. Он прячется от всех. И такой профи, если захочет, может потеряться даже солнечным днём на пляже. Я его ищу, конечно, но...

— Что «но»? Что ты жмёшься, как девственница? «Но» у него! Мне ты что прикажешь делать, а?

Мужчина вздохнув, крепко растёр свободной ладонью затылок. И он, и брехун в телефоне — оба прекрасно понимали, что выход существует лишь один. Вот только выход этот был каким-то... кривым. Нет, понятно, что на таком уровне об этике и совести говорить уже как-то и неприлично. Но и сдавать своих неудобно. Шевелится что-то внутри, ворочается, перекачивается тяжёлым шаром. Если бы ещё существовало другое решение проблемы!..

— Я тебе приказывать не могу, не смейся, — ответил он, чувствуя на языке протухшую кислятину. — И мне насрать, что ты или кто-то другой будете со всем этим дерьмом делать.

Это уже не мои проблемы.

В трубке ехидно помолчали.

— Сдаёшь, значит? Ну-ну... Кому хоть сдаёшь-то?

— Да мне по херу! — кислятина превратилась в горечь, а та в горячее бешенство. — Какая мне разница, кто его порешит, люди или акшара? Короче, не дёргай меня больше. И решай свои проблемы сам.

— Ну, вообще-то, это твои проблемы, — усмехнулся голос. — Но ладно уж, по старой дружбе я их решу. Только вот ты, мой дорогой, должен будешь.

— Да пошёл ты вместе со своими долгами, — от всей души пожелал мужчина, швыряя ни в чем не повинную трубку на стол.

Видали решателя проблем? Уже, небось, спустил свою свору с поводка. А теперь вывернул всё так, будто другого выхода у него не было, вынудили его. Ещё должником сделал.

Как же это все заколебало, кто бы знал! Самого иногда так и тянет рвануть весь этот мир к чёртовой матери. Чтоб не мучиться больше.

[1] Пахитоска — тонкая сигара из мелкого резаного табака, завернутого в лист маиса

Глава пятнадцатая

Глава пятнадцатая

Экран планшета моргнул, словно подмигивая напоследок, и погас окончательно. Яр потряс наладонник, даже об коленку постучал. Но совесть в электронике уснула вместе с батареей. Лейтенант сунул бесполезный кусок пластика в карман, со злости едва не оторвав клапан, и, задрав голову, уставился на люк. — Ну и что там за хрень? — поинтересовался он уныло. Крышка, поросшая бородой ржавой плесени, мха или какой-то другой дряни, грозными взглядами не впечатлилась и сообщать есть ли за ней выход не спешила. Голос парня гулко прокатился по бетонной трубе, всего на секунду заглушив мерный, пыточный звук падающих капель, и потерялся где-то за взломанной решёткой. Яр переступил с ноги на ногу, плеснув стылой водой, от которой икры задеревенели до самых натуральных судорог. Утёр подбородок с осевшей на щетине влагой от парящего, словно у собаки на морозе, дыхания. — Шеф, там вроде клубешник какой-то. Или концертный зал, что ли? — подал голос сержант. Мужик, которому, кажется, уже все было глубоко фиолетово, устало привалился спиной к бетонной трубе, чертя лучом подствольного фонарика на противоположной стене. Яр, конечно, мог и ошибиться, но вырисовывал акшара член. — А ты откуда знаешь? — Да мы тут, кажись, как-то чёрного гоняли, — равнодушно отозвался сержант, чуток подумал, чертя световой контур заново и глубокомысленно добавил, — А может и не тут. — Ну, зашибись! — восхитился Яр. — Да тебе за такую информацию премию выписать стоит! Подчинённый восторгов начальства не оценил, равнодушно пожал плечами, не отрываясь от своего высокоинтеллектуального занятия. Они все устали до полного равнодушия. Вопросы вроде: «Куда дальше?» и «Что там?» перестали интересовать. Уж дойти бы хоть куда-нибудь. Блондин почесал ногтем бровь, тяжело вздохнул, перебросив автомат за спину. И подпрыгнул, хватаясь за перекладину под люком, даже на вид прогнившую до трухи. Видимо этот прут был единственным, что осталось от бывшей лестницы. Яр подтянулся, чертыхнувшись, когда перекладина под его весом испуганно

скрипнула. Болтая ногами, блондин вывернул напряжённую до вздувшихся вен шею, но сумел-таки прижаться ухом к крышке. По ту сторону чего бы там ни было стояло могильная тишина. Впрочем, это люк, не смотря на всю свою трухлявость, мог оказаться слишком толстым. Но ведь и дело то к утру шло. В это время концертов не проводилось, а все приличные ночные клубы уже закрывались. — Ладно, какая на хрен разница? Дальше то все равно ходу нет, — буркнул Яр, спрыгнув на скрытый под водой пол. Солдаты, шарахнувшиеся от веера брызг, глянули на своего командира с особой любовью. — Ну, чего пялитесь, дамочки? Давайте, сержант вперёд, остальные по расчёту! Двигаем, двигаем! Акшара два раза повезло — по мелочи. И один раз не повезло, но уже по крупному. Вылезли они в какой-то котельной не котельной, но труб тут было в избытке. Зато ни бомжей, ни слишком ретивых сантехников не наблюдалось. Собственно, кроме намертво прикипевших к железу вентилям тут вообще ничего не нашлось. Зато имелась дверь, ведущая в коридор, заваленный хламом так, что солдатам пришлось проявлять чудеса эквилибристики. Но на этом везение закончилось. Коридор их привёл к самому натуральному зрительному залу. Помещение оказалось абсолютно пустым. Только на сцене шевелилось ленивое подобие жизни. Рабочие ползали вокруг ажурной, напоминающей подъёмный кран, конструкции, но без суеты и спешки. Кажется, они больше обсуждали, как и что надо сделать, чем действительно делали. Откуда-то из темноты доносились звуки гитары. Не единая мелодия, а обрывки, отдельные переборы, как будто кто-то настраивал инструмент. Да ещё по подмосткам прогуливалась девица — прохаживалась от одного края до другого, словно шаги считая. Время от времени она замирала, поднимая голову, словно что-то хотела разглядеть в темноте зала. Ну, девица и девица. Высокая, хотя подиум сцены и изменял перспективу. Поэтому могло быть так, что это не она высокая, а рабочие, прохлаждающиеся у неё за спиной, низкорослые. Но, в общем и целом, ничего особенного. Темные волосы заколоты на затылке и их кончики нелепо торчали над макушкой. Лица не разглядеть — слишком далеко. Фигуру скрывал толстый свитер. Вот ноги в узких джинсах... Ноги, да — хороши. Собственно, в данный момент лейтенанта волновали не её прелести, а то, что дамочка могла заметить акшара. Точнее, она просто не могла их не заметить, так как выход из зала тут был один единственный — как раз у противоположной стены. То есть, отряду предстояло каким-то магическим способом пересечь здоровое помещение, к тому же забитое рядами кресел. Видимо пришла пора учиться оборачиваться призраками. Деваха остановилась посередине сцены и крикнула куда-то в сторону, чтобы проверили центральный монитор. Кажется, добавила ещё что-то про освещение — Яр не расслышал. Громадный экран за её спиной, словно собранный из кубиков, вспыхнул, зарябил и сфокусировался на лице девушки. Спроси его кто, Яр бы не ответил, красивая она или нет. Ну, не привык он баб оценивать по лицу. Все, что его интересовало, находилось ниже подбородка. А тут лейтенанта как гантелей припечатало. Блондин просто взгляда не мог отвести от черных прядок на висках. Которые почему-то вились колечками, хотя шевелюра у неё была тяжёлая и абсолютно гладкая. Но вот эти тоненькие прядки завивались в кудряшки на бьющейся в такт пульсу синеватой жилке. И в этом было что-то такое... Лейтенант повернулся, неловко дёрнув плечом, и едва не снёс фанерный щит, за которым присел на корточки. Не то чтобы он был готов немедленно из штанов выпрыгнуть, но девачка зацепила, даже во рту стало сладко. Не приторно, а вкусно так. Блондин пялился на картинку, как идиот. Вроде бы она продолжала говорить, но он не слушал. Просто смотрел, как двигаются губы. Из ступора акшара вывел его собственный сержант. Мужик, видимо сообразивший, что с командиром не все ладно,

придвинулся к спине, сопя на ухо, обдавая запахом табачного перегара и крепким настоем канализации. Да и девица, напоследок ещё раз глянув в зал, куда-то скрылась. Монитор, медленно затухая, погас, и сцена опустела, даже рабочие умотали. А вот это относилось к разряду хороших новостей. *** Акшарские уроды оказались сообразительнее, чем он рассчитывал. Сумели-таки умотать до того, как прискакали копы. Правда и наследили, видимо, изрядно. Потому что спустя всего полчаса заброшенный дом окружали чуть ли не все полицейские машины, которые имелись в Крысиных кварталах. Штук двадцать их тут было точно. Впрочем, Гэр не слишком расстроился. Игра-то только начиналась. И, пожалуй, было бы не слишком интересно, кончись она прямо здесь. Своего он добился. Теперь акшара будут за ним бегать, как бобики. Баба — это, конечно, хороший стимул. Но ещё лучше то, что он им самим сумел хвост прищемить. Ракшас довольно усмехнулся, наблюдая, как в оконных проёмах мечутся тонкие лучи фонарей. Люди по своему обыкновению развели абсолютно ненужную суету. Видимо, муравьиное мельтешение помогало им избавиться от чувства собственной беспомощности. Пора было занять их делом, а, заодно, и намекнуть, что тут поблизости шляются нехорошие парни, способные доставить мирным жителям кучу проблем. Гэр, не вставая с корточек, достал из кармана телефон, наощупь набрав номер. К остову здания как раз подъехали две пожарные машины. И это тоже было совсем неплохо. Непонятно, что они тут забыли в данный конкретный момент, но совсем скоро им работа найдётся. — Это я, — мурлыкнул виск в трубку, как только гудки сменились тишиной, — действуем по плану. — Не звони мне больше. Ракшас от неожиданности едва на задницу не сел. Его реально мотнуло так, что пришлось даже на руку опереться. — Не понял?.. — рыкнул он в трубку, брезгливо отряхивая испачканную асфальтным крошечком ладонь о брючину. — Чего именно ты не понял? Я с тобой больше никаких дел не имею. Акр тебя слил. А мне ещё пожить хочется. — Кому слил? Ракшас все-таки сел на землю, привалившись спиной к стене. Просто ему вдруг показалось, что он куда-то проваливается. Или асфальт стал зыбким, как грёбанное болото. А, может, ещё что-то произошло. Но ему вдруг потребовалась более надёжная опора, чем собственные пятки. По крайней мере, зад земля ещё держала. — Всем и сразу. Тебя ищут и люди, и акшара, — голос в трубке замялся, как будто пережёвывала слова. — Наши тоже. Короче, разрешение на твой отстрел выдано всем. Ну, удачи, что ли? Пока. — Стой! — Гэру казалось, что он рявкнул, а на самом деле вышел придушенный шёпот. — Почему? Ладно, эти уроды, но ты-то почему меня кидаешь, а? Ты же говорил, что... — Да мало ли что я говорил? Ну, реально, скучно это все. Отлавливай этих собак по одиночке... Конечно, было бы забавнее, прокати твой план. Но дохлomu ёжику понятно — не позволят тебе большой шухер навести. Ты же не дурак, виск, сам прикинь. Короче, моё дело — сторона. Телефон запиликал в ухо длинными, безнадежными гудками. Ракшас опустил руки, свесив их между широко разведёнными коленями, упёрся затылком в стену. Впервые в жизни он пожалел, что не курит. Сигарета сейчас была бы к месту. На него открыли охоту, как на бешеного пса. Нет, на бешеного волка звучит круче. Хотя как бы это не звучало, а в дерьме он по самые уши. За которые, наверное, уже даже и награду назначили. Свои же и назначили. Хотя — стоп. Нет никаких своих и не было никогда. У них собственная игра, в которую Гэра не пускали. Игра в войнушку. Не было никакой настоящей войны, в неё просто игрались большие дяди. Он знал это прекрасно, всегда знал. Акр от висксов реального положения вещей и не скрывал никогда. Не заострял на этом внимания, но и тайны не делал. Остальные ракшасы пусть что хотят, то и думают. Те, кто реально дело делает, должны быть в курсе. Ни у акшара, ни у ракшасов не

было ни сил, не возможностей всерьёз противостоять людям. Да ещё белые мудаки по рукам связаны гражданскими. В Норе такой проблемы не знали, зато и бойцов у них в полтора раза меньше. Куда при таком раскладе свободы отстаивать? Но и людям ни с руки с генными кардинально разбираться. У них собственных проблем до жопы. А если бы они наехали всерьёз, то, опять же, ни акшары, ни ракшасы, покорно брюхо не подставят. На кой людям гражданская, да ещё и партизанская война в собственной столице? Вот и определили грёбанное статус-кво. «Генников» как будто бы нет, а ракшасы с акшара как будто бы воюют. И ни у кого никаких вопросов не возникает. Наверное, на этом ещё и немалые бабки кто-то поднимал. Хотя, что значит «кто-то»? Пушки-то откуда-то брались, техника и прочая лабуда. С «чёрного» рынка. Ага, классный отмаз. Такой чёрный, что никому не видать. Хотя только маслины, наверное, вагонами закупают, что те, что другие. Гэр усмехнулся, помотал головой. И почему эта гениальная мысль ему раньше в башку не пришла, а? Главное же, только ленивый в уши не дул: «Никто тебе, парень, не даст такого сделать!». Идиот? Полный. Придурок. Проблема в том... Проблема в том, что он в эту войнушку верил. Бесверы-то в то, что ты правее правых живётся слишком дерьмово. На кой он тогда вообще тут появился? Не пёс же он цепной, в самом деле. Хотя другие видать искренне полагают, что так оно и есть. Ракшас цыкнул языком, длинно сплюнув сквозь зубы. — Ладно, козлы, будет вам...ый мессия! — Процедил он. — А я послушаю, как вы запоёте, когда вам яйца оторвёт... Висс медленно, придерживаясь рукой за стену, поднялся. Он был в полном порядке. Просто ноги от долгого сиденья на холодном асфальте затекли. Гэр покрутил шей, присел, пару раз долбанул кулаком собственную тень. Нервная, но приятная энергия закипала внутри, бурля мелкими пузырьками, требуя выхода. У него появилась цель, собственная цель. Наконец-то. Ночь давно перевалила за середину, а сделать предстояло ещё многое. Но сначала нужно вычистить собственное убежище. Надежды на то, что его не найдут, мало. А в «компе» он наследил изрядно. И, кстати, дом, в котором он себе логово оборудовал, подходил для начала его миссии идеально. *** Ощущение времени у Вейр пропало давным-давно. Она понятия не имела день на дворе, утро или ночь. Не говоря уж о том, чтобы определить час. Только вот Ли все равно была уверена — ракшас явился гораздо позже, чем обычно. Пустой желудок и переполненный мочевой пузырь служили ориентирами ничуть не хуже, чем часы. Правда, удовлетворять её естественные надобности чёрный не спешил. Он вообще не обращал на врача внимания, как будто заложницы неожиданно стала бестелесной, как привидение. Даже своим фирменным взглядом с порога не удостоил. Он метался от двери к компьютеру и обратно с такой скоростью, что у Вейр в глазах начали мельтешить тёмные пятна. Но намекнуть на своё присутствие Ли не решалась. Наоборот, сжалась в комок, обняв руками колени. Чем он таким занимался, врач понятия не имела. Несколько раз за стеной что-то громыхнуло, заставив пол вздрогнуть. Потом запахло озоном, как после грозы и ещё чем-то, будто нагретым пластиком. Происходящее Вейр активно не нравилось. Точнее, оно пугало до вполне реальных спазмов. Кажется, Дем, все-таки не успеет её спасти. Эта мысль была единственной, плавающей в ледяном бульоне под черепом. Скорее и не мысль, а строчка, как будто врач раз за разом читала с листа: «Дем не успеет её спасти...». Зато и страха она не чувствовала. Эмоции вообще куда-то делись, оставив себе на смену только ноющий желудок, да тяжесть внизу живота. Лишь они и свидетельствовали: она все ещё живая. Или, скорее, условно живая. Когда перед ней на корточки присел акшара, она ничего не поняла. Не подумала, будто ей мерещится. Просто пялилась на него, тупо пытаюсь сообразить, что это такое появилось. — Давай быстро и по

сути, — его голос показался Вейр слишком непривычным, хриплым. Ухо царапало отсутствие мурлыкающе-рычащих ноток. — Ты цела? Не слишком понимая, о чем её спрашивают, Ли кивнула. — Под наркотой? Вейр отрицательно помотала головой. — Что не так? Дем легко, почти ласково, обхватил её лицо ладонями, поворачивая его к свету, рассматривая зрачки. — Писать хочу, — призналась Ли. Лейтенант усмехнулся. — Ну, с этим придётся подождать. Или не жди — как удобнее. И только тут до врача дошло, что это действительно он — Дем. Сидит рядом и рассматривает её глаза с почти профессиональным интересом. Она вцепилась в запястья акшара, расцарапала кожу до крови, но даже не заметила этого, и попыталась отпихнуть парня от себя. Конечно, ничего из этого не вышло. С таким же успехом она могла и бетонную стену толкать. — Он здесь! Тут где-то! Уйди, уходи, пожалуйста... — лихорадочно зашептала Вейр. — Если он тебя тут, то... Уходи, слышишь? — Ну, начинается! — парень одним неуловимым каким-то движением высвободил руки, перехватив ладони Ли и придавив их к её же собственным коленям. — «Брось меня, брат, со мной не дойдёшь!». Смотри поменьше боевиков, ладно? — Он же тебя... убьёт! — истерично взвизгнула врач, напрочь забыв, что нужно шептать. — Твоя вера в меня умиляет, — буркнул Дем, глянув на неё насуплено, косо. Обиделся, кажется. — Ты не понимаешь... — Точно. Не понимаю. Будь добра, завали на пять минут хавальник и не дёргайся, лады? А потом ты мне всё объяснишь. Врач действительно захлопнула рот, звонко клацнув зубами. Потом опять открыла и снова закрыла, правда уже без энтузиазма. Вейр решила, что возмущения типа: «Как ты со мной разговариваешь?!» в данном случае будут не слишком уместными. Это действительно могло и подождать. Пока она соображала, чтобы такого умного сказать, Дем, повернув голову врача на бок, ощупывал замок на ошейнике. Его пальцы были тёплыми и очень твёрдыми. И это не самое волшебное ощущение действовало на Ли странно. Лёд под черепом начал таять, заодно смывая скопившуюся перед глазами муть. И как будто даже сил прибавлялось. Акшара хмыкнул, резко дёрнул, отшвырнув разорванный ошейник вместе с обиженно звякнувшей цепью в сторону. И приподнял запястья Вейр, рассматривая наручники с ненормальным каким-то любопытством. — С этим тоже придётся подождать. Не пережимают? — Нет, даже пальцы не отеки, — заверила его Ли для убедительности этими самыми пальцами и пошевелив. — Тогда пошли. Дем встал и потянул её за локоть вверх. Врач попыталась встать, но получилось у неё не слишком ловко. В конечном счёте, акшара её просто вздёрнул на ноги, да ещё и придержал, пока она вспоминала, что такого надо сделать, чтобы стоять вертикально. — Куда? — Вейр опять уставилась на него, с трудом соображая, какой пункт дальше идёт по плану. — Спасаться! — рявкнул Дан, которого врач таки вывела из себя. Кажется, он хотел добавить ещё что-то, но вдруг, глянув куда-то поверх головы Вейр, толкнул её к стене, да ещё и сверху навалился, прижимая спиной. Прделано это было без всякой нежности и Ли довольно чувствительно приложилась затылком о бетон. — И далеко это вы собрались? Ракшаса врач не видела. Собственно, в данный момент она вообще кроме обтянутых кожей пальто лопаток лейтенанта не видела. И от этого жуть накатила с новой силой. Все-таки, комфортнее знать с какой стороны бросится враг, чем гадать по голосу. — Как же я так лоханулся то? — пробормотал Дем. — В первый раз, что ли? — явно усмехнулся чёрный. — Точно, не в первый. Оба мужика заткнулись, вероятно буравя друг друга самцовыми взглядами. В подвале повисла тишина такая тяжёлая и плотная, что Ли казалось — сумеи она руку протянуть, могла бы пощупать это молчание. Но эксперимент провести не удалось. Зажатая Демом врач не в силах была и ногой подрыгать. Доктор завозилась, пытаясь разглядеть, что

там такое происходит, но акшара только сильней навалился на неё. Зато теперь она видеть из-под его руки кусочек подвал и, главное, проем входной двери, в котором застыл ракшас. Между прочим, чёрный, и раньше симпатии не вызывавшись, сейчас выглядел по настоящему жутко. Лицо, разбитое так, словно он со всего размаху на стену налетел, глянцево поблёскивало как отлакированное. С оттопыренной, порванной нижней губы тонкой струйкой сочилась кровь, смешиваясь с тягучей слюной. Одной рукой он держался за косяк — ракшаса заметно поматывало. А вот другой сжимал пистолет, между прочим, направленный на них. И вот пушка даже и не думала вздрагивать или вилять в сторону. Как привязанная смотрела черным глазком дула точно Дему в лоб. Правда, кажется, акшара тоже не был безоружным. Вейр не видела, но судя по напряжённой руке, у лейтенанта собственный ствол имелся. И демонстрировать его чёрному парень не стеснялся. — Ну что, так и будем торчать до второго пришествия? — поинтересовался ракшас, сплюнув на пол. — Предлагаешь прилечь? — хмыкнул Дем. — Да можно и так, — Гэр гоготнул неожиданно весело, даже задорно. — Я-то могу и постоять — мне по херу. И так в трупы записали. И пластид рванёт без меня. А вот ты что делать будешь, герой? — Пристрелю? — предположил лейтенант. — Или я тебя. Сыграем в долбанных ковбоев? Быстрый, но дохлый? Против такого расклада я тоже ничего не имею. — А как тебе игра съе...сь отсюда, пока не рвануло? — вынес встречное предложение акшара. — Понимаешь, мне девку отсюда вытащить надо. А тебя я и потом найду. — С чего это ты вдруг решил, будто я могу побыть добрым? — осклабился ракшас, почти до дёсен обнажив зубы, окрашенные красным. Его мотнуло вперёд так, что он едва дверной косяк не выдрал. Но вот пистолет не отклонился в сторону ни на сантиметр. — А так подыхать интереснее. Ты как бы убегаешь, я как бы догоняю. А вместе мы шхеримся от тех, кто набежит на поднятый тобой шухер. Давай сейчас ты мне ключики от браслета кинешь, да и провалишь отсюда. Как тебе план? — Может, тебя ещё на ручках до выхода донести? — Да нет, я сам, ножками. Давай сюда ключ и вали. Вейр почти ничего из этого брутального трёпа не поняла. Собственно, мозги до сих пор ворочались с трудом. До неё только и дошло, что ракшас куда-то делся, а Дем расстегнул на ней наручники. *** Акшара волок её за собой с настойчивостью носорога. Ли не столько бежала, сколько волоклась за ним, пытаясь не запутаться в собственных ногах. Получалось у врача не слишком хорошо. Конечности слушались хозяйку плоховато. Да ещё вокруг царила такая темнота, что она Дема-то практически не видела. А парень явно куда-то очень спешил. Пока они пробирались по подвалу, было не так плохо. Света, падающего сквозь дверной проем комнатухи, в которой сидела врач, хватало на то, чтобы видеть, куда ноги ставить даже тогда, когда они отошли на приличное расстояние. А вот потом стало хуже. Они выбрались в какое-то очень большое помещение. Шаги отдавались гулко, и собственное похрипывающее дыхание Вейр слышала с эхом. Вроде бы, вокруг высились какие-то колонны, но действительно ли это были опоры или просто тени, определить врач не могла. — Мы где? — пискнула она, запнувшись в очередной раз и врезавшись носом в спину акшара. — Парковка под домом, — ответил парень, упорно тянущий Ли вперёд. — Закрытая. Послушай, я не могу тебя нести. Мне нужна хоть одна свободная рука, понимаешь? Постарайся идти побыстрее. — А зачем? Этот же ушёл, — врач хлопнула внезапно забившимся носом. Или она просто раньше не замечала, что у неё насморк? — Кстати, почему он ушёл. — Жить хочет, — хмыкнул Дем. — Понимаю, у тебя шок и все дела, но попытайся ускориться, ради Девы, а? Мне тоже ещё пожить надо. Я даже не знаю, на сколько этот мудак таймер поставил. Давай, перебирай копытами! — Какой таймер? До Ли

хоть и с трудом, но начало доходить — с ней действительно что-то не то. При слове «таймер» почему-то возникли ассоциации с микроволновкой. Да и её расспросы слишком уж сильно напоминали поведение блондинистых героинь все тех же боевиков, которые ей, оказывается, смотреть не стоило. На её вопрос лейтенант не ответил, только прибавил шагу. — Он что?.. Не-ет... Ну ты же не хочешь сказать?.. Акшара явно вообще ничего говорить не хотел, только пёр вперёд, как бульдозер. Вейр попыталась затормозить, упёршись пятками в пол, и даже руку свою дёрнула так, что в плече что-то хрустнуло. — Это же жилой дом, да? И он его взорвать хочет, да? Кажется, ещё чуть-чуть и её голос сорвался бы на визг. Дем выматерился и по прежнему игнорируя вопросы Ли, перехватил врача поперёк талии, взвалив себе на плечо, как мешок, рванул вперёд уже бегом. Вейр дрыгала ногами и колотила парня по груди, что-то бессвязно вереща про то, что так нельзя и надо спасти людей. Но он на её дёрганье не обращал ни малейшего внимания. Темнота неожиданно кончилась, как будто они вынырнули из-под чернильной воды. Перед глазами доктора моталась расчерченная черными трещинами асфальт, сквозь который пробивалась жёлтая, пожухшая трава, кое-где придавленная гниющим железом. Правда все это она видела смазано, как сквозь пелену. Слезы, смешиваясь с соплями, текли по лицу. Дем вдруг споткнулся, засеменял вперёд, как будто его в спину толкнули. И только потом, с задержкой, Ли услышала сзади негромкий, даже деликатный какой-то хлопок. Волосы, мотающиеся перед лицом как пакля, взметнул по-летнему тёплый ветерок. А вот потом грохнуло по-настоящему. Так, что даже уши заложило. И Вейр показалось, будто она угодила прямиком в барабан работающей стиральной машины. Мир закрутился каруселью, причём в несколько сторон одновременно. Её куда-то понесло, приложило боком до хруста в рёбрах, а потом и головой. Из носа хлынул настоящий поток, и ладони обожгло, словно она их в огонь сунула. Также резко, как и завертелся, мир снова стал стабильным и неподвижным, только в ушах что-то тоненько, с комариным пискom, звенело. До Ли дошло, что она растянулась на асфальте, ткнувшись разбитым в кровь носом в какую-то железку. А ещё за пискom что-то ровно, мощно гудело. Врач не без труда перевернулась на спину, уставившись в светлеющее, предутреннее небо, подсвеченное откуда-то с боку красным. Болело всё и везде. Казалось, что у неё ни одной целой кости не осталось — их просто перемололо в труху. И тело уже и не тело вовсе, а мешок с костной стружкой. Ещё и лицу было жарко, как будто рядом горел гигантский костёр. — Ты как? — раздалось откуда-то сверху, словно к ней решил обратиться сам господь Бог. Но, конечно, до такой чести Вейр ещё не дожила. Просто над ней навис Дем, поглядывающий на врача одним глазом, как сорока, и одновременно прикуривающий сигарету. Ли в ответ помотала головой, потом кивнула и поняла, что внятного ответа на этот вопрос у неё не имеется. Врач попыталась сесть. Как не странно, но у неё получилось. Правда, не без помощи парня, не слишком нежно подпихнувшего доктора в спину. — Как-то спасение я себе по-другому представляла, — проворчала Вейр. Она, морщась, положила ладонь на разбитый бок, словно опасаясь, что сломанные ребра вылезут наружу, и рукавом куртки вытерла кровь, сочащуюся из носа. И тут её взгляд зацепился за... это. Неподалёку действительно полыхал громадный костёр. Вроде бы, бетон по определению не должен гореть, но он горел, весело потрескивая, как будто зданию, превратившемуся в груды обломков, такой конец даже нравился. Шустрые язычки пламени с энтузиазмом лизали серый камень, высовываясь в щели и остатки оконных проёмов юркими змейками. Это не был жилой дом. Скорее заводской цехи или что-то вроде офисного центра. Да и как бы помещения не использовали раньше, последние лет десять, пожалуй, тут кроме крыс никого

не водилось. Видимо, ракшас испытывал особую нежность к заброшенным зданиям. Впрочем, такого добра в Крысиных кварталах хватало. И в больном на всю голову чёрном определённо скончался актёр. Может быть и не гениальный, но талантливый точно. Единственную практически полностью уцелевшую стену украшали огромные красные, как будто кровью написанные, буквы: «Мы вернулись!». И ещё знак — кулак, сжимающий спираль ДНК. Выглядело это все вполне антуражно. — Это что? — мотнула подбородком Вейр, указывая на рисунок. — Знак бунтовщиков, — неохотно буркнул Дем, поднимая врача на ноги. — Так бунт, значит, был? Акшара ничего не ответил. Просто развернул Ли к себе спиной и прижал, укрыв полами пальто.

Глава шестнадцатая

Глава шестнадцатая

Вейр, сложив руки на подушке и упёршись в них подбородком, наблюдала за тем, как собирается Дем. На этот раз парень никуда не спешил, одевался обстоятельно. Долго возился с кобурой, прилаживая её поудобнее. Оказалось, что лейтенант таскает при себе целую груда металлолома, о наличии которой Ли раньше и не подозревала. Она попыталась прикинуть, как это акшара распахивают весь свой арсенал, делая его таким незаметным — у неё ничего не получилось. Ножи, цепи, пистолеты и не пойми какие ещё штуки, как будто растворялись в складках одежды.

Врач вздохнула, натянула одеяло почти до самых ушей и перевернулась на спину.

— И что я теперь должна буду сделать, чтобы ты не сбежал? — поинтересовалась она очень, ну просто абсолютно равнодушным тоном. — Связаться-таки с настоящими террористами? Попросить, чтобы меня похитили инопланетяне?

Краем глаза Вейр заметила, что Дем замер и будто бы дёрнул подбородком вверх. Видимо, спрашивал, о чем это она.

— Не сбе-гал, — по слогам пояснила доктор. — Что мне сделать, чтобы ты от меня не бегал? Я тебе настолько неприятна?

— Да нет... — не слишком уверенно и только после заметной паузы отозвался акшара.

— Да нет, — повторила Вейр, — как мило. Пожалуй, мне стоит поблагодарить за такую оценку. По крайней мере, не совсем «да».

— Послушай, — лейтенант замялся, натягивая пальто. Притормозил, как будто раздумывал, продолжать одеваться или, все-таки, отложить это занятие. И повёл плечами, расправляя чёрную кожу. — Не силен я в этих ваших бабских штучках. Ну, серьёзно. Ты меня просто спроси. Вот как оно есть — так и спроси.

Ли резко, рывком снова перевернулась на живот и даже на локтях приподнялась.

— Просто, да? Хорошо, я спрашиваю! На кой. Хрен. Ты. Сбегаешь? Так понятнее?

— В разы, — усмехнулся лейтенант, осторожно, как будто боясь запачкать, присаживаясь на край постели. — Только я все равно не въехал. Куда это я сбегаю?

— Откуда я знаю? Я за тобой не слежу!

— Ты чего-то не поняла просто, — Дем взял её руку, сжатую в кулак, по одному разгибая едва ли не судорогой сведённые пальцы. — Я никуда не бегаю. Мне просто пора. На улицу пора.

— Чего ты врешь? — Вейр попыталась вырвать у парня свою ладонь. Результат был вполне предсказуемым — никаким. — Я же собственными ушами слышал, что Тир тебе

запретил патрулирование, пока во всем этом майор не разберётся.

— Не знаю, кто там с кем разобраться должен. А ты, смотрю, в ситуацию на лету въезжаешь, — лейтенант положил ладонь Ли на свою, сидел, рассматривал, словно что-то необычное увидел. Доктор тоже глянула — ничего особенного. Разве что её рука была раза в два меньше, чем у акшара. — Только я не в патруль. Мне его найти надо. Ракшаса того.

— Зачем?

Доктор села на кровати, удерживая простынь на груди. Мотнула головой, убирая мешающие волосы, но ничего путного у неё не вышло. Для того чтобы избавиться от колтуна перед лицом, требовались руки. Только вот беда — свободной конечности не нашлось.

Но путаница прядей не помешала разглядеть лицо Дема — спокойно-отрешённое, ни черта не выражающее, даже глаза не глаза, а стеклянные жёлтые шарики. Маска куклы. Машина. Чёртов робот. Акшара сейчас походил на...

Вейр вздрогнула, как будто ей между лопаток пакет со льдом положили. Ну — да, лейтенант смотрелся близнецом чёрного. Даром, что они отличались как небо и земля. Похожесть тут была не во внешности.

— Я... — её собственный голос подвёл, предательски съехав на хрип. Пришлось откашляться. — Я не хочу, чтобы ты за ним гонялся, понял?

Дем пожал плечами. Это простое движение вышло у него удивительно равнодушным. Ни хрена он не понял. А — главное! — понимать не собирался.

Акшара поднял её руку с одеяла, по очереди, одну за другой, поцеловал костяшки пальцев, и положил ладонь обратно — аккуратно, как будто она была стеклянной. И встал, застёгивая пальто.

— Я... Я запрещаю тебе! Слышишь, ты?! Я просто запрещаю тебе! Понятно? — Вейр снова сжала кулаки, буравя широченную спину взглядом.

Как будто это могло ей помочь.

Парень обернулся через плечо, глянул на неё даже как-то удивлено, мол: «Ты чего мне делаешь?». И, не торопясь, продолжил своё занятие.

— Если ты сейчас уйдёшь, то можешь вообще никогда не возвращаться! — голос Ли куда-то поехал, срываясь едва не на визг. Кажется, вполне закономерная и такая долгожданная истерика наконец-то догнала её. — Ты понял? Вот больше даже не подходи ко мне, понял?! Я не хочу тут сдохнуть, дожидаясь тебя! По твоему, мне делать больше нечего, как сидеть и гадать: подстрелили тебя уже или ещё нет?! Да мне на фиг это не нужно! Уйдёшь — не возвращайся. Проваливай куда хочешь! К майору, к ракшасам, к черту! Ты меня понял?

Дем терпеливо дождался окончания её тирады, преувеличенно тщательно натягивая перчатки с обрезанными пальцами и расправляя каждую складочку. Только поглядывал на врача исподлобья. Глянет — и опять на свои перчатки уставится.

Когда доктор, судорожно сжимающая на груди простыню так, что даже кулаки побелели, наконец, замолчала, акшара коротко кивнул. Шагнул к ней, нависнув чёрной тушей. Нагнулся, поцеловав коротко, сухо, как будто печать поставил.

— Я вернусь, не бойся, — шепнул Дем ей в губы, — обещаю.

— Да мне плевать, вернёшься ты или нет, — пробормотала Вейр, моргая часто-часто, только бы дурные слезы, давившие на глаза изнутри, не пролились.

Лейтенант снова кивнул, развернулся и пошёл к двери.

— Пожалуйста, — проскулила Ли, отпихнув в сторону ноющую гордость, —

пожалуйста, не уходи! Я не могу остаться... ещё и без тебя.

Акшара, придерживая дверную ручку, задержался, но всего на секунду. Даже оборачиваться не стал.

— Я вернусь, — повторил он и вышел, аккуратно прикрыв за собой створку.

— Да мне по фигу! — проорала ему вслед Вейр, швырнув в закрытую дверь подушкой. — Хоть вообще не возвращайся! Да пусть тебя...

Доктор замерла, сообразив, что она едва не ляпнула. И со всей дури шлёпнула себя по губам так, что во рту стало кисло и горько одновременно, как будто она медную монетку под язык сунула. Ли закусила щеку, мотнула головой.

— Мне все равно! Мне. Все. Равно! — прорычала она.

И ткнулась лицом в колени, зарывав в голос, вздрагивая всем телом, словно её судорожный припадок колотил. Истерика прилегла рядом с ней на единственной оставшейся подушке, устроилась вольготно, фальшиво-заботливо поглаживая костистой ручкой доктора по плечу. В конце концов, она ждала долго, даже слишком долго. Но теперь-то можно было оторваться по полной.

Под ботинками что-то хлюпало и попискивало, словно он живых крысят давил. Может и давил — Гэр все равно толком ничего рассмотреть не мог. И не только из-за темноты, затопившей этот грёбаный подземный переход как киселём. Рана на лбу подтекать перестала. Но вот запёкшаяся кровяная корка, налипшая на лицо, склеивала ресницы не хуже цемента.

Умыться бы, да негде. Вокруг была только жидкая, протухшая жижа из сгнившего мусора, прелых листьев и человеческой мочи. Может быть, в этом супе когда-то и была вода, но окунать в это лицо не рекомендовалось.

Ракшас замер на месте, стараясь дышать потише. Получилось плоховато. Ребра, помятые ещё бугаем в переулке возле кабака, неожиданно решили напомнить о своём существовании. Виссу казалось, что колкие, как иголка осколки, впиваются в лёгкие, превращая каждый вдох в реальную пытку.

Хотя — нет, виссу как раз ничего и не казалось. Не было больше никакого висса. Не существовало. Возможно, и ракшасом себя называть больше не стоило. И пуля, застрявшая в мякоти бедра, непрозрачно на это намекала. Свой же выпустил, Рес. Даже рука не дрогнула у мудака. По ногам целился, стрелок хренов. Спасибо создателю, косоглазие у парня было, кажется, врождённым.

Гэр бы не промазал.

Кое-как успокоив хриплое дыхание, ракшас прислушался. Звуков вокруг было много — море. Просто даже целый океан. Заброшенный людьми переход продолжал жить своей жизни. Что-то дышало, шуршало, тихонечко потрескивало. Скрипнули крохотные коготки по растрескавшемуся кафелю. Булькнула, переваривая сама себя, жижа на полу. Хрустнула собирающаяся отвалиться плитка.

Но, по крайней мере, шагов слышно не было. И на том спасибо, что дали оторваться.

Висс оперся спиной о стену, просел, сгребая на куртку мерзкую слизь. Вытянул ногу, давая перетянутым, как канаты мышцам расслабиться. Хотя куда там расслабляться? Бедро дёргалo болью, словно под коленом завёлся мелкий паскудный греmlin, покусывающий сухожилия. Как будто на гитаре играл, засранец.

Гэр оскалился, скрипнув стиснутыми зубами. Порванная в драке с акшара-молокососом

губа мгновенно напомнила, что с ней стоит обращаться бережнее. Ракшас сам себе казался мешком с дерьмом, который долго пинали, видимо, пытаясь масло сбить.

Положение у него было — круче не придумаешь. Денег нет, жратвы нет, податься некуда. Обложили со всех сторон. Главное, понятно, что гонят под флажки, где уже поджидают ласковые охотнички. Изнывают, наверное, от нетерпения, бедные.

Зато осталась одна пуля. Ага, в самый раз, чтобы пустить её себе в висок. Вот такой бы исход устроил всех. Особенно если труп Гэра останется гнить в этом вонючем переходе. Да, такое понравится всем. Кроме него. И не потому, что ему так уж чертовски сильно хотелось жить. А потому, что он не шлюха, чтобы каждого удовлетворять. Особенно тех уродов, которые ему особенно не нравились. То есть, все оставшееся население этого грёбанного мира.

Значит, надо выбирать. Хрен его знает, как и куда, но надо. Он висс, а не клоун, не светит ему почтенную публику радовать. Чтобы там про это не думали остальные.

Ракшас обеими руками потянул за брючину, подтаскивая уже успевшую онеметь ногу к себе. Притихший было говнюк-гоблин мгновенно проснулся, прострелив бедро горячей болью. Оставалось только послать его на хер и вставать.

Насколько Гэр помнил, дальше переход должен пересекаться с техническим коридором метро. Схем у него с собой не было, но попробовать уйти таким путём стоило. Надо только грести потихоньку вдоль стеночки — рука сама наткнётся на люк шахты. Вот только если бы мышцы ещё так не сводило, да бочина болела поменьше. Ну, и чтобы глаза видели чётче.

Висс усмехнулся. От какой в сущности дряни зависят мечты. Вчера собирался взорвать бомбу под задницей у всей столицы. А сегодня — пожалуйста, все свелось только к желанию, чтобы болело поменьше.

Короткий луч света мазнул по углу сворачивающего в сторону коридора, на миг разлился пятном по полу, высветив гору шевелящегося, будто дышащего, мусора и растворился в темноте. При большом желании можно было решить, что ракшасу привиделось. Только желание такое отсутствовало. Вперёд идти не стоило. Конечно, фонариком мог размахивать кто угодно, но что-то подсказывало, что этот «кто угодно» явился по его душу.

Оставался только один путь — выбирать на поверхность. Конечно, там его тоже ждали. Может, торжественную встречу организовали не прямо у выхода, но далеко бы уйти не дали. Вопрос только в том, кто именно ждал...

Гэр усмехнулся. А кто сказал, будто он сам не может выбрать встречающего?

Ракшас, криво перегнувшись на бок, выудил из кармана телефон. Глянул на тускло мерцающий экранчик. Батарея уже почти сдохла, но на один звонок заряда должно было хватить. Главное, чтобы сигнал из этой чёртовой крысиной норы прошёл.

Ответили почти сразу, как будто ждали. Точнее, не ответили — в трубке висела густая тишина, но сигналы вызова прекратились.

— Знаешь, ты чертовски предсказуем, акшара, — прохрипел Гэр, промокая основанием ладони разорванную губу. Нет, кровь идти давно перестала. Просто ранку вдруг почти невыносимо засадило. — Я был уверен, что телефон у девки ты заберёшь.

— Жаль, не догадался отдать его кому-нибудь другому, — усмехнулась чернота в трубке. — Вот это был бы прикол. Названиваешь ты и — оп-па! — нарываешься, допустим, на вашу главную жопу. Смешно?

— Уссаться, — согласился висс, — ты, я смотрю, вообще приколист. А по виду и не

скажешь.

— Да я вообще загадочный. От слова «гадить». Кстати, ты тоже предсказуемый. Я был уверен, что ещё объявишься. И по какому поводу названиваем? Соскучился?

— А то, — не стал спорить ракшас, — как по любимой бабе.

— Хочешь ещё один прикол? Я тоже. Как раз вышел тебя искать. Ты где пропадаешь-то, любимый?

— Ты не поверишь — в заднице.

— А поподробнее?

— Можно и поподробнее...

Много времени на то, чтобы объяснить, как найти вход в этот дерьмовый переход, не потребовалось. Молокосос оказался сообразительным. Гэр в нем не ошибся. Сбросив вызов, ракшас размахнулся и зашвырнул бесполезный кусок пластика подальше. Как будто точку поставил.

Оставалось совсем немного. Выбрать местечко поуютнее. Сдыхать тоже с комфортом надо. Да и задаром так на тот свет отправляться висс не собирался. Нет, ним малейших сомнений в том, что акшара его укапает, у Гэра не было. Потому он бледнорожего и выбрал. Пацан показался ему достаточно сильным. А от руки акшара загнуться все приятнее, чем от своих же. Пусть и бывших своих. Только все должно быть не только уместно и вовремя, но и красиво. Насколько это вообще возможно.

Ракшас снова скрипнул зубами, попытавшись ступить на раненную ногу. Кажется, пока он отдыхал, конечность увеличилась раза в два. Пришлось передвигаться вперёд, придерживаясь за стеночку, ковыляя, как пёс с перебитым хребтом. Хорошо, что идти было недалеко.

Вейр вяло ковыряла ложкой кашу, больше размазывая её по тарелке, чем зачерпывая. В столовой народу хватало. Идя сюда, она не сразу и сообразила, что у остальных на Базе рабочий день, в смысле ночь, только начинается. Но разворачиваться в дверях и удирать, показалось глупым. Хотя на неё и пялились, как на явление самой Девы. Офицеры-акшара даже не пытались сделать вид, что она их не интересует. Таращились в открытую. А Най, как назло, нигде видно не было.

Вот и приходилось сидеть, чувствуя себя голой под лучами софитов. Осознавая, что все прекрасно видят и бледную физиономию, и распухшие веки и покрасневшие глаза. И мантра «мне все равно» не помогала абсолютно.

— Разрешите к вам присоединится? — раздалось над головой так неожиданно, что у Ли ложка из пальцев вывернулась, громко звякнув по краю тарелки.

Вейр уставилась на рослую, даже статную женщину, стоящую рядом. В том, что это именно акшара, никаких сомнений не было. И дело не только в габаритах, которые по всем параметрам превышали вейровские раза в два. Видимо, тут мода была такой. Платья с широким подолом в пол и длинными рукавами в купе с головой, замотанной платком, пребывали в тренде.

— Ну, так как? Можно? — женщина улыбнулась, видимо, желая подстегнуть мыслительный процесс доктора.

Ли кивнула и неловко махнула рукой. Движение вышло действительно странным. Не то врач указывала на свободный стул, не то на входную дверь.

Видимо, акшара предпочла расценить жест как приглашение, и устроилась за столиком.

Больше всего к этой женщине подходил синоним «царственная». Даже движения, плавные и неторопливые, были бы гораздо более уместны в каком-нибудь зале приёмов, а не в местной столовой. Да и осанка вполне могла принадлежать урождённой аристократке. Но раздражения акшара не вызывала и величию не подавляла.

Наверное, дело было в выражении лица, а, может, во взгляде. Вот как-то сразу и полностью верилось, что она принимает окружающих такими, какие они есть, со всеми тараканами и заскоками. И не просто принимает, а любит. Вероятно, кого-то больше, кого-то меньше. Но в том, что эта акшара была местной Большой Мамочкой, никаких сомнений не возникало.

— У нас не было возможности познакомиться. Меня зовут Доба или Доб — это как вам удобнее. В смысле, Доброта. Я супруга Реса, — улыбнулась женщина.

При этом вокруг её глаз и уже подвядующих губ собрались морщинки, делающие её гораздо старше, чем показалось на первый взгляд. Но и, действительно, добрее. Даже роднее как-то.

Вот только имя Рес врачу не говорило ни о чем. Но ради вежливости Вейр скроила заинтересованную физиономию.

— Ну, да, действительно. Наверное, он сам уже не помнит, как его зовут, — легко рассмеялась акшара. — Рес — это Кабан. Майор.

— О! — это самое умное, что смогла выдать из себя Ли.

В принципе, майора она видела только один раз. Но как-то он не произвёл на неё впечатления мужчины, у которого может быть вот такая жена. Скорее, ему бы подошла бойбаба со сковородкой наперевес.

— Не судите по внешности, — подмигнула Доб, — ежовые рукавицы я с собой в косметичке ношу.

— И ещё читаете мысли? — буркнула Вейр, возвращаясь к размазыванию каши по тарелке.

Вот эдакую показную прозорливость она терпеть не могла. К ней обычно прилагалась мудрость прожитых лет, которую изливали, позабыв спросить желание собеседника.

— Вы меня простите, и за то, что навязываюсь и за то, что сейчас скажу. — Акшара не преминула подтвердить правильность выводов доктора. — Во-первых, чтобы догадаться, о чем вы думаете, читать мысли необходимости нет. У вас очень живое лицо. А, во-вторых, вы сделаете очень правильный выбор, если останетесь с ним.

— Спасибо за совет. Я его обязательно учту. А сейчас извините, мне нужно идти.

Ли резко отодвинула от себя тарелку с безнадежно остывшей кашей и попыталась встать.

— А могу я вас попросить о консультации? Вы ведь доктор, верно? — придержала её за руку Доб.

— Я не психолог и не психиатр, — гораздо резче, чем стоило бы, ответила Ли.

— Но более подходящих кандидатур тут и нет, — улыбнулась акшара. — Мне правда очень хочется просто поговорить. Знаете, на Базе с женщинами вообще не густо. А те, что есть — молоденькие девочки. Я их не слишком хорошо понимаю. Они меня ещё меньше.

— Ну, хорошо, — нехотя сдалась врач. — Тут поговорим?

— Не думаю, что здесь слишком удобно. Пойдёмте, это недалеко.

Идти казалось действительно недалеко — всего лишь до часовни. Которая ничуть не изменилась с последнего раза. Те же свечи, горящие на полу. Те же блики витражей на

стенах. Та же помпезная статуя Девы и чёрный крест за ней.

Вейр здесь было неудобно, как будто она без спроса в чужую спальню залезла. Врач даже руками себя обняла, зябко потеряв плечи. Зато акшара ничего не смущало. Женщина остановилась перед статуей и улыбнулась ей как старой подруге. Кстати, между Девой и Доб явно было что-то общее.

— Знаете, доктор, с Ресом я познакомилась, когда мне было всего семнадцать. И, естественно, влюбилась тут же. Ну, вы меня понимаете. Та-акой мужчина! — супруга майора обернулась через плечо, как будто желая убедиться, что Ли её действительно поняла.

Доктору оставалось только кивнуть. Ну, правда же! У восторженных девочек не было ни шанса не влюбиться в местных парней. Про них всех скопом и про каждого по отдельности можно сказать: «Та-акой мужчина!».

Стадо отборных самцов.

— Он мне долго не говорил, чем занимается. Понимаете, родители очень неохотно отдают дочерей замуж за воинов. Не слишком надёжно, достаток ниже среднего, а шанс остаться вдовой очень большой. Кто захочет своему ребёнку такую жизнь? Но мы, все-таки, поженились.

Женщина задумалась, как будто вспоминая что-то, глядя на статую.

— И вот тут начался кошмар, — теперь она говорила медленно, с большими паузами. — Эти патрули... Ночь ада через три. Три ночи живёшь нормально, а потом с десяти вечера до пяти утра одна только мысль: «Вернётся или нет?». Семь часов ожидания, четыреста двадцать минут паники, двадцать пять тысяч двести секунд... кошмара. Да. И главный твой враг — часы.

Она обернулась так резко, что атласный подол метнулся по полу, на миг поймав разноцветные отблески витражей.

— Я выдержала недели три, кажется. Потом, конечно, поставила ультиматум. Или я, или улицы. И Рес мне тогда сказал одну вещь... Он сказал: «Я могу измениться и уйти с Базы. Наверное, смогу даже жить нормально. Но только это уже не я буду. Ты уверена, что этого хочешь?». Знаете, что случается с акшара, скажем так, «в отставке»? Восемь из десяти спиваются, один садится на иглу и ещё один просто сходит с ума. Они не умеют адаптироваться к нормальной жизни. Да и как бы это могло случиться, если их с детства натаскивают на то, чтобы быть солдатами? И ведь я влюбилась именно в солдата, а не в сантехника. Так нужен ли мне... сантехник? Как считаете?

Вейр молчала, глядя на мягкие блики свечей, играющие на вплавленных в постамент металлических жетонах. Доб её не торопила, снова отвернувшись к статуе.

— И как вы с этим справились? — Ли, все-таки, решилась заговорить первой.

- А никак не справилась. До сих пор я живу с солдатом, даже если на улицы он давно и не ходит, — улыбнулась Доб. — Но я его люблю таким, какой он есть. И мне кажется, что он любит меня именно за это. За то, что я его принимаю. Хотя за тридцать пять лет брака он ни разу мне не сказал, что любит. Ни разу, представляете? Но разве ж это важно?

Если б доктор ещё знала, что важно, а что — нет.

Серенький, ещё не слишком уверенный рассвет просачивался сквозь включённые окна автомобиля. Кажется, Гэра выдернул из мрака именно этот свет, которого оказалось слишком много. Висс беспомощно захлопал глазами, которые мгновенно заслезались. Заворочался, пытаясь понять, где он находится.

Соображать получалось не слишком хорошо. В голове гудело, затылок ломило, как будто на нем кто-то отплясывал чечётку в кованых ботинках. Да и тело казалось странно скованным, словно чем-то перемотанным. До ракшаса не сразу дошло, что это просто бинты — повязки, туго стягивающие ногу, ребра и, кажется, его несчастный череп.

А ещё откуда-то тянуло табачным дымом. От этого запаха ракшаса немедленно затошнило. Чечётка не чечётка, но сотрясения мозга он явно заработал. Вспомнить бы где.

— Проснулся, спящий красавец? — где-то спереди скрипнула кожа и между сидений — Гэр только сейчас сообразил, что это именно сиденья — появилась морда акшарского молокососа. — На!

Он ткнул в сторону ракшаса серебряистой фляжкой.

— Это что? — хрипло, едва ворочая языком, спросил Гэр.

— Яд, — хмыкнул ублюдок, — пей.

Висс взял «манерку», не сразу, но открутил-таки крышку. Запах спирта шибанул по носу, врезавшись в виски. Замутило ещё сильнее. Ракшас глотнул, потом ещё раз. Посидел истуканом, удерживая водку в желудке. Уговорить организм, что так надо, удалось не сразу. Но, все-таки, удалось. Зато онемение начало пропадать.

— Ну и что дальше? — он протянул руку, возвращая фляжку владельцу.

— Пытать буду, — хмыкнул акшара, — а потом скормлю тебе по кусочкам твои же собственные яйца.

В принципе, такой расклад Гэра ничуть бы не удивил. Он бы даже принял его как единственно возможный. Вот только пацан явно никуда не спешил. Сидел себе, развалясь, и барабанил пальцами по рулю.

Только тут до ракшаса дошло, что не лишним было понять, где он находится. Нет, что в машине — это понятно. А вот где сама-то машина стоит?

Наклонившись чуть вперёд, висс выглянув в окно. Оказалось, что бледномордый припарковал свою колымагу у обочины какого-то старого, выглядевшего как после хорошей бомбёжки, шоссе. Если позади машины полотно дороги ещё смахивало на асфальт, то впереди были только рытвины и ямы. Вряд ли здесь кто-то ездил последние лет тридцать, а то и больше.

По сторонам шоссе высились тёмные, угрюмые деревья, показавшиеся ракшасу, существу глубоко урбанистичному, угрожающими. А вот такие родные и привычные высоты едва голубели на горизонте. Видимо, от столицы акшара отмахал прилично.

— Я не понял, ты меня отпустить, что ли собрался? — усмехнулся Гэр.

Вместо ответа рядом с ним на сиденье тяжело, как кирпич, плюхнулся пистолет. А рядом — туго скатанные в рулончик и перетянутые резинкой купюры. Тут уж ракшас медлить не стал. Первым делом схватился за пушку, проверил обойму — полная.

— Извини, но документов нет. Справляйся сам, — оповестил его акшара.

— Я все равно ни хрена не понял, — признался висс, засовывая ствол за ремень. — Ты добрый, что ли?

— Угу. Считай, что я грёбанный белый Санта. — Гэр не видел, но ему показалось, что парень усмехается. — А почему и для чего — тебе знать не обязательно.

— Нет, ну все же. Интересно же. Или это такой хитрый план? Не грохнешь меня только для того, чтобы я сдох от любопытства? Как-то не по рождественски это.

— А до Рождества ещё далеко, сам говорил. Но так уж и быть, — акшара снова повернулся, демонстрируя свою морду. Вот без этого висс вполне бы мог и обойтись. Рожа

ублюдка ему категорически не нравилась. — Можно сказать, что я просто долг тебе возвращаю. Без тебя я бы до одной идейки никогда не додумался. Считай меня суеверным, но мне кажется, что если я тебя грохну, то ни хрена у меня не получится.

— Это ты типа объяснил? — хмыкнул висс.

-...ля, какой же ты тупой! Знаешь, в чем смысл жизни?

— Ну, давай, просвети.

— В наличии этого самого смысла. Вот его ты мне и вернул.

— Это тем, что я твою бабу...

— А вот об этом ты мне лучше не напоминай, — прорычал акшара, нехорошо прищурив свои жёлтые глазищи, — я ведь и передумать могу.

— Как скажешь, брат.

Гэр благоразумно решил, что он как-нибудь проживёт и с неудовлетворённым любопытством. Да и какая ему на хрен разница, что там в башке у этого уroda варится? Сейчас главное слинять отсюда, убраться подальше и в себя прийти. А там уж и сообразить, что дальше делать.

В конце концов, ему ещё предстояло вернуться. О да! Он определённо вернётся. И вот тогда они и поговорят о смысле жизни. Все вместе потрындят, в уютной дружеской компании.

— Ну, я пошёл?

— Вали, — коротко рявкнул акшара, кажется, потеряв к виссу всякий интерес.

Дэм не спешил заводить машину, наблюдая, как чёрный, хромая и пригибаясь, словно под обстрелом, пересёк шоссе и скрылся между деревьями.

«Нет, ну я все-таки поражаюсь, насколько ты больной на всю голову ублюдок! — с каким-то даже восхищением протянул Бес, развалившийся на переднем сидении, как на кровати. — Это мы, значит, все из себя такие благородные, врага отпускаем, чтобы потом он побольше шухера навёл?»

— У своих навёл, заметь, — лейтенант аккуратно тронулся с места, старательно объезжая разрытый асфальт.

«А почему ты так уверен, что он первым делом не кинется тебе глотку резать?» — с явным скепсисом хмыкнул близнец.

— Потому что теперь я для него «брат». Тот, кто его задницу из дерьма вытащил. Сечёшь? Чужие оговорочки стоит замечать!

Дем усмехнулся. Нехорошо так усмехнулся, показав клык.

«Не, ну на хер таких братьев! Мне как-то без них спокойнее...» — протянул Бес, закидывая руки за голову.

— А родственников не всегда по своей воле выбирают.

Акшара, выключив окна, перевёл колымагу на автопилот. Не смотря на проржавевший корпус, «комп» в этой тачке был покруче, чем в любом навороченном авто. И навигатор мог справиться с управлением даже на старом шоссе, где «маяков» от роду не водилось.

Лейтенант повозился, устраиваясь удобнее, задрал воротник пальто и сложил руки на груди, пристраиваясь вздремнуть. Поднабраться сил было совсем не лишним. Потому что в столице его ждало что угодно, кроме спокойствия. Но теперь Дем и сам его не желал.

Вместо эпилога

Вместо эпилога

Дем сжал руку Вейр с такой силой, что Ли невольно поморщилась. Но лейтенант этого, кажется, даже и не заметил. Он вообще ничего вокруг не видел, кроме загадочно мерцающего монитора.

— Ты мне собираешь пальцы переломать? — осторожно поинтересовалась врач.

— Чего?

Взгляд у акшара был абсолютно отсутствующим, а жёлтые глазищи круглыми, как фонари. И даже поблёскивали лихорадочно. Ли он тоже не увидел. Только глянул мельком и опять уставился на монитор.

— Нет, ну это уже свинство! — возмутилась Вейр и попыталась встать.

— Лежать! — рявкнул лейтенант, и даже на её плечо надавил, будто боясь, что она сейчас ускачет.

— Может мне ещё по стойке смирно выстроиться? — доктор хлюпнула носом, предчувствуя, что сейчас разревётся. И не захочет, но точно опять реветь начнёт. — Ты меня со своими солдатами не перепутал?

— Ну, извини, извини, я больше не буду...

Если бы Дем удосужился хотя бы повернуться к ней, то Вейр ему бы больше поверила. Но монитор парня явно гипнотизировал. Кажется, наступило самое время устроить скандал.

Не дали.

Док, сняв очки и устало потеряв переносицу, развернулся к ним вместе с креслом.

— Ну, что я могу сказать... — протянул он, задирая полу халата и засовывая окуляры в карман.

— Все настолько хреново? — голос Дема упал до такого трагического шёпота, что Ли не удержалась — фыркнула.

— Это, конечно, с какой стороны посмотреть. Честно говоря, я не знаю, чего вы ожидали. Поэтому не могу сказать, обрадуют вас новости или наоборот.

На лейтенанта даже смотреть было больно. Кажется, бравый акшара готовился прямо здесь, не вставая с кушетки, грохнуться в обморок. Вейр не выдержала и сжалась над мужем. Потянулась, разворачивая монитор к себе, и ткнула в него — раз, а потом другой.

— Их двое, просто двое, понимаешь? Два, — она растопырила пальцы вилкой, чтобы выглядело нагляднее. — Близнецы.

— Двое? — Дем, по-прежнему отсутствующе, посмотрел на неё, потом снова на экран. — Двое?

И вдруг схватил Ли, прижав к себе так, что у неё воздух из лёгких выбило.

— Я тебе... Я за тебя... — как ненормальный, забормотал лейтенант. — Дева... ля! Да я... с улиц уйду!

— Ты лучше сделай так, чтобы они туда не попали, — прохрипела Вейр, при этом умудряясь улыбаться в тридцать два зуба.

Но Дем её не слышал. Он теперь даже не на монитор пялился, а куда-то вверх него.

Бес, перегнувшись через приборы, заглянул в экран, на котором бились два крохотных сердечка. Выпрямился, продемонстрировав сразу оба оттопыренных больших пальца и довольно ухмыльнулся во всю пасть.

«Я в тебе и не сомневался!»

Лейтенант только кивнул в ответ. Его собственное сердце почему-то судорожно трепыхнулось в груди и провалилось куда-то.

Брат, продолжая лыбиться, поднял руку, коротко дёрнув кистью из стороны в сторону, прощаясь.

«Ну, ты помнишь, да?»

— Я подчиню, обещаю... — одними губами прошептал Дем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net